Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2021 № 2 (30)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал «Жанры речи» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76706 от 02.09.2019 г.
- Журнал включен в каталог «Пресса России», подписной индекс 70771
- Сайт журнала: http://zhanry-rechi.sgu.ru/
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки))
- Журнал входит в ядро РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science
- Журнал входит в Международные базы данных ERIH PLUS, DOAJ

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский университет, 2021

Редакционная коллегия

Главный редактор
В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора
Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь
О. В. Кощеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:
В. М. Алпатов, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Е. Ю. Викторова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Ст. Гайда, Ph.D., проф. (Ополе, Польша)
Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Харьков, Украина)
М. Еленевская, Ph.D., проф. (Хайфа, Израиль)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Р. Лакофф, Ph.D., проф. (Беркли, США)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Э. Лассан, Ph.D., проф. (Каунас, Литва)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Беларусь)
А. Мустайоки, Ph.D., проф. (Хельсинки, Финляндия)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Р. Ратмайр, Ph.D., проф. (Вена, Австрия)
В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)
О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
А. П. Сковородников, доктор филол. наук, проф. (Красноярск, Россия)
Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)
Хуан Мэй, Ph.D., проф. (Пекин, КНР)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief
Vadim V. Dementyev (Saratov, Russia), https://orcid.org/0000-0002-7532-5788

Deputy Editor-in-Chief
Lubov' V. Balashova (Saratov, Russia), https://orcid.org/0000-0002-3979-2143

Executive Secretary
Olga V. Koshcheeva (Saratov, Russia), https://orcid.org/0000-0002-8506-0867

Members of the Editorial Board:
Vladimir M. Alpatov (Moscow, Russia), https://orcid.org/0000-0003-4323-2832
Elena G. Elina (Saratov, Russia), https://orcid.org/0000-0002-9797-3145
Stanisław Gajda (Opole, Poland), https://orcid.org/0000-0002-2288-9723
Olena I. Goroshko (Kharkov, Ukraine), https://orcid.org/0000-0002-8592-1022
Vladimir I. Karasik (Moscow, Russia), https://orcid.org/0000-0001-8306-5317
Robin Lakoff (Berkeley, USA)
Tat'yana V. Larina (Moscow, Russia), https://orcid.org/0000-0001-6167-455X
Eleonora Lassan (Kaunas, Lithuania), https://orcid.org/0000-0001-9415-9757
Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus), https://orcid.org/0000-0002-7856-0396
Mei Huang (Beijing, China), https://orcid.org/0000-0003-3580-0107
Arto Mustajoki (Helsinki, Finland), https://orcid.org/0000-0002-6609-7090
Boris Y. Norman (Minsk, Belarus), https://orcid.org/0000-0001-8520-5387
Natalia V. Orlova (Omsk, Russia), https://orcid.org/0000-0003-1761-4765
Valeri V. Prozorov (Saratov, Russia), https://orcid.org/0000-0002-6386-0759
Renate Rathmayr (Vienna, Austria), https://orcid.org/0000-0003-3038-2276
Tat'yana V. Shmelyova (Velikiy Novgorod, Russia), https://orcid.org/0000-0002-3360-0518
Vladimir A. Salimovsky (Perm, Russia), https://orcid.org/0000-0002-4925-2490
Olga B. Sirotinina (Saratov, Russia), https://orcid.org/0000-0002-3258-4536
Alexandr P. Skovorodnikov (Krasnoyarsk, Russia), https://orcid.org/0000-0002-0171-596X
Tat'yana I. Steksova (Novosibirsk, Russia), https://orcid.org/0000-0003-4275-7450
Zifa K. Temirgazina (Pavlodar, Kazakhstan), https://orcid.org/0000-0003-3399-7364
Elena Yu. Viktorova (Saratov, Russia), https://orcid.org/0000-0002-3989-1897
Maria Yelenevskaya (Haifa, Israel), https://orcid.org/0000-0001-7155-8755

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования отдельных жанров

Е. В. Бузальская
Санкт-Петербург, Россия
Научная статья: тенденции изменения модели 90

Elena Yu. Balashova
Olga V. Nagoga
Elena A. Makshantseva
Saratov, Russia
The pragmalinguistic analysis of legislative genre (based on texts of german laws)

[**Е. Ю. Балашова,**
О. В. Нагога,
Е. А. Макшанцева
Саратов, Россия
Прагмалингвистический анализ законодательного жанра (на материале текстов немецких законов)] 101

А. Т. Анисимова
Краснодар, Россия
Студенческий отзыв о преподавателе как оценочный речевой жанр в российском и американском образовательных дискурсах 109

С. Г. Воркачев
Краснодар, Россия
Грязные руки: мздоимство в русскоязычном анекдоте 118

Жанры в художественном творчестве

В. В. Прозоров
Саратов, Россия
Лирический дискурс/текст как речежанровый кроссовер 126

Ю. А. Говорухина,
Ю. Н. Дмитриева
Красноярск, Россия
Жанр литературного прогноза в современной критике 136

Интернет-жанры

В. И. Аннушкин,
Т. В. Шаламова,
Е. Б. Штукарева
Москва, Россия
Жанр новогодних поздравительных текстов в социальных сетях 144

А. И. Матяшевская
Саратов, Россия
Публичные интернет-дискуссии о вере: проблема эффективности убеждения 154

CONTENTS

Studies of Individual Genres

Elena V. Buzalskaia
Saint Petersburg, Russia
Academic article: Trends in model changes 90

Elena Yu. Balashova
Olga V. Nagoga
Elena A. Makshantseva
Saratov, Russia
The pragmalinguistic analysis of legislative genre (based on texts of german laws) 101

Anna T. Anisimova
Krasnodar, Russia
Student comments on a professor's rating as an evaluating speech genre in Russian and American educational discourse 109

Sergey G. Vorkachev
Krasnodar, Russia
Dirty hands: Bribery in Russian anecdote 118

Genres in Art

Valery V. Prozorov
Saratov, Russia
A lyrical discourse/text as a speech genre crossover 126

Yuliya A. Govorukhina
Yuliya N. Dmitrieva
Krasnoyarsk, Russia
Literary forecast genre in modern criticism 136

Internet Genres

Vladimir I. Annushkin
Tatyana V. Shalamova
Elena B. Shtukareva
Moscow, Russia
Genre of New Year greetings in social networks 144

Angelina I. Matyashevskaya
Saratov, Russia
Public Internet discussions on faith: The problem of persuasion effectiveness 154

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2021. № 2 (30). С. 90–100
Speech Genres, 2021, no. 2 (30), pp. 90–100

Научная статья
УДК 811.161.1’42
https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-90-100

Научная статья: тенденции изменения модели

Е. В. Бузальская

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

Бузальская Елена Валериановна, доктор филологических наук, доцент кафедры «Русский язык как иностранный и методика его преподавания», e_buzalskaya@spbu.ru, helve@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8235-4862

Аннотация. Целью данной статьи является определение тенденций изменения модели речевого жанра русскоязычной научной статьи в сфере гуманитарных наук за последние 120 лет. Методологически анализ был ориентирован преимущественно на выявление когнитивных (логико-структурных), прагмалингвистических (выявление ведущих речевых стратегий реализации жанра) и формальных (оформление, членение статьи, объем текста) характеристик статей. Исследование позволяет предположить, что за анализируемый временной отрезок, разбитый на периоды (1900–1930, 1930–1960, 1960–1990, 1990–2020), данный речевой жанр приобрёл черты гипержанра благодаря обязательному включению в модель таких объектов, как аннотация, сведения об авторе, ключевые слова. Согласно проведённому анализу, можно также говорить о наличии собственной траектории становления модели жанра отечественной научной статьи, об усилении национальных черт логики изложения информации и адресации в противовес к ужесточению формальных показателей. Полученные данные подтверждают анализ частотности реализации речевых стратегий (аналитической, характеризующей, моделирующей, методологической, классифицирующей, обзорной, проблемной, описательной, информирующей) и специфика включённых в статью периферийных речевых жанров. В научной статье были выявлены аффилиативные (благодарность, признательность), оценочные (критическое замечание, одобрение, упрёк); рефлексивные (оправдание, ссылка на авторитет); прогностические (прогноз, рекомендация, предложение) варианты. Колебания их частотности отражают внутренние тенденции, связанные с историческими причинами и, отчасти, со сменой научных парадигм. Таким образом, результаты исследования речевого жанра научной статьи в сфере гуманитарных наук свидетельствуют о том, что унификация отечественной и западноевропейской (Scopus) моделей речевого жанра не является неизбежной.

Ключевые слова: научная статья, модель, речевой жанр

Для цитирования: *Бузальская Е. В.* Научная статья : тенденции изменения модели // Жанры речи. 2021. № 2 (30). С. 90–100. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-90-100

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-90-100

Academic article: Trends in model changes

E. V. Buzalskaia

Saint-Petersburg state University, 7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia

Elena V. Buzalskaia, e_buzalskaya@spbu.ru, helve@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8235-4862

Abstract. The article aims to determine the changes in the model of the speech genre of the Russian academic article in the field of humanities over the past 120 years. Methodologically, the analysis is focused mainly on

© Бузальская Е. В., 2021

identifying cognitive (logical-structural), pragmalinguistic (identifying the leading speech strategies) and formal (the form, article sections, text volume) characteristics of articles. The research suggests that during the analyzed time period, divided into four parts (1900–1930, 1930–1960, 1960–1990, 1990–2020), this speech genre has acquired the features of a hypergenre due to the fact that the following mandatory elements were included into the model: an Abstract, Information about the author, and Keywords. According to the analysis, one can see a specific trajectory in the formation of a model of a Russian academic article genre, the strengthening of national ways of information presentation and addressing in contrast to the enhancement of formal indicators. The obtained data is confirmed by the analysis of the frequency of speech strategies implementation (analytical, characterizing, modeling, methodological, classifying, reviewing, problem stating, descriptive, informing) and the analysis of the peripheral speech genres included into the article – affiliation (gratitude, appreciation), evaluation (criticism, approval, reproach), reflexive (justification, reference to authority), and prognostic (forecast, recommendation, suggestion) ones. Fluctuation in their frequency reflects internal trends related to historical causes and changes in scientific paradigms. Thus, the results of the research on the academic article speech genre in the field of humanities indicate that the unification of the Russian and Western European (Scopus) models of this speech genre is not inevitable.

Keywords: academic article, model, speech genre

For citation: Buzalskaia E. V. Academic article : Trends in model changes. *Speech Genres*, 2021, no. 2 (30), pp. 90–100 (in Russian). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-90-100

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

1. Постановка проблемы и описание принципов организации выборки материала

Научные статьи в журналы, индексируемые в российских наукометрических базах и в базах Web of Science и Scopus, как известно, изначально ориентированы на разные модели изложения, доказательства и оформления результатов исследований. Требования к структуре и оформлению статей на английском языке для международных журналов содержатся в разработанных правилах, так, например, наиболее признанным и универсальным для наук гуманитарного профиля является система APA (American Psychological Association) [http://www.apastyle.org.]. Статьи в российских журналах чаще всего оформляются в согласии с требованиями, разрабатываемыми каждым журналом в отдельности. Несмотря на это, в настоящее время наблюдаются тенденции сближения стандартов оформления статей, что неизбежно отражается на способе изложения информации и специфике адресации. Ужесточение формальных рамок структурирования статей гуманитарного профиля по образцу исследований в сфере точных наук, в свою очередь, зачастую вызывает справедливый протест в научной среде и связывается с утратой глубинных, общефилософских основ логики научной рефлексии (см., например [1]). Следовательно, ответ на вопрос о причинах появления двух разнонаправленных тенденций (желания придерживаться универсальных стандартов при сохранении традиционного способа организации материала) связан с необходимостью поиска особенностей модели современной реализации речевого жанра научной статьи.

Одна из главных причин наличия указанных изменений представляется исходящей из природы самого жанра. По распространённому определению, научная статья – «первичный письменный жанр научного дискурса, задачей которого является постановка и решение одной научной проблемы, имеющий средний объём, систему ссылок и выходные данные» [2; 3: 109]. В то же время научная статья является изложением результатов, зафиксированных письменно в других источниках (анкетах, таблицах экспериментальных данных и пр.), при этом зачастую результаты, в силу необходимости быть кратким, предъявлены выборочно или обобщённо. В таком случае научную статью невозможно назвать первичным[1] жанром. Даже в том случае, если это литературоведческая статья, ценностью которой зачастую является сам процесс рассуждений автора, статья не является первичным жаром, так как продуцируемая новая мысль опирается на предшествующую ей герменевтическую традицию.

Помимо того, что это вторичный речевой объект, представляется более точным считать современную научную статью гипержанром[2], так как по формальным показателям она не однородна, состоит из нескольких соподчинённых речевых жанров: кроме пер-

[1]Под первичным речевым жанром понимается простое [4], типичное, стилистически не маркированное [5] речевое действие, обладающее процессуальностью [6] и представляющее собой конкретный речевой поступок [7].

[2]Гипержанры (макрожанры) – это макроэлементы, сопутствующие коммуникативной ситуации, объединяющие в себе несколько жанров [8, 9 и др.].

вичных речевых жанров (таких как, например, доказательство), в её состав входят вторичные полуавтономные (например, аннотация). Таким образом, для организации анализа модели можно предположить, что, под воздействием тенденций к универсализации, одна часть речевых жанров, входящих в гипержанр «научная статья», постепенно унифицируется, в то время как в другой части наблюдается сохранение и усиление национальных характеристик.

Вторым расхождением между западноевропейскими и российскими статьями, после упомянутого структурного, является цель статьи. Существуют разные классификации статей. По цели они делятся на аналитические и прогностические [10, 11: 19]; по типу информации выделены научно-техническая статья с подробным изложением результатов, краткое сообщение, историко-научная обзорная статья, полемическая (дискуссионная), научно-публицистическая, рекламная (рецензионная) [12–15]; при анализе стилистической принадлежности говорят о наличии научно-академической и научно-популярной [16], научно-технической, собственно научной и научно-популярной [3].

Исходя из дефиниций указанных авторов и приняв узкий подход к определению научной статьи, можно выделить две группы (бинарную оппозицию): статьи теоретического (аналитические, обзорные статьи и дискуссионные) и опытно-экспериментального (результативные, методологические) типов. Эти два варианта предположительно должны составить два основных субжанра[3] реализации модели данного речевого жанра. Из классификации для удобства анализа могут быть исключены научно-популярные, публицистические и рекламные статьи как переходные варианты реализации основной модели речевого жанра, в которых происходит смешение характеристик жанра статьи с параметрами стилистически иных речевых жанров.

Согласно рассуждениям, таким образом, при анализе речевого жанра научной статьи можно начать с выделенных двух зон конфликта и двух сфер ответов (табл. 1).

И структурная, и целевая специфика связаны в первую очередь с историей становления жанра в конкретном культурном пространстве.

Таблица 1 / Table 1

Задачи исследования / Research tasks

Конфликт	Область ответов
Структура статьи	Специфика взаимодействия соподчинённых первичных и вторичных РЖ, включённых в структуру гипержанра
Цель научной статьи	Когнитивные и стилистические основания

2. Анализ исторической перспективы развития гипержанра «научная статья»

Анализ современных статей РИНЦ[4] 2000–2020-х годов выявил девять преобладающих целевых установок статьи: аналитическая (51%), характеризующая (37%), обзорная (36%), проблемная (17%), описательная (17%), классифицирующая (11%), моделирующая (11%), методологическая (7%), информирующая (4%). Большинство статей в выборке имели несколько совмещённых речевых стратегий (93 из 100%). При этом исключительно теоретическая направленность характеризует 37%, только эмпирическая 33%; комплексные статьи, содержащие и теоретический, и эмпирический материал составили 23%. Среди статей оказались также нацеленные лишь на информирование читателя об исследованиях других авторов (7%).

Были выявлены также тенденции в изменении объёма статей РИНЦ, который рассматривался, исходя из количества знаков. Если в 2000-х годах средний объем статьи составлял 16 тысяч знаков, в 2010-х – 25 тысяч, то в 2020 году – 40 тысяч.

Анализ статей базы Scopus[5] показал следующие результаты: из 50 статей, зарегистрированных в базе за последние 5 лет, две носят исключительно теоретический характер; 5 содержат только эмпирический анализ объекта. Остальные 43 представляют собой сложную

[3]Субжанром называют тематические варианты внутри одного жанра [17], а также наиболее репрезентативный вариант реализации основной модели речевого жанра. Иными словами, субжанры представляют собой модификации инварианта жанра и его стратегической установки по отношению к определённому денотатно-референтному пространству [18].

[4]Для анализа статей РИНЦ была сделана сплошная выборка статей, написанных профессорами, из системы e-library.

[5]В системе ORCID и Researcher ID были найдены журналы, в которых можно публиковать работы на русском языке: «Новое литературное обозрение» ISSN: 0869–6365, «Русская литература» ISSN: 0304–3479, «Русская литература» ISSN: 0131–6095, «Русская лингвистика» ISSN: 0304–3487, «Вопросы языкознания» и др. Такой подход к выбору статей для проведения анализа представляется наиболее верным, поскольку позволяет избежать учёта влияния английского языка на логику подачи материала.

комбинацию теории и практики, направленную на построение модели (8), методологии исследования (28), классификации материала (7). Разброс характеристик статей по цели был меньше, чем в статьях РИНЦ, для которых наиболее характерными являются аналитическая, характеризующая, моделирующая, методологическая и классифицирующая. В выборке статей из базы Scopus отсутствовали обзорная, проблемная и описательная статьи. Средний объем статей составил 44 тысячи знаков (табл. 2).

При более подробном анализе отечественных статей гуманитарного профиля согласно указанным характеристикам, выделение исторических периодов позволяет выявить наличие колебаний в показателях, вызванное как внешними, так и внутренними факторами (табл. 3).

Средний объем статей периода 1900–1930 годов различается по направлениям, однако оказалось возможным за вычетом крайних объёмов (по формуле разброса) высчитать средний показатель: 50 тысяч знаков. Статьи этого временного отрезка в целом, за исключением 14% (только эмпирическая статья – 11%, только теоретическая – 3%), имеют смешанный характер. По целевым установкам в преобладающем большинстве исследования нацелены на поиск и обнаружение характеристик объектов (аналитико-характеризующая статья – 86%), часть статей нацелена на разработку новой методологии анализа (методологическая – 32%), небольшое количество статей ограничивается лишь описанием вновь открытых фактов (фольклорный материал, факты литературного процесса, психологии и наблюдения за переменами в обществе после революции: описательная статья – 11% выборки, обзорная – 5%). Некоторые статьи выполняют информирующую функцию (8%), ставят перед читателем про-

Таблица 2 / Table 2

Сравнение параметров статей 2015–2020 годов

Comparison of article parameters for 2015–2020

Параметр	РИНЦ	Scopus
Цели (% от всего количества, с учётом того, что что у одной статьи может быть несколько целей)	Аналитическая 51 характеризующая 37 Моделирующая 11 Методологическая 7 Классифицирующая 11 Обзорная 36 Проблемная 17 Описательная 17 Информирующая 4	Аналитическая 100 Характеризующая 86 Моделирующая 16 Методологическая 56 Классифицирующая 14 – – – –
Объем статьи (округлённо, в тыс. знаков)	Тенденция к увеличению: с 25 (на момент 1990 года) до 40 (в 2020) тыс. знаков	Средний показатель – 44 тысячи знаков

Таблица 3 / Table 3

Характеристики отечественных статей 1900–2020 годов

Characteristics of Russian articles from 1900–2020

Параметр анализа	Исторический период			
	1900–1930	1930–1960	1960–1990	1990–2020
Объем статьи, тыс. знаков	50	33	28	40
Стратегическая цель, %				
аналитическая	86	80	74	51
характеризующая	86	80	92	37
моделирующая	2	6	9	11
методологическая	32	16	9	7
классифицирующая	21	1	8	11
обзорная	5	5	12	36
проблемная	5	–	9	17
описательная	11	15	8	17
информирующая	8	2	1	4

блему (5%). Интересно, что на построение модели и поиск закономерностей нацелено всего 2% статей (моделирующие). Учитывая возможную сравнительно небольшую выборку (100 статей), можно предположить в целом, что данные характеристики связаны с преобладанием в науке идей русского формализма.

Период 1930–1960 годов резко отличается от предшествующего по ряду показателей. Это связано с тем, что 1930–1960 годы – период репрессий, войны, время выпуска больших учебников и монографий. В связи с этим большинство статей в выборке принадлежат к середине – концу 1950-х годов. Интересным кажется тот факт, что не встретилось статей, носящих исключительно теоретический характер: все статьи направлены преимущественно на анализ примеров, сбор данных, эмпирическое подтверждение выдвинутых ранее теорий: 80% статей имеют аналитико-характеризующую основу; 5% статей – обзорные; 15% – только характеризующие (описательные, без аналитического поиска). Теоретические положения включаются опосредованно, на этапе выведения правил, моделей и построения классификаций, и таких статей не много: 6% – моделирующие; 16% – методологические, 1% носит классифицирующий характер. Снижается и средний объем статьи – до 33 тысяч знаков.

В 1960–1990 годы продолжается снижение среднего объёма научной статьи – до 28 тысяч знаков. В данный период 8% статей носят исключительно эмпирический, описательный характер, количество теоретических работ (без практической части) составило 13%. Снизилось количество статей, направленных на построение методологии анализа (до 9%), увеличилось значение моделирующей функции (9%). Классифицирующие статьи составили 8%, проблемные 9%, обзорные 12%, встретилась только одна статья, носящая обзорно-информирующий характер.

Полученные данные свидетельствуют о том, что

– исходя из среднего объёма статьи можно предположить, что, возможно, сегодняшнее увеличение числа знаков является не внешне заданным изменением, а восстановлением параметра, существовавшего в начале XX века;
– по целевой направленности изменения можно охарактеризовать следующим образом:

а) существует постепенная плавная тенденция к уменьшению аналитики (абстрактно-логических выкладок в доказательствах) 86% – 80% – 74% – 51%;
б) на фоне практически неизменной на протяжении всего XX века характеризующей цели в настоящий момент наблюдается её резкий спад: 86% – 80% – 92% – 37%;
в) увеличивается роль моделирующей функции 2% – 6% – 9% – 11%, при уменьшении методологической 32% – 16% – 9% – 7%;
г) начиная с середины XX века постепенно увеличивается число обзорно-обобщающих статей 5% – 5% – 12% – 36%.

Отдельно далее необходимо рассмотреть упомянутые формальные разделы – «рубрики» и сопутствующие речевые жанры, формирующие структуру гипержанра научной статьи.

Речевые жанры, входящие в гипержанр в качестве «рубрик»

Как известно, научная статья – сравнительно молодой жанр, который появился в XIX веке с повсеместным распространением печатной периодики. До этого научные исследования выходили в формате брошюр или официальных писем, обращённых к научному сообществу, при этом публицистическая и научная статьи были изначально близки по своей структуре и риторическим элементам.

Приобретение научной статьёй специфических черт (и превращение её в гипержанр) происходило в мире постепенно на протяжении всего XX века, но только к началу 1980-х годов в Европе и концу 1980-х в СССР появились требования, связанные с правилами оформления результатов исследования и выделением «разделов» или «рубрик» (материалы и методы, результаты, заключение и под.). Так, исследователи отмечают, что в 1980–1990-х годов для западноевропейской научной медицинской статьи можно говорить о следующих тенденциях: о сокращении объёма статьи, увеличении числа коллективных статей, унификации разделов внутри статьи, отказе от сплошного текста, обязательном включении жанра аннотации [19]. В СССР в сфере естественно-научных исследований статья все больше начала приобретать форму отчёта, в котором опущен процесс поиска решения задачи, доказательства и размышления, так как основная часть должна была содержать лишь три части:

1) описание процесса проведения эксперимента: методы (цель, терминология, подход) и предполагаемого решения (место, предмет исследования, суть идеи, технические средства, экспериментальная проверка идеи);
2) полученные результаты (особенности предлагаемого варианта решения, применимость, преимущества перед прежними подходами);

3) заключение, состоящее из рекомендаций по применению найденных данных [20: 9; 21].

Статьи гуманитарного профиля не подвергались столь строгому структурированию. В целом отличия между естественно-научными и гуманитарными статьями заключались в том, что научная статья гуманитарной сферы не могла носить только теоретический или только обзорный характер, в ней обязательно должна была присутствовать эмпирическая часть (разработка методологии сбора и анализа данных, при этом эмпирический анализ являлся доказательством верифицируемости эксперимента).

В связи с тем что формальная структура статьи начала определяться в 1980-е годы, хронологически «рубрикацию» научных статей гуманитарного профиля (методы исследования, заключение и под.) и включённые речевые жанры (аннотация, тезисы, References, acknowledgements и пр.) можно проследить на основании данных только по двум периодам – 1960–1990 и 1990–2020 годов (табл. 4).

В 1980–1990 годы разделы встречаются в основном только в статьях крупных учёных, таких, как Ю. Д. Апресян, В. В. Виноградов, А. В. Бондарко (34% статей имеют разделы, тогда как 66% не имеют членения). При этом, несмотря на требования редколлегии журнала, отчётливо прослеживаются личные предпочтения авторов в оформлении статьи. Так, В. В. Виноградов чаще делит основной объем статьи цифрами, помещёнными по середине строки, а А. В. Бондарко использует *** для отделения итога от основной части текста.

В 1990–2020 годы наблюдается стремление к структурированию статей, в 95% присутствуют ключевые слова и аннотация, появляются рубрики «сведения об авторе» (36%); разделы, которые начинают и завершают статью, присутствуют в 87%, однако названы они по-разному: Введение, Вводные замечания, Вступление; Заключение, Выводы, Итоги. Деление при помощи *** и цифр посередине строки уже не используется как устаревшее. Тематическая рубрикация уже не преобладает над структурно-методологической: 38% – тематическое деление статьи, 12% – деление отсутствует, 50% – присутствуют методологические разделы). Несмотря на это, в тех случаях, когда используется методологическое деление, оно носит формальный характер, части названы произвольно. Показательным примером служит наименование раздела, содержащего списки источников цитирования. В 1960–1990 годы он именовался Литература (54%), Примечания (42%), Библиография (3%). В 1990–2020 годы вариантов стало гораздо больше: Список литературы (55%), Литература (14%), Примечания (15%), Библиографический список (3%),

Таблица 4 / Table 4

Рубрикация отечественных статей, %

Rubrication in Russian articles, %

Характеристика	Период	
	1960–1990	1990–2020
Наличие деления текста	56	88
Тематическое деление	34	38
Оформление деления без наименования раздела	Римскими цифрами 7 Арабскими цифрами 4 *** 6	Арабскими цифрами 6
Наименование разделов	Вступление 3 Предисловие 1 Заключение 1	Вступление 6 Вводные замечания 3 Введение 34 Выводы 13 Итоги 1 Заключение 35 Основная часть 1 История вопроса 2 Результаты 1
Полуавтономные речевые жанры	–	Аннотация с названием жанра 54 Аннотация без наименования жанра 37 Ключевые слова с наименованием 90 Ключевые слова без наименования 6 Сведения об авторе 42

Библиография (2%), Список использованной литературы (2%); литература также может указываться лишь сносками в конце статьи (6%) и сносками постранично (3%). При этом оформление статьи не соответствуют требованиям ни APA, ни правилам ГОСТ 1995 года, ни ГОСТ СИБИД. Представляется важным отметить также появившуюся в последние пять лет устойчивую тенденцию к пропуску наименования включённого речевого жанра: так, в некоторых журналах (например, «Вопросы когнитивной лингвистики») аннотация на данный момент фактически превращается в «рубрику» статьи.

В целом анализ тенденций свидетельствует не об унификации, а, напротив, об увеличении числа вариантов оформления статьи. Результаты анализа целей и формальной структуры подтверждаются также спецификой использования периферийных речевых жанров в современных статьях.

4. Периферийные речевые жанры, входящие в гипержанр

В работе И. В. Самойловой, посвящённой изучению периферийных малых речевых жанров – «формально-содержательных образований с устойчивой структурой и особой функцией в связи с факультативным по отношению к излагаемому научному знанию характером этих жанров» [22: 7], выделены *благодарность, порицание, похвала, предостережение, оправдание, пожелание, прогноз, рекомендация, предложение* как наиболее характерные для научных статей [22: 16–17]. Отчасти соглашаясь с классификацией исследователя и опираясь на проведённый анализ, представляется возможным ограничить количество вариантов лишь найденными и реализованными эксплицитно в проведённой выборке:

– аффилиативные периферийные РЖ (отсылающие к контексту появления статьи: благодарность, признательность),
– оценочные (критическое замечание, одобрение, упрёк);
– рефлексивные (оправдание, ссылка на авторитет);
– прогностические (прогноз, рекомендация, предложение).

В 1900–1930 годы в статьях довольно часто встречается эксплицитная оценка результатов других исследований с указанием на лицо, совершающее по мнению автора, ошибку. Часто такая оценка вводится при помощи конструкций *Дело в том, что… По-видимому… Надо думать… В самом деле… И если … (то).* Например: «мысль А. А. Шахматова… следует решительно изменить»… далее: «…И если исследователь изучает историю такой морфемы независимо от соотношения её со всеми другими морфемами в сменявшихся системах литературного языка, независимо от того, как эта морфема предстояла сознанию различных поколений в разных диалектах литературной речи, – он не вправе называть “церковнославянизмами” те новые образования, в которые она вошла» (*Виноградов В. В.* «Русская речь», вып. 1. 1923: 195–293). Или: “выделение «литературографизмов” разоблачает методологическую ошибочность таких формулировок, как у И. И. Огиенко…» (там же). В. Шкловский: «Ошибочность построения поэтики Потебни может быть уяснена человеком и не знакомым с <….> Потебня, защищая свою мысль от фактов, ей противоречащих, заявил против них формальный и плохо обоснованный отвод» (*Шкловский В.* Потебня // Поэтика. Петроград, 1919: 5). Выражение прямого открытого несогласия совпадает по времени с использованием форм «я» в статье (*укажу на…. я полагаю, что… в этом я вижу*… и т. п.).

В то же время выражение личной благодарности и признательности также встречаются довольно часто, например: «…многое заимствовано мною сознательно и бессознательно из лекций и бесед профессора И. А. Бодуэна де Куртенэ, к ученикам которого я имею честь принадлежать и которому обязан всем моим интересом к лингвистическим вопросам» (*Щерба Л. В.* О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета // Труды 1-го съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях. СПб., 1904). Интересен также тот факт, что в статьях, попавших в выборку этого периода, довольно много примеров авторской рефлексии. Например: «Не без колебаний решаюсь я напечатать этот маленький этюд, в котором выступаю в значительной мере в качестве дилетанта и чувствую, что я должен во всяком случае мотивировать эту свою решимость» (*Щерба Л. В.* Опыты лингвистического толкования стихотворений // Сборник «Русская речь» Петроград, Издание фонетического института, 1923).

В 1930–1960 годы происходит снижение аффилиативного, прогностического и рефлексивного аспектов. Появляется форма «мы», «наш». Критика утрачивает персональный характер. Авторы чаще обращаются к более осторожным возражениям, например: «Заимствование, – справедливо замечает Веселовскиий, – предполагает в воспринимающем не пустое место, а встречное течение, сходное направление мышления, аналогичные образы фантазии… Не подлежит сомнению принципиальная правильность этого разделения, кото-

рое с такою чёткостью провёл Веселовский…» и далее: «Несмотря на принципиальную правильность этой точки зрения, следует все же оговорить, что…» (*Жирмунский В. М.* Литературные отношения востока и запада как проблема сравнительного литературоведения (1946) (цит. по: *Жирмунский В. М.*. Избранные труды. Ленинград, 1979).

Резкое уменьшение частотности проявлений благодарности в этот период, возможно, связано с репрессиями 1930-х годов. Найденные три фрагмента, содержащие благодарность, носят обобщённый характер, например: «Трудно было бы даже просто перечислить имена лиц, работавших в этои? области после 1917 года: пришлось бы назвать чуть ли не всех наших литературоведов» (*Эйхенбаум Б.* Текстология (1953 г.) // Редактор и книга. Сборник статей. Москва, 1962).

В 1960–1990 годы наблюдается постепенное выравнивание аспектов, однако преобладающим является прогностический. По мере уменьшения авторитета «больших имён» в науке увеличивается число соавторов в научных статьях, что приводит к ориентации на безличные, инфинитивные и неопределённо-личные конструкции, которые поддерживают сохранение специфики эпистемической ситуации [23–26].

В 1990–2020 годы наблюдается усиление прогностического аспекта; рефлексивный аспект в связи с расхождением в отечественной науке моделей научной и публицистической статьи практически полностью утратил актуальность; аксиологический параметр отражает постепенный рост частотности эксплицитной оценки. В этот период количество примеров выражения благодарности несколько увеличилось, изменилось их месторасположение: из предваряющего статью (как в первом периоде) или помещённого в текст (как во втором), благодарность оформляется сноской в конце страницы, например: «Благодарю N за предоставленный? текст»; или: «Выражаю глубокую признательность коллегам NNN, чьим советам и помощи эта работа обязан» (см. например: *Минеева Н. Н.* Проекты. Программы. Гипотезы // Филологический класс. 2015. № 2(40). С. 7–14).

Результаты анализа возможно представить обобщённо в следующей таблице (табл. 5).

Данные позволяют говорить о том, что, по сравнению с 1900–1930 годами, снизилась ориентация научных статей на описание предшествующей написанию статьи ситуации, упоминание научной школы, выражение признательности (аффилиативный аспект). Выражение благодарности изменилось с общечеловеческого на конкретно-прагматическое (за предоставленные условия, средства, источники информации). Эти наблюдения в целом совпадают с уменьшением числа статей, целью которых является характеристика проблемы. Вероятно также, что указанные тенденции связаны с уменьшением роли оценки в статье: когда нет личного контакта, основанного на взаимном уважении и доверии, присутствует лишь логическое опровержение или доказательство, эмоциональная сторона исключена. Спад количества случаев рефлексии в статьях связан, скорее всего, также с усиливающимся разделением устных научных жанров и письменных. Подъем прогностической функции коррелирует с наблюдениями, связанными с повышением роли процессов моделирования.

Заключение

На основании частотности выявленных в ходе анализа результатов, представляется возможным сопоставить модель современной отечественной научной статьи и западноевропейской (табл. 6).

Таким образом, с одной стороны, текущее разнообразие оформления статей свидетельствует о поиске новой модели научной статьи. С другой стороны, несмотря на формальное сближение статей РИНЦ и Scopus (по объёму и включению в отечественные статьи аннотации, ключевых слов, разделов), способ изложения информации, цели написания

Таблица 5 / Table 5

Периферийные жанры, сопутствующие основной модели статьи

Peripheral genres used in the article model

Период	Аспекты			
	Аффилиативные	Оценочные	Рефлексивные	Прогностические
1900–1930	21	17	11	23
1930–1960	3	2	6	14
1960–1990	8	4	4	20
1990–2020	5	6	1	38

Таблица 6 / Table 6

Сопоставление обобщённых моделей российской и европейской статей, 2020 год

Comparison of generalized models of Russian and European articles, 2020

Компонент	Отечественная статья	Западно-европейская статья
Abstract/Аннотация	Тема, направление (школа), результаты	Problem statement, methodology, findings, conclusion
Ключевые слова/Keywords	+	+
Introduction/Введение	История вопроса, постановка проблемы	Establishing niche and gaps, announcing research and its structure
Literature review	–	+
Основная часть	Произвольное тематическое деление	Methodology, results, discussion
Заключение/Conclusion	Суммирование/ прогнозирование	Evaluation, limitations, recommendations
Acknowledgements	–	+
Список литературы/References	+	+

статей и адресация остаются различными. В целом анализ отечественных статей (400 работ гуманитарного профиля, разделённые на 4 периода: 1900–1930, 1930–1960, 1960–1990, 1990–2020) свидетельствует о парадоксальном сочетании двух разнонаправленных тенденций: универсализации общей модели научной статьи при усилении национальных черт логики изложения информации и адресации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дементьев В. В.* Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 172–194. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194

2. *Михайлова Е. В.* Интертекстуальность в научном дискурсе : на материале статей : автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 22 с.

3. *Попова Т. Г.* Структура испанской научно-технической статьи как первичного жанра научного дискурса // Вестник РУДН. 2004. № 1 (2). С. 108–115.

4. *Кожина М. Н.* Речевой жанр и речевой акт // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 2. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. С. 88–98.

5. *Орлова Н. В.* Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка». К вопросу о соотношении стиля и жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 1. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 51–56.

6. *Гольдин В. Е.* Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 1. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 23–34.

7. *Федосюк М. Ю.* Нерешённые вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.

8. *Седов К. Ф.* Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров : повседневная коммуникация / под общ. ред. К. Ф. Седова. М. : Лабиринт, 2007. С. 7–38.

9. *Косицкая Ф. Л.*, *Матюхина М. В.* К вопросу о жанровой дифференциации французского научного медицинского дискурса // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 4 (193). С. 7 133–137.

10. *Архипова Е. И.*, *Казакова О. А.* Жанровая специфика научной статьи по лингвистике (на материале русского языка) // Вестник науки Сибири. 2013. № 1 (7). С. 263–270.

11. *Архипова Е. И.* Аналитическая статья по экономике как жанр прогностического дискурса // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 12 (723). С. 17–26.

12. *Мальчевская Т. Н.* Специфика научных текстов и принципы их классификации (на материале английских биологических текстов) // Особенности стиля научного изложения : сб. ст. М. : Наука, 1976. С. 28–37.

13. *Троянская Е. С.* Научное произведение в оценке автора рецензии (к вопросу о специфике жанров научной литературы) // Научная литература : язык, стиль, жанры : сб. ст. М. : Наука, 1985. С. 75–83.

14. *Галанова О. А.* Жанр научной статьи как форма культуры // Медицина и образование Сибири. 2013. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhanr-nauchnoy-stati-kak-forma-kultury/viewer (дата обращения: 22.07.2020).

15. *Садовникова Е. В.* Особенности немецкоязычной научной статьи // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 20 (731). С. 95–108.

16. *Наумова А. П.* Научная статья как жанр профессионального дискурса переводчиков // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 25. С. 116–118.

17. *Зигманн Ж. В.* Структура современного политического дискурса : речевые жанры и речевые стратегии : автореф. … канд. филол. наук. М., 2003. 24 с.

18. *Бузальская Е. В.* Анализ сложного речевого жанра : лингвокогнитивный аспект // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 30–36. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-6-29

19. *Шмара И. Ф.* Научная медицинская статья : эволюция жанра (на материале статей из журналов США) : автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 1993. 18 с.

20. Научная статья. Основные требования к содержанию и структуре : нормативные и методические материалы. М. : ВИМИ, 1989. 40 с.

21. *Хомутова Т. Н.* Научный текст : теоретические основы интегрального подхода : автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2010. 44 с.

22. *Самойлова И. В.* Периферийные речевые жанры научного текста в аспекте авторской индивидуальности : автореф. дис. … канд. филол. наук. Пермь, 2009. 20 с.

23. *Гричин С. В.* Авторизация в научном стиле современного русского языка : дис. … канд. филол. наук. Томск, 2003. 177 с.

24. *Баженова Е. А.* Средства адресации в научном тексте // Медиаскоп. Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. 2012. № 4. 24.12.2012. URL: http://mediascope.ru/node/1240 (дата обращения: 22.01.2020).

25. *Скрипак И. А.* Языковое выражение экспрессивности как способа речевого воздействия в современном научном дискурсе : на материале статей лингвистического профиля на русском и английском языках : дис. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2008. 199 с.

26. *Чалбышева А. В.* Прагмалингвистическии? аспект речевых жанров научного стиля : на материале немецких и русских текстов подъязыка физики : дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 163 с.

REFERENCES

1. Dementyev V. V. What have genre studies given to modern Linguistics? *Speech Genres*, 2020, no. 3, pp. 172–194 (in Russian). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194

2. Mihajlova E. V. *Intertekstual'nost' v nauchnom diskurse : na materiale statej* [Intertextuality in scientific discourse : on the material of articles]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 1999. 22 p. (in Russian).

3. Popova T. G. Structure of the Spanish scientific and technical article as the primary genre of scientific discourse. *Bulletin of Peoples' Frienship University of Russia*, 2004, no. 1 (2), pp. 108–115 (in Russian).

4. Kozhina M. N. A speech genre and a speech act. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. sci. art.]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh" Publ., 1999, iss. 2, pp. 88–98 (in Russian).

5. Orlova N. V. Genres of spoken speech and their "stylistic processing". On the question of the relationship between style and genre. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. sci. art.]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh" Publ., 1997, iss. 1, pp. 51–56 (in Russian).

6. Gol'din V. E. Names of speech events, actions and genres of Russian speech. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. sci. art.] Saratov, GosUNTs "Kolledzh" Publ., 1997, iss. 1, pp. 23–34 (in Russian).

7. Fedosyuk M. Yu. Unsolved questions of the theory of speech genres. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 1997, no. 5, pp. 102–120 (in Russian).

8. Sedov K. F. Man in the genre space of everyday communication. In: Sedov K. F., ed. *Antologiya rechevyh zhanrov : povsednevnaya kommunikaciya* [Anthology Of Speech Genres : Everyday Communication]. Moscow, Labirint Publ., 2007, pp. 7–38 (in Russian).

9. Kosickaya F. L. Matyuhina M. V. On the question of genre differentiation of the French scientific medical discourse. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2018, no. 4 (193), pp. 133–137 (in Russian).

10. Arhipova E. I., Kazakova O. A. Genre specificity of a scientific article on linguistics (based on the material of the Russian language). *Siberian Journal of Science*, 2013, no. 1 (7), pp. 263–270 (in Russian).

11. Arhipova E. I. Analytical article on Economics as a genre of predictive discourse. *Moscow State Linguistic University Bulletin*, 2015, iss. 12 (723), pp. 17–26 (in Russian).

12. Mal'chevskaya T. N. Specificity of scientific texts and principles of their classification (based on English biological texts) In: *Osobennosti stilya nauchnogo izlozheniya : sb. st.* [Features of the Style of Scientific Presentation : Collection of Articles]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 28–37 (in Russian).

13. Troyanskaya E. S. Scientific work in the assessment of the review author (to the question of the specifics of genres of scientific literature). In : *Nauchnaya literatura : yazyk, stil', zhanry : sb. st.* [Scientific Literatyre : Language, Style, Genres : coll. of arts]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 75–83 (in Russian).

14. Galanova O. A. Genre of scientific articles as a form of culture. *Journal of Siberian Medical Science*, 2013, no. 6 (in Russian). Available at: https:cyberleninka.ru/article/n/zhanr-nauchnoy-stati-kak-forma-kultury/viewer (accessed 22 July 2020).

15. Sadovnikova E. V. Features of a German-language scientific article. *Moscow State Linguistic University Bulletin*, 2015, iss. 20 (731), pp. 95–108 (in Russian).

16. Naumova A. P. Scientific article as a genre of professional discourse of translators. *Bulletin of South Ural State University*, 2012, no. 25, pp. 116–118 (in Russian).

17. Zigmann Zh. V. *Struktura sovremennogo politicheskogo diskursa : rechevye zhanry i rechevye strategii* [Structure of Modern Political Discourse : Speech Genres and Speech Strategies]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2003. 24 p. (in Russian).

18. Buzalskaya E. V. Analysis of complex speech genre : linguocognitive aspect. *Speech Genres*, 2017, no. 1 (15), pp. 30–36 (in Russian). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-6-29

19. Shmara I. F. *Nauchnaya medicinskaya stat'ya : evolyuciya zhanra (na materiale statej iz zhurnalov SSHA)* [Scientific Medical Article : the Evolution of the Genre (Based on Articles From USA Journals)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 1993. 18 p. (in Russian).

20. *Nauchnaya stat'ya. Osnovnye trebovaniya k soderzhaniyu i strukture : normativnye i metodicheskie materialy* [Scientific Article. Basic Requirements for Content and Structure : Normative and Methodological Materials]. Moscow, VIMI Publ., 1989. 40 p. (in Russian).

21. Homutova T. N. *Nauchnyj tekst : teoreticheskie osnovy integral'nogo podhoda* [A Scientific Text : Theoretical Foundations of the Integral Approach]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Moscow, 2010. 44 p. (in Russian).

22. Samojlova I. V. *Periferijnye rechevye zhanry nauchnogo teksta v aspekte avtorskoj individual'nosti* [Peripheral Speech Genres of Scientific Text in the Aspect of Author's Individuality]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Perm', 2009. 20 p. (in Russian).

23. Grichin S. V. *Avtorizaciya v nauchnom stile sovremennogo russkogo yazyka* [Authorization in the scientific

style of the modern Russian language]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tomsk, 2003. 177 p. (in Russian).

24. Bazhenova E. A. The means of addressing in a scientific text. *Mediaskop. Elektronnyj nauchnyj zhurnal fakul'teta zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova*, 2012, no. 4 (in Russian). Available at: http://mediascope.ru/node/1240 (accessed 22 January 2020).

25. Skripak I. A. *Yazykovoe vyrazhenie ekspressivnosti kak sposoba rechevogo vozdejstviya v sovremennom nauchnom diskurse : na materiale statej lingvisticheskogo profilya na russkom i anglijskom yazykah* [Language Expression of Expressiveness as a Method of Speech Influence in Modern Scientific Discourse : on the Material of Linguistic Articles in Russian and English]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Stavropol', 2008. 199 p. (in Russian).

26. Chalbysheva A. V. *Pragmalingvisticheskij aspekt rechevyh zhanrov nauchnogo stilya : na materiale nemeckih i russkih tekstov pod"yazyka fiziki* [The Pragmalinguistic Aspect of Speech Genres in Scientific Style : on the Material of German and Russian Texts on Physics]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Rostov-on-Don, 2006. 163 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 17.09.2020 / После рецензирования 12.10.2020 / Принята 23.10.2020
Received 17.09.2020 / Revised 12.10.2020 / Accepted: 23.10.2020

Жанры речи. 2021. № 2 (30). С. 101–108
Speech Genres, 2021, no. 2 (30), pp. 101–108
Article
https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-101-108

The pragmalinguistic analysis of legislative genre (based on texts of german laws)

E. Yu. Balashova✉, O. V. Nagoga, E. A. Makshantseva

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Elena Yu. Balashova, balashovaelena@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9993-8116
Olga V. Nagoga, ok-fly@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0182-3944
Elena A. Makshantseva, makela@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-2304-5602

Article. As a rule, legal genres are subdivided into three large thematic groups: “Legislation” (laws, regulations, instructions, acts, orders), “Case law” (judicial decisions, appeals, protocols, court orders and court inquiries), “Official documentation” (official correspondence, reports, contracts). This research focuses on the pragmalinguistic and linguo-stylistic analysis of German legislative texts. The authors describe the characteristics of legislative genres and single out their general and special language functions. The relevance of the article is based on the fact that in Russia and abroad there are few linguistic papers on the analysis of legislative genre and law texts. In the meantime, the given research direction is highly prospective for interdisciplinary studies. The authors argue that the function of nomination, the function of message, the function of influence and the function of communication are vividly manifested in legislative genre via multilevel language means. A pragmatic analysis of the legal norms of the German legislative texts shows that the latter are characterized by imperative and dispositive legal norms, while recommendatory legal norms for the texts of German laws are less typical. The methodological base of research includes contextual and functional analysis, linguo-stylistic techniques as well as descriptive and linguo-pragmatic methods of analysis.

Keywords: legislative genre, pragmatic language functions, legal norms, intention, pragmatic analysis, nomination, linguo-stylistics, extralinguistic factor

For citation: Balashova E. Yu., Nagoga O. V., Makshantseva E. A. The pragmalinguistic analysis of legislative genre (based on texts of german laws). *Speech Genres*, 2021, no. 2 (30), pp. 101–108 (in English). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-101-108

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Научная статья
УДК 811.112.2′37:34
https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-101-108

Прагмалингвистический анализ законодательного жанра (на материале текстов немецких законов)

Е. Ю. Балашова✉, О. В. Нагога, Е. А. Макшанцева

Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Балашова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, balashovaelena@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9993-8116
Нагога Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, ok-fly@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0182-3944
Макшанцева Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, makela@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-2304-5602

Аннотация. Юридические жанры, как правило, делятся на три большие тематические группы: «Законодательство» (законы, указы, распоряжения, акты, приказы), «Прецедентное право» (судебные решения, апелляции, протоколы, распоряжения и запросы суда) и «Официальная документация» (деловая переписка, отчеты, контракты). Целью настоящего исследования является анализ немецких законодательных

© Балашова Е. Ю., Нагога О. В., Макшанцева Е. А., 2021

текстов с позиций прагмалингвистики и лингвостилистики. Авторы статьи описывают специфику законодательного жанра и выделяют присущие ему общие и частные языковые функции. Актуальность статьи обусловлена тем фактом, что в современной отечественной и зарубежной лингвистике работ, посвящённых изучению непосредственно законодательного жанра и анализу текстов законов, не много, а между тем данное направление является весьма перспективным в плане междисциплинарных исследований. Авторы полагают, что функция номинации, функция сообщения, функция воздействия и коммуникативная функция наиболее ярко репрезентированы в законодательном жанре посредством разноуровневых языковых средств. Как показал прагматический анализ правовых норм немецких законодательных текстов, последним присущи императивные и диспозитивные правовые нормы, тогда как рекомендательные правовые нормы в меньшей степени характерны для текстов немецких законов. Методологической основой работы выступают метод контекстного и функционального анализа, лингвостилистические приёмы, а также описательный и лингвопрагматический методы анализа.

Ключевые слова: законодательный жанр, прагматические функции языка, норма права, интенция, прагмалингвистический анализ, номинация, лингвостилистика, экстралингвистические факторы

Для цитирования: *Balashova E. Yu., Nagoga O. V., Makshantseva E. A.* The pragmalinguistic analysis of legislative genre (based on texts of german laws). [*Балашова Е. Ю., Нагога О. В., Макшанцева Е. А.* Прагмалингвистический анализ законодательного жанра (на материале текстов немецких законов)] // Жанры речи. 2021. № 2 (30). С. 101–108. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-101-108

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Introduction

In modern linguistics there is a tendency of enhanced studying of language as an instrument of communication and expressing thoughts and intentions. The present study which is based on German laws highlights the issues connected with studying language structure, properties and functions as well as analyzing legislative genre. There are also important issues of examining the substance, system and structure of the language and its functions which are discussed in the present paper.

The study of pragmatic functions of language is crucially important for understanding legislative texts' functionality in language and speech. The classical view on general pragmatic language functions was presented in the theories of J. R. Searle and J. Habermas. J. R. Searle determines five pragmatic functions corresponding to five classes of speech acts: *assertives* (the pragmatic function is to commit the speaker to the truth of the expressed proposition); *directives* (the pragmatic function is an attempt by the speaker to make the listener perform an act); *commissives* (the pragmatic function is that the speaker commits himself to perform an act); *expressives* (the pragmatic function is to express the speaker's psychological state about a state of affairs specified in the propositional content of the speech act); *declaratives* (the pragmatic function implies that a successful performance guarantees that the propositional content of the speech act corresponds to the world) [1]. J. Habermas singles out only 3 major classes: *constatives* (the pragmatic function is to present states of affairs); *expressives* (the pragmatic function is to present something from the subjective world of the speaker); *regulatives* and *imperatives* united in a single class (the pragmatic function is to regulate the interaction between the actors in the social world) [2].

The inventory of language functions is discussed in many linguistic papers, but in modern pragmatics there is no common understanding of this issue. In Western linguistic tradition the process of communication takes the dominant position. Thus, A. Martine considers communicative, cognitive and emotional functions as the main ones, and the rest are considered as secondary ones [3]. K. Bühler structures the basic language functions in a hierarchical manner and, in his view, the communicative function acts as a hyper function in this hierarchy. It splits into expressive, appellative and message functions [4]. In Russian linguistic tradition language functions are analyzed either in connection with semiotics or with a genre theory. Thus, Yu. S. Stepanov singles out *the nominative function* covering linguistic units constituting nominal and verbal classes, *the predicative function*, which is represented by the syntactic relations of words, and *the performative function*, which includes the units of the communicative act [5]. V. V. Vinogradov distinguishes *the function of message, the function of communication* and *the function of influence*. In his opinion, they are directly connected with functional styles of speech and literary genres and find their expression with the help of various linguistic means [6]. Later due to the development of pragmatic direction in linguistics language functions were analyzed in a new light, as pragmatics requires the study of language in its relationship with communicants and communicative context.

The term *pragmatics* was first used by Ch. Morris, who considered pragmatics to be "a part of semiotics, which deals with the study of

language signs' purpose" [7: 219]. Since the late 60s and early 70s of the XX century, linguistic pragmatics has become a separate field and has been going on its intensive development up to the present moment.

Ideas of pragmatics go along with the ideas of linguo-stylistics with a long-standing tradition of studying stylistic means not only in the system of language, but also in specific situations using extralinguistic data. Pragmatics offers a multivariate perspective of studying stylistic facts, which are analyzed in their correlation with a multitude of factors. V. L. Naer singles out such factors of analysis as "the subject of speech and the addressee, their communicative intentions, the purposes, expectations, the communicative situation, the communicative purpose of the speech act in the connection with the pragmatic parameters of the statement" [8: 4–9].

The language functions, manifested directly in speech acts, were fundamentally clarified in the theory of speech acts of J. L. Austin. Initially J. L. Austin divided speech acts into "constatives" (statements describing some events) and "performatives" (statements accompanying a description of an event)» [9: 111–128]. From those types of speech acts the researcher developed the theory of "locutionary acts". In accordance with this theory, a verbal act can be performed in three ways: by a "locutionary act", when the statement is merely correlated with an event, by an "illocutionary act", when the statement contains a bit more than a mere piece of information about some event and by a "perlocutionary act" when something is said in order to influence the listener. The difference between illocutionary and perlocutionary acts is that the aim of the former can be put into words, but the aim of the latter is not explicated verbally [10]. According to the theory of speech acts, language contains various instruments for expressing different intentions of the speaker. These instruments are included into the communicative competence of both the speaker and the listener; they are relevant to the communicative conditions.

One of the main goals of our paper is linguo-pragmatic analysis of legislative genre represented in the texts of German laws. German is one of the most widespread languages in Western Europe. The study of German legal texts is of linguistic interest, since it allows to establish typologically common features and interlanguage inconsistencies in legislative texts in different languages. Linguists are increasingly turning to multidisciplinary studies of linguistic phenomena. In this regard, the analysis of texts may be promising not only from a linguistic point of view, but also from the positions of functional grammar, logic, stylistics, pragmatics and linguocultural studies.

The relevance of this study is determined by the necessity to study the problems of adequate understanding and translation of German legislative documents in the context of integration processes in Europe and around the world. Conducting a comprehensive analysis of German legal texts seems to be of practical significance and well-timed. The problem of searching German equivalents to linguistic means of expression can be solved through a more precise description of the meanings of German linguistic means in the legislative area.

A distinctive feature of the Romance-Germanic legal system is the predominantly codified nature of its branches. Codification in the countries with the above-mentioned legal system represents a special legal technique, which assisted to complete the formation of the Romance-Germanic legal family as an integral phenomenon. The methodology of codification was developed by German lawyers; therefore, it can be called Germanic to a certain degree [11: 30]. It is the more popular in the legal systems of Central and Eastern European states. German jurists, who are developing the codification methodology and applying it in practice, proceed from the thesis that it is impossible to describe precisely the normative legal prescriptions in legislative acts in the form accessible for correct, accurate and comprehensive understanding by all members of society [12: 25–26].

The code, enacted according to the German methodology, acts as the main form of normative expression and formal establishment of scientific and legal concepts that determine legal regulation in various spheres of social life. German legislators and codifiers have traditionally attempted to make normative legal acts available to professional legal audience. The codes, created in accordance with the German methodology are meant for professional interpretation mainly, carried out by persons with special legal professional or scientific training. Therefore, such a systematizing legislative act is available, as a rule, for understanding and usage by professional lawyers mostly [13: 57–58].

The base of our research is the legislative text in connection with extralinguistic factors. Any communicative interaction occurs in the cultural context in a certain communicative situation. The existence of cognitive models of various communicative situations in the minds of individuals is the condition of their successful speech activity. M. A. K. Halliday considers that if the communicative situation meets a set of key parameters, the relevant scenario is actualized in the mind of the individual [14]. V. V. Nikitina distinguishes the following basic parameters: the purpose of communication, the atmosphere of communication (official, neutral, informal), the type of situation

(subordinative, non-subordinative), characteristics of participants of communication (positional, status indicator, situational, role relations), communication channel (oral, written), a set of conventional regulations (rules, norms, values) [15: 75]. Each speech act is functionally target-oriented: it has a definite purpose and methods of actualization. Achievement of purpose is directly dependent upon the sphere of communication and the conditions in which it takes place.

1. Communicative Functions of Legislative texts

Legal language is subdivided into genres of legislation (resolutions, rules, laws, charters, conventions, regulations), case law (judicial decisions, protocols, opinions of judges, appeals) and official documentation (contracts, bulletins, official correspondence, records).

The legislative text differs from a plain text by a certain communicative purpose. In order to reveal its essence, first of all it is necessary to clarify what the main purpose of the texts of laws is, what communicative purposes and tasks are set by the creators of this type of texts. A legislative text as a genre of formal style implies the realization of the following communicative functions:

1) **to ascertain the fact:**

Art. 12. [Berufsfreiheit]

(1) 1 Alle Deutschen haben das Recht, Beruf, Arbeitsplatz und Ausbildungsstätte frei zu wählen. 2 Die Berufsausübung kann durch Gesetz oder auf Grund eines Gesetzes geregelt werden (GG).

2) **to prescribe the fact:**

§ 6. [Prüfung von Amts wegen]

Das Gericht hat seine sachliche Zuständigkeit in jeder Lage des Verfahrens von Amts wegen zu prüfen (StPO).

The text of laws, being intended for maintenance of business relations in the administrative and legal spheres, reflects some state of things in a certain field and urges the addressee to take the necessary actions resulting from that order of things. Relationship between the addresser and the addressee is social, and the pragmatic program is imperative, authoritative and strong-willed by its nature. The rational program in the text of the law is carried out in detail and is on an equal footing with the pragmatic one, and the emotional program contains rational motivation.

Functions of the texts of laws are described in the legal and linguistic literature [c.f. 16–19]. Lawyers note that laws are one of the most important tools of social regulation. They induce people to active behavior, prescribe, prohibit or allow specific variations of this behavior. Therefore, the law does not act only as a regulator, but also as a direct instrument of controlling action. The language of jurisprudence is aimed at persuasion and serves as an important means of ideological influence on the addressees and contributes to forming their socio-political consciousness.

3) **The communicative structural function** presupposes the presence in a law's microsystem both of the rights granted to and the duties imposed on the subject of law. The microsystem structure of law consists of such elements as *a hypothesis, disposition and sanction*:

§ 133. Verwahrungsbruch

(1) Wer Schriftstücke oder andere bewegliche Sachen, die sich in dienstlicher Verwahrung befinden oder ihm oder einem anderen dienstlich in Verwahrung gegeben worden sind,||zerstört, beschädigt, unbrauchbar macht oder der dienstlichen Verfügung entzieht,||wird mit Freiheitsstrafe bis zu zwei Jahren oder mit Geldstrafe bestraft (StGB).

In the given example all three elements of the legal rule are present. The *hypothesis* specifies the conditions for the operation of the rule of law, *disposition* determines the model of individuals' behaviour by establishing rights and obligations, and *the sanction* provides consequences for the individual who exercises the disposition.

A clearer denotation of the place, role and purpose of the law as a legal rule in the legal regulatory system is provided by classifications of the norms of law. For our research two most important classifications of legal norms are significant. These classifications are based on the following criteria:

1) the functional role of the rule of law;

2) the methods of legal regulation.

In the former case, it is necessary to distinguish the *original*, *general* and *special* rules of law. The *original rules* of law form the basis for the legal regulation of social relations, its goals, objectives and directions. These include, for example, norms that either proclaim principles or contain definitions of specific legal concepts:

§ 1. [Beginn der Rechtsfähigkeit]

Die Rechtsfähigkeit des Menschen beginnt mit der Vollendung der Geburt (BGB).

§ 12. Verbrechen und Vergehen.

(1) Verbrechen sind rechtswidrige Taten, die im Mindestmass mit Freiheitsstrafe von einem Jahr oder darüber bedroht sind.

(2) Vergehen sind rechtswidrige Taten, die im Mindestmass mit einer geringeren Freiheitsstrafe oder die mit Geldstrafe bedroht sind (StGB).

In most cases, *general rules of law* are characteristic of any general branch of law, which applies them in the majority of the institutions of this or that area:

§ 96. [Rechte als Bestandteile eines Grundstücks]

Rechte, die mit dem Eigentum an einem Grundstücke verbunden sind, gelten als Bestandteile des Grundstücks (BGB).

§ 62. Grundsatz der Verhältnismässigkeit.

Eine Massregel der Besserung und Sicherung darf nicht angeordnet werden, wenn sie zur Bedeutung der vom Täter begangenen und zu erwartenden Taten sowie zu dem Grad der von ihm ausgehenden Gefahr ausser Verhältnis steht (StGB).

Special rules of law refer to certain institutions of a particular branch of law and regulate any particular type of social relations considering their inherent characteristics. They detail and specify the conditions for their realization, as well as ways of legal impact on the behavior of the individual:

§ 185. [Verfügung eines Nichtberechtigten]

(1) Eine Verfügung, die ein Nichtberechtigter über einen Gegenstand trifft, ist wirksam, wenn sie mit Einwilligung des Berechtigten erfolgt (BGB).

§ 142. Unerlaubtes Entfernen vom Unfallort.

(1) Ein Unfallbeteiligter, der sich nach einem Unfall im Strassenverkehr vom Unfallort entfernt, bevor er

1. zugunsten der anderen Unfallbeteiligten und der Geschädigten die Feststellung seiner Person, seines Fahrzeugs und der Art seiner Beteiligung durch seine Anwesenheit und durch die Angabe, dass er an dem Unfall beteiligt ist, ermöglicht hat oder

2. eine nach den Umständen angemessene Zeit gewartet hat, ohne dass jemand bereit war, die Feststellungen zu treffen,

wird mit Freiheitsstrafe bis zu drei Jahren oder mit Geldstrafe bestraft (StGB).

In the latter case, the legal norms are subdivided into *imperative, dispositive, encouraging* and *recommendatory*. At the same time, it is noted that *imperative norms* contain authoritative prescriptions, *dispositive norms* presuppose freedom to a certain extent, *encouraging norms* promote socially useful behavior, and *recommendatory norms* offer the most appropriate ways of behavior for the state and society [20, 21]. Imperative and dispositive norms of law are characteristic of German law texts:

Art. 36. [Beamte der Bundesbehörden]

(1) 1 Bei den obersten Bundesbehörden sind Beamte aus allen Ländern in angemessenem Verhältnis zu verwenden. 2 Die bei den übrigen Bundesbehörden beschäftigten Personen sollen in der Regel aus dem Lande genommen werden, in dem sie tätig sind (GG).

§ 241. [Schuldverhältnis und Leistungspflicht]

1 Kraft des Schuldverhältnisses ist der Gläubiger berechtigt, von dem Schuldner eine Leistung zu fordern. 2 Die Leistung kann auch in einem Unterlassen bestehen (BGB).

In the former example we can observe imperative rules of law in the legal text, in the latter one – the dispositive legal norms.

Grouping laws as legal rules allows us to suggest that the texts of laws are not homogeneous in achieving their primary purpose – regulating public legal relations. The structure of the rule of law shows that disposition is its main part regulating and affecting the behavior of the individuals, but the legal norm has no sense without a hypothesis, and it is weak without sanction. In the former case, we can observe the subject's motivation for socially useful behavior, and in the latter one – the motivation for the permission to perform certain acts. The influence of the sanction is more psychological by nature than the influence coming from the disposition.

The afore cited definitions of the rule of law relating to its essence and designation, the description of its structure and analysis of classifications of the rules of law show that according to their purpose the legal rules in general and the texts of laws in particular perform the function of regulating social relations.

2. Pragmatic Functions of Legislative texts

The four above-mentioned special functions of the language – the functions of nomination, message, communication and influence – have their own peculiarities of manifestation in the German legal texts. To understand the way legal rules perform the function of regulating social relations, it is necessary to analyze the structural elements of the texts of laws and their interrelations from the functional point of view.

2.1. Nominative Function

The nominative function is exercised in the titles of the articles of the law. For naming the articles and structuring the paragraphs nonverbal formatting techniques are also used:

Art. 94 [Bundesverfassungsgericht, Zusammensetzung] (GG)

§ 19 Schuldunfähigkeit des Kindes (StGB).

As these examples show, the names of articles or paragraphs of laws are usually printed in boldface type; besides the names of articles of the Basic Law and other laws of Germany are enclosed in brackets, the names of paragraphs in the Criminal and Civil Codes of the Federal Republic of Germany and of some other laws of Germany are given without brackets. To a great extent the nominative function is exercised via legal terms contained in these texts. In the legal language the correct understanding of the whole legal rule often depends on the right usage of the term.

2.2. The Function of Message

The function of message in legislative texts can be performed in the form of both the description of actions/situations and information about the possible consequences of certain actions or omissions. In fact, the legal norm can regulate the individuals' behavior since it gives some guiding information to the addressee. At the same time, the provisions of the law are understood as a kind of social controlling information and are addressed to those who must accept, understand, study and use them. The message in the text of the law is absolutely impersonal. The formal messages of the legal texts are aimed to stimulate the addressee to commit or omit to commit certain actions which are the subject of the article of the law, for example:

§ 56. Strafaussetzung

(1) Bei der Verurteilung zu Freiheitsstrafe von nicht mehr als einem Jahr setzt das Gericht die Vollstreckung der Strafe zur Bewährung aus, wenn zu erwarten ist, daß der Verurteilte sich schon die Verurteilung zur Warnung dienen lassen und künftig auch ohne die Einwirkung des Strafvollzugs keine Straftaten mehr begehen wird. Dabei sind namentlich die Persönlichkeit des Verurteilten, sein Vorleben, die Umstände seiner Tat, sein Verhalten nach der Tat, seine Lebensverhältnisse und die Wirkungen zu berücksichtigen, die von der Aussetzung für ihn zu erwarten sind (StGB).

In the text of paragraph 56 of the Criminal Code of the Federal Republic of Germany, the function of message is realized by informing the addressee of the conditions for the substitution of imprisonment for probation. The notification about these conditions affects the addressee, since it requires their strict obedience. In addition, the criteria the court takes into consideration for adjudicating probation, include social background of the defendant, his or her past, circumstances of the crime, his or her behavior after committing the crime, social binds and actions. The appeal to the defendant in the text of the law also directly influences their present and future behavior.

2.3. The Function of Communication

The function of communication is not specific for legislative texts, since the addresser and the addressee are not represented personally. However, as a rule, the texts of laws are known to have a corporate author, who is a legislator. The language of the law as a way of transferring information from a legislator must take into account the characteristics of the target audience, otherwise the information can be misunderstood, lost or distorted.

Considering the peculiarities of the individuals accepting the legislative information, one can have at least an approximate knowledge of the scope of people to whom this or that legislative act is addressed. The information contained in legal norms must have a concrete addressee, otherwise it will be aimless. When the addressee is not clearly identified, it makes understanding of the legal norm difficult and does not allow to solve the problem of legal responsibility.

Thus, in the text of the law, there is communication between the collective addresser-legislator and a particular addressee, the public, to whom a specific legal norm is addressed. At the same time, the addressee is determined by the legislator in the process of law making, and communication that takes place between the addresser and the addressee is neutral. The influence of the legal rule is extended to a certain group of persons to whom this information is addressed. So, when reading the text of the law, the addressee can easily understand whether a legal rule is addressed to them or not. E.g., study § 9 of the German Civil Code:

§ 9. [Wohnsitz eines Soldaten]

(1) 1 Ein Soldat hat seinen Wohnsitz am Standort. 2 Als Wohnsitz eines Soldaten, der im Inland keinen Standort hat, gilt der letzte inländische Standort.

(2) Diese Vorschriften finden keine Anwendung auf Soldaten, die nur auf Grund der Wehrpflicht Wehrdienst leisten oder die nicht selbständig einen Wohnsitz begründen können (BGB).

In the given example the addressee of the legal rule raises no doubts – it is obviously a soldier (soldiers), defined in the first and second sentence by the noun "ein Soldat", and in the second sentence by the plural "Soldaten".

2.4. The Function of Influence

The function of influence is performed in the texts of laws since the texts of this type are intended to exercise certain influence on the consciousness and behavior of the addressee. The information contained in the text of a law influences the memory and attention of the addressee; declaring the conditions requires their strict fulfilling. Let us study the manifestation of the function of influence and consider the example of the usage of Konjunctiv forms in the texts of laws, which affect the addressee due to declaring the conditions for the eligibility of the action, as well as encouraging the addressee to commit the desired act:

1905 [Sterilisation]

(1) 1 Besteht der ärztliche Eingriff in einer Sterilisation des Betreuten, in die dieser nicht einwilligen kann, so kann der Betreuer nur einwilligen, wenn

1. die Sterilisation dem Willen des Betreuten nicht widerspricht,

2. der Betreute auf Dauer einwilligungsunfähig bleiben wird,

3. anzunehmen ist, dass es ohne die Sterilisation zu einer Schwangerschaft kommen würde,

4. infolge dieser Schwangerschaft eine Gefahr für das Leben oder die Gefahr einer schwerwiegenden Beeinträchtigung des körperlichen oder seelischen Gesundheitszustandes der Schwangeren zu erwarten wäre, die nicht auf zumutbare Weise abgewendet werden könnte, und

5. die Schwangerschaft nicht durch andere zumutbare Mittel verhindert werden kann. 2 Als schwerwiegende Gefahr für den seelischen Gesundheitszustand der Schwangeren gilt auch die Gefahr eines schweren und nachhaltigen Leides, das ihr drohen würde, weil vormundschaftsgerichtliche Massnahmen, die mit ihrer Trennung vom Kind verbunden wären (§§ 1666, 1666a), gegen sie ergriffen werden müssten (BGB).

In the given example the special form of the subjunctive mood of conditional I (*würde kommen, würde drohen*) is used with the modal verbs *können* and *müssen* to express the special connotations of inducement. Along with the meaning of inducement, modal verbs add to the text the connotation of the action's conditional character. Any condition is considered a limitation of the action; this has also a certain effect on the addressee of the text.

Conclusions

In the present paper we have tried to contribute to development of pragmatics. The results of our research are based on the study of the characteristics of the language functions in legislative texts in the modern German language. The conducted linguistic and pragmatic analysis develops a deeper understanding of the fundamental features of the language system and, to a certain extent, may be applicable to the studies of texts belonging to different genres in other languages. Pragmatics of the XXI century can be described as an actively developing branch with the multiple sources of new theoretical problems and applied tasks.

The functions of language reflect its essence, purpose and social nature. The main basic language functions split into *special language functions*. The latter can be considered the specific actualization of a communicative act's certain elements. The number of special language functions varies in different studies. These functions determine either the basic kinds of speech acts or definite types of speech activity. Thus, the information presented in the legislative text affects the attention and memory of the text's recipient. The text of a law dictates the terms and requires strict obeying them. The legislative texts, analyzed in the present paper, can be referred to a special type of speech activity. Their pragmatic analysis allows to single out the set of special language functions appropriate for legislative texts: *the functions of nomination, message, communication and influence*. These functions are exercised in the texts of laws in a specific manner. The most significant function is the function of influence, since it is the function that exercises the communicative goal of a legislative text as a regulator of social relations. Thereby we consider that the function of influence is the basic one for legislative texts because along with the communicative and cognitive functions, it serves the main purposes of the legal text.

In the future we think it will be possible to study various types of texts and determine their basic and special functions, the list of which will differ from the typical classification of language functions according to their significance. The research in this direction will allow to change the existing opinion that there are only two basic linguistic functions – communicative and cognitive, and the rest are just their derivatives. The analysis of the language functions of legislative texts makes it possible to systematize the means of realization of this or that special language function.

In perspective the authors intend to develop certain models of the legislative texts which correspond to special language functions of nomination, message, communication and influence. Modeling the texts of laws can also be refined by attributing the legislative texts to a specific type of legal rules (the models of legislative texts with binding, dispositive, encouraging or recommendatory legal norms).

REFERENCES

1. Eriksson O. *The Pragmatic Language Functionality of Information Systems*. Available at: http://www.vits.org/publikationer/dokument/252.pdf (accessed 5 May 2020).

2. Habermas J. Communicative Rationality and the Theories of Meaning and Action. In: Cooke M., ed. Habermas J. *On the Pragmatics of Communication.* Cambridge, Massachussetts, MIT Press, 1986. 454 p.

3. Martine A. Foundations of General linguistics. *New in Linguistics* [Collection of Research Papers. Translation]. Vol. 3. Moscow, Publisher of Foreign Literature, 1963, pp. 347–566.

4. Bühler K. *Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache*. Jena, Fischer, 1934. 434 S.

5. Stepanov Yu. S. *Metody i printsipy sovremennoi linguistiki* [The Methods and Principles of Modern Linguisitics]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 313 p. (in Russian).

6. Vinogradov V. V. *Stylistica, theoriya poeticheskoi rechi, poetica* [Stylistics, the Theory of Poetic Speech, Poetics]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR, 1963. 259 p. (in Russian).

7. Morris Ch. *Signs, Language and Behavior*. New York, Prentice Hall, Inc., 1946. 356 p.

8. Naer V. L. Pragmatic essence of stylistic markedness. *Problems of Stylistic Markedness (Collection of research papers)*. Iss. 356. Moscow, Moscow State Linguistic University, 1990, pp. 4–9.

9. Austin J. "Truth". *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1950, Suppl. vol., no. 24, pp. 111–128; reprinted in Austin, 1979, pp. 117–133. DOI: 10.1093/019283021X.003.0005

10. Sbisà M., Urmson J. O., eds. Austin J. *How to Do Things with Words*. 2nd ed. Oxford, Oxford University Press, 1975. 174 p.

11. Gavasheli T. V. *Sistematizatsiya zakonodatelstva v Germanii* [The Systematization of German Legislation]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/sistematizatsiya-zakonodatelstva-v-germanii/viewer (accessed 23 November 2020) (in Russian).

12. Kindermann H. *Die Rechtlinien der Gesetzestechnik*. Berlin, Springer-Verlag, 1978. 646 S.

13. Kerimov D. A. *Zakonodatelnaya tekhnika* [The Legislative Technique]. Moscow, Norma Publ., 2000. 125 p. (in Russian).

14. Halliday M. A. *Language as Social Semiotic : The Social Interpretation of Language and Meaning*. London, Edward Arnold, 1978. 132 p.

15. Nikitina V. V. English linguocultural specifics of business discourse. In: *Ekolinguistika : teoriya, problem, metody* [Collection of Research Papers]. Saratov, Nauchnaya Kniga Publ., 2003, pp. 74–78 (in Russian).

16. Große E. U. *Text und Kommunikation: EinelinguistischeEinführung in die Funktion der Texte*. Stuttgart, Berlin, W. Kohlhammer, 1976. 164 S.

17. Turi Joseph-G. Language Law and Language Rights. *International Journal of Law, Language & Discourse*, Australia, Hong Kong and UK, Academic Scholars Publishing House, 2012, vol. 2, iss. 4, pp. 1–18.

18. Tiersma P. M. *The Creation, Structure and Interpretation of the Legal Text.* Available at: http://www.languageandlaw.org/legaltext.htm (accessed 18 June 2018).

19. Berūkštienė D. Legal discourse reconsidered: genres of legal texts. *Comparative Legilinguistics*, 2016, vol. 28. Available at: https://pressto.amu.edu.pl/index.php/cl/article/view/7435/7467 http://dx.doi.org/10.14746/cl.2016.28.5 (accessed 18 June 2018).

20. Malko A. V. *Teoriya gosudarstva i prava v voprosah i otvetah* [The Theory of State and law in Questions and Answers]. 3rd ed. Moscow, Jurist Publ., 1999. 272 p. (in Russian).

21. Marchenko M. N. *Teoriya gosudarstva i prava* [The Theory of State and Law]. 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2004. 800 p. (in Russian).

SOURCES OF MATERIAL

1. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland (GG): Basic Law of FRG. Grundgesetz: Sonderausgabe unter redaktioneller Verantwortung des Verlages C. H. Beck. – 35, neubearbeitete Auflage. München, 1998. S. 1–65.

2. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB): Civil Code of FRG. Bürgerliches Gesetzbuch: Sonderausgabe unter redaktioneller Verantwortung des Verlages C. H. Beck. – 40, überarbeitete Auflage. München, 1997. S. 1–454.

3. Strafgesetzbuch (StGB): Criminal Code of FRG. Strafgesetzbuch: Sonderausgabe unter redaktioneller Verantwortung des Verlages C. H. Beck. – 30. Auflage. München, 1996. S. 1–161.

4. Strafprozessordnung (StPO): Criminal Procedure Code of FRG. CD-ROM Schönfelder plus (c), 1997, Verlag C. H. Beck.

Поступила в редакцию 05.09.2020 / После рецензирования 21.12.2020 / Принята 15.01.2021
Received 05.09.2020 / Revised 21.12.2020 / Accepted 15.01.2021

Жанры речи. 2021. № 2 (30). С. 109–117
Speech Genres, 2021, no. 2 (30), pp. 109–117
Научная статья
УДК [811.161.1+811.111]′27-057.87
https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-109-117

Студенческий отзыв о преподавателе как оценочный речевой жанр в российском и американском образовательных дискурсах

А. Т. Анисимова

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина,
Россия, 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, д. 13

Анисимова Анна Тихоновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,
anna_smv@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0869-6009

Аннотация. Статья посвящена оценочному речевому жанру «отзыв студента о преподавателе», содержательно принадлежащего тематической области обеспечения качества в высшем образовании. Оба аспекта работы представляются актуальными как для теории речевых жанров, так и для системы высшего образования. В статье анализируется коммуникативный концепт «студенческая оценка преподавателя», связанный с исследуемым речевым жанром; выявляются, описываются и сравниваются речежанровые характеристики аксиологически ориентированных текстов отдельно взятой предметно-смысловой сферы «качество преподавания» в русской и американской лингвокультурах, предпринимается попытка классификации речежанровых форм студенческого отзыва о преподавателе. Сравнительный анализ РЖ студенческого отзыва о преподавателе в русском и американском образовательном дискурсе позволил выявить некоторые общие и национально-специфические языковые механизмы и явления. Оценочный коммуникативный концепт «студенческая оценка преподавателя» включает в себя не только эмоционально-оценочную позицию автора, но и структурно-семиотическую парадигму элементов оценки качества преподавания и отличается более высокой семиотической плотностью в американской образовательной среде. Сравнительный анализ вербальной реализации соответствующего коммуникативного концепта в отзывах американских и российских студентов позволил сделать вывод о том, что РЖ отзыва в американской культуре представляет собой отработанную речевую практику, в то время как в российской культуре данный жанр является заимствованным и находится на стадии становления.

Ключевые слова: коммуникативный концепт, образовательный дискурс, качество образования, речевой жанр, отзыв, оценка, языковая личность, тональность, оценочные высказывания

Для цитирования: *Анисимова А. Т.* Студенческий отзыв о преподавателе как оценочный речевой жанр в российском и американском образовательных дискурсах // Жанры речи. 2021. № 2 (30). С. 109–117. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-109-117

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-109-117

Student comments on a professor's rating as an evaluating speech genre in Russian and American educational discourse

A. T. Anisimova

Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin,
13 Kalinina St., Krasnodar 350044, Russia

Anna T. Anisimova, anna_smv@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0869-6009

Abstract. This article focuses on the speech genre "student comments on a professor's rating" which belongs to the domain of quality assurance in higher education. Both aspects are meaningful for the theory of speech genres and the system of higher education. The article analyses the communicative concept "student feedback on teaching" which is related to the speech genre under research. The article also deals with description and comparative analysis of speech genre features of axiological texts which belong to the domain of the "quality

© Анисимова А. Т., 2021

of education" in Russian and American linguistic cultures. Apart from this, the article attempts to classify the speech genre forms of students comments on teaching. On the basis of the comparative analysis of the speech genre "student feedback on teaching" in Russian and American education discourse there have been deduced several common and national specific language features and phenomena. The evaluating communicative concept "student feedback on teaching" comprises not only emotional evaluating attitude of the author but also a structural semiotic paradigm of the teaching evaluation. The American concept demonstrates higher semiotic density. The comparative analysis of verbal implementation of the concept in the Russian and American student feedback comments allows to conclude that the corresponding speech genre in American culture looks like an established speech practice, while into Russian culture this genre has been borrowed and is still being formed.

Keywords: communicative concept, educational discourse, quality of education, speech genre, feedback, evaluation, language identity, tonality, evaluating utterances

For citation: Anisimova A. T. Student comments on a professor's rating as an evaluating speech genre in Russian and American educational discourse. *Speech Genres*, 2021, no. 2 (30), pp. 109–117 (in Russian). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-109-117

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Одной из наиболее актуальных проблем жанроведения, как и лингвистики в целом, является проблема отношения речевого жанра и оценки [1: 9]. Изучению проблемы языковой оценки вообще и оценочных языковых выражений в частности посвящено значительное количество исследований [2–5]. В данной работе мы рассматриваем оценочный речевой жанр «отзыв студента о преподавателе», содержательно принадлежащий тематической области обеспечения качества в высшем образовании. В качестве языкового материала были использованы тексты 150 отзывов российских и 150 отзывов американских студентов и выпускников о преподавателях, размещенные на официальных веб-сайтах сети Интернет: https://professorrating.org, https://www.ratemyprofessors.com. Перевод английских примеров на русский язык выполнен автором статьи. Стиль и орфография отзывов сохранены.

В данной работе мы не ставили своей целью обсуждение валидности студенческих оценок качества преподавания. Наше внимание привлекли отзывы студентов и выпускников о преподавателях как типичные высказывания в отдельной предметно-смысловой сфере, объединенные темой, композиционно-стилистическими характеристиками и «речевой волей» авторов высказываний. Таким образом, объектом исследования выступил отзыв как речевой жанр в концепции М. М. Бахтина [6]. Основная цель исследования состояла в описании жанровой специфики данной группы текстов, включая их прагматику и языковое воплощение. В ходе исследования решались также следующие задачи:

- проанализировать коммуникативный концепт «студенческая оценка преподавателя», связанный с исследуемым речевым жанром (РЖ);
- выявить элементы системности речежанровых форм студенческого отзыва о преподавателе;
- сравнить речежанровые характеристики аксиологически ориентированных текстов отдельно взятой предметно-смысловой сферы «качество преподавания» в русской и американской лингвокультурах.

Основными методами и процедурами анализа выступают описательный метод, сравнительный метод, элементы компонентного анализа, отдельные приемы коммуникативно-прагматического анализа.

1. Коммуникативный концепт отзыва

Одной из наиболее существенных особенностей нашего времени, несомненно, является глобализация, которая затронула практически все сферы нашей жизни, включая образование. Такое явление, как обратная связь со студентами с целью получения информации от непосредственных потребителей о качестве предоставляемых образовательных услуг стало реальностью российского образования не так давно. Этому способствовал процесс интеграции российского образования в мировое образовательное пространство и, как следствие, введение новых образовательных стандартов, основанных на европейских ценностях и понимании качества образования. Одна из рекомендаций по актуализации европейских стандартов (ESG), имеющая отношение к теме нашего исследования, гласит о том, что вузы должны обеспечивать «регулярную обратную связь о приемах и способах, используемых для оценки и корректировки педагогических методов» [7]. В предисловии к русскому переводу Стандартов Г. Н. Мотова, заместитель директора Нацаккредцентра, утверждает, что данный документ (ESG – 2015) «в ближайшие десять лет окажет самое серьезное влияние на все национальные системы образования не только стран Европы, но и мира» [7]. Данные

обстоятельства представляют, на наш взгляд, социальный контекст, который позволяет интерпретировать исследуемый нами жанр как заимствованный [8] из западной культуры.

Лингвистические исследования речевого жанра отзыва представлены многочисленными публикациями в различных научных изданиях. Однако большинство таких исследований выполнены на материале туристического интернет-дискурса (Л. Ю. Говорунова, Э. С. Денисова, А. Н. Индакова, М. В. Терских, В. Е. Юрко), что объясняется бурно развивающейся в наши дни туристической индустрией. Отдельные исследования посвящены жанровой специфике отзыва потребителя различных товаров (М. А. Еремина, Ф. В. Шавлохова).

Исследователи обращаются к разным аспектам бытования данного РЖ в интернет-пространстве, установлении его дискурсивной принадлежности и жанровых параметров, анализируя его общие и национально-специфические характеристики [9, 10], семантическую структуру [11, 12]; языковые и прагматические особенности, имиджеобразующий потенциал [13]. М. А. Еремина отмечает следующие специфические свойства жанра отзыва в Интернете: «полифукциональность (совмещает функции информации, воздействия, убеждения, анализа); аргументированность (обязательны обоснованность, объективность авторской оценки); эмоциональность (допустимы субъективность, личные вкусы и пристрастия пишущего); полиадресность (предназначен для широкого круга адресатов); индивидуальность (автор отзыва – конкретный человек); стилистическая гибридность (совмещает элементы публицистического и разговорного стиля)» [14]. Подчеркивая активность оценочных и императивных смыслов в семантике РЖ отзыва о турпоездке, Е. В. Осетрова предлагает рассматривать данный РЖ как жанр экспертного типа [12]. Очевидно, что профессиональность оценки зависит прежде всего от квалификации автора отзыва, поэтому экспертный характер РЖ отзыва о турпоездке всё же нам представляется неоднозначным. Однако сфера референции лексемы «отзыв» довольно обширна и разнообразна, и такие многочисленые словоупотребления, как *отзыв на статью, на фильм, на диссертацию, о дипломной работе, о книге и т. д.* (НКРЯ) свидетельствуют, во-первых, об утрате разницы между словами *отзыв* и *рецензия*, во-вторых, о том, что значение лексемы *отзыв* действительно может содержать компонент «квалифицированный анализ», а не только «субъективное впечатление» автора.

Мы обратились к РЖ «отзыв студента о преподавателе», который отражает взаимодействие студента и преподавателя и представляет собой специфическую ментально-лингвистическую модель коммуникативного поведения в сфере образовательного дискурса (по тематике и участникам), что принципиально отличает её от модели РЖ отзыва иных дискурсивных направленностей. Однако принадлежность данного РЖ к оценочному дискурсу (по коммуникативной интенции) и к интернет-дискурсу (по каналу коммуникации) позволяет рассматривать его как разновидность РЖ отзыва в коммуникативном интернет-пространстве. Основанием для сравнительного исследования данного РЖ будем считать параметры «интернет-отзыва», выявленные Л. Ю. Говоруновой: «1) объект (тематика) отзыва, 2) участники (образы автора и адресата и их коммуникативные роли), 3) коммуникативная интенция, 4) модальность (оценочная составляющая), 5) диктум (аргументативная база выраженной оценки)» [9: 199].

Попытка проанализировать план содержания РЖ неизбежно направляет наше исследование в область когнитивной генристики [15: 148–158]. В нашем случае генетическая связь РЖ и концепта не только чувствуется интуитивно, но и подтверждается эмпирически. Область смыслов, формируемая современным этапом развития общества, а также культурой, закрепляется в сознании индивида в виде концепта (модели поведения), текстовая реализация которого осуществляется по законам РЖ. Особенность исследуемой модели поведения позволяет нам назвать её **оценочным коммуникативным концептом** и предположить, что он и является системообразующим в картине мира интересующего нас жанра [16].

Студенческая оценка преподавателя представляет собой прежде всего рейтинговую оценку. Необходимость количественного представления качества побудила создателей вышеупомянутых сайтов выделить ряд параметров оценки, которые, по их мнению, позволяют составить «беспристрастный, объективный рейтинг» [17] вузов и преподавателей. На российском сайте студентам предлагается оценить преподавателя по следующим критериям по пятибалльной шкале: *1) способность донести материал; 2) увлекательность предмета; 3) сложность сдачи экзамена; 4) использование наглядных и технических средств обучения; 5) практическая польза предмета; 6) чувство юмора.* Студентам предлагается также оставить свой комментарий (необязательно) и ознакомиться с Пользовательским соглашением на сайте (по гиперссылке), прежде чем отправлять свой отзыв. Очевидно, что ключевые слова «отзыв», «оценка», «рейтинг», предлагаемые для оценки параметры, рекомендации Пользовательского соглашения являются непосредственными составляющи-

ми концепта коммуникативного поведения [18], текстовые реализации которого попали в зону наших исследовательских интересов.

Аналогичный американский интернет-сайт, преследующий такую же цель – формирование максимально объективного рейтинга преподавателей на основе студенческой оценки, – несколько иначе расставляет смысловые акценты. Прежде чем приступить к оценке преподавателя, внимание студента привлекают коротко и четко сформулированные регулятивы – так называемые «do» и «don't» (что можно и чего нельзя делать), а также предложение ознакомиться с полным руководством, пройдя по гиперссылке. Далее следуют шесть обязательных для заполнения параметров: 1) course code (код дисциплины); 2) rate your professor (поставьте оценку Вашему преподавателю); 3) level of difficulty (уровень трудности обучения по дисциплине); 4) would you take this prof. again? (записались ли бы Вы к этому преподавателю ещё? (да/нет); 5) was this class taken for credit? (трудоемкость этой дисциплины входит в Вашу образовательную программу? (да/нет); 6) textbook use (использование учебника (да/-нет).

Критерии оценки заслуживают, на наш взгляд, отдельного внимания. Во-первых, три критерия из пяти (оценки «3», «4», «5») находятся в положительном поле аксиологической шкалы, во-вторых, формулировки критериев содержат экспрессивную, часто ироническую окраску, задавая поведению студента игровой тон:

- *критерии оценки преподавателя:*

1) «Prof's get F's too» (преподаватель тоже может получить неуд.);
2) «mediocre at best» (оставляет желать лучшего);
3) «fine» (прекрасно);
4) «solid choice» (хороший выбор);
5) «a real gem» (сущий клад);

- *критерии оценки степени трудности обучения:*

1) «show up and pass» (появись на занятии и сдашь);
2) «easy A» (легко получить «отлично»);
3) «the usual» (как обычно);
4) «makes you work for it» (заставляет работать);
5) «hardest thing I've ever done» (ничего труднее не приходилось делать).

Следующие четыре параметра являются дополнительными, но не менее значимыми для формирования оценки преподавателя: 7) attendance (mandatory/non mandatory) (посещение занятий (обязательное/необязательное); 8) grade received (полученная оценка); 9) select up to 3 tags that best describe this professor (выбрать 3 параметра из списка, которые лучше всего характеризуют данного преподавателя); 10) here's your chance to be more specific (здесь Вы можете использовать свою возможность высказаться подробнее).

Считаем нужным более детально рассмотреть список параметров, из которых студенту предлагается выбрать три наиболее характерных, поскольку данные лексические единицы обозначают смысловые узлы интересующего нас оценочного коммуникативного концепта и непосредственно влияют на знаковую деятельность индивида при реализации коммуникативной интенции:

«gives good feedback» (даёт полезные рекомендации); «respected» (вызывает уважение); «lots of homework» (много работы на дом); «accessible outside class» (доступен за пределами класса); «get ready to read» (приготовься много читать); «participation matters» (учитывается участие в занятии); «skip class? you won't pass» (пропустил занятие? не сдашь); «inspirational» (вдохновляет); «graded by few things» (оценивает по нескольким параметрам); «test heavy» (тестирует жестко); «group projects» (групповые проекты); «clear grading criteria» (четкие критерии оценки); «hilarious» (веселый); «beware of pop quizzes» (берегись внеплановых контрольных); «amazing lectures» (потрясающие лекции); «lecture heavy» (трудные лекции); «caring» (проявляет заботу); «extra credit» (можно получить дополнительные баллы); «so many papers» (много письменных заданий); «tough grader» (оценивает жестко).

Очевидно, что определенную роль в актуализации данного намерения здесь играет напоминание студенту «Choose carefully – the fate of future students lies in your hands (Выбирай внимательно – судьба будущих студентов в твоих руках)», в котором апеллятивная функция реализуется в форме иронии, что соответствует семантически завуалированному игровому фону опроса. Создаваемое таким образом игровое мироощущение у студента затрагивает его эмоциональную сферу и не может не отразиться на принятии решения: «оценка, порожденная желанием, отлична от оценки, вытекающей из долга» [2: 6].

Последним параметром оценки является приглашение студенту оставить свой комментарий в свободной форме: «Here's your chance to be more specific» (Здесь у Вас есть шанс оставить более конкретный комментарий). К текстам этих комментариев, представляющих собой вербальную актуализацию оценочного коммуникативного концепта «отзыв» в американском образовательном дискурсе, мы обращаемся в нашей работе.

Учитывая вышесказанное, мы можем сделать вывод о том, что, во-первых, жанрово типизируемой интенцией данной категории

текстов в российском и американском образовательном дискурсе является намерение оценить и дать рекомендацию; во-вторых, мы не может не отметить, что американский оценочный коммуникативный концепт «студенческая оценка преподавателя» отличается от соответствующего концепта в русской лингвокультуре более высокой семиотической плотностью.

2. Речежанровые формы отзыва студента о преподавателе

Аксиологическая природа РЖ «отзыв студента о преподавателе» заключается в том, что оценка не только является компонентом данного РЖ, но и сам РЖ является формой оценки. Воспользуемся понятием формы оценки как «речежанровой обусловленности оценки» [1: 20] для выявления особенностей и элементов системности аксиологически ориентированных текстов отдельно взятой предметно-смысловой сферы.

В теории речевых жанров принято систематизировать типы РЖ на основе коммуникативной прагматики, соответственно «прагматическая форма» оценки по праву может считаться основанием для классификации оценочных РЖ [1: 12]. В нашем исследовании РЖ «отзыв студента о преподавателе» является полем реализации коммуникативного концепта «студенческая оценка преподавателя», который включает в себя не только эмоционально-оценочную позицию автора, но и структурно-семиотическую парадигму элементов оценки качества преподавания, в данном случае задаваемую сайтом. Очевидно, что детерминированность текстов отзывов структурно-семиотическими параметрами свидетельствует об уровне сформированности речежанровой компетенции их авторов.

«Интуитивная жанровая рефлексия» [19] позволяет представить нам модель РЖ «отзыв студента о преподавателе» на языке семантических примитивов А. Вежбицкой следующим образом:

хочу сказать вам всем нечто хорошее/плохое об X
думаю, то, что я скажу, будет полезно для вас всех
говорю это, потому что хочу, чтобы всем было хорошо

В предложенной нами модели коммуникативные цели и мотивы говорящего (первый и главный жанрообразующий признак) определяют в исследуемом РЖ наличие признаков информативного и оценочного типа РЖ в классификации Т. В. Шмелевой [19], что объясняет ориентацию студенческого отзыва о преподавателе на решение двойной задачи: оценить объект и дать рекомендацию. Рекомендация, по нашим наблюдениям, очень часто не эксплицируется в отзывах студентов, а присутствует в виде дополнительного речевого эффекта. Особенно это характерно для русскоязычного сайта. Однако оценочное высказывание, как правило, косвенно содержит рекомендацию, которая, в свою очередь, зависит от типа аргументации автора высказывания в поддержку своей оценки. Реализацию данного жанрообразующего признака – диктумного содержания высказывания – мы рассмотрим далее на примерах.

В РЖ отзыва диктумное содержание непременно сопровождается оценочной модальностью, которая проявляется в открытой эмоционально-экспрессивной демонстрации автора своего отношения к объекту отзыва. В самом общем виде все тексты отзывов можно разделить на положительные и отрицательные отзывы. «Нейтральный» отзыв как нулевой член оппозиции мы здесь не рассматриваем в силу его семантической неопределенности. Соотношение положительных и отрицательных отзывов на материале нашей выборки составляет примерно 1 : 1 на российском сайте и 2 : 1 на американском.

В данном жанре чрезвычайно важна аргументация авторской оценки – диктумное содержание высказываний. Положительные отзывы отличаются гораздо большей эмотивностью, обилием восклицательных конструкций, маркированной семантикой, при этом авторы апеллируют не только к эмоциям, но и фактам, что позволяет нам квалифицировать этот тип аргументации как смешанный эмоционально-рациональный:

«О Радчевском Петре Пантелеевиче могу говорить только положительно! Мастер своего дела и удивительно работоспособный человек. Особенно меня поразило то, с каким профессионализмом он определял сорта винограда по вкусу!!! Это было на практике по обрезке в станице Гастагаевской. Нам, его студентам было невероятно видеть, как по тональности послевкусия ягоды винограда можно различить на сортотипы. Вот уж талантливый человек!»; «The most inspirational professor I have ever taken a class with. For many, this class becomes life changing; classmates who struggled to speak in public at the start were transformed by 'Remo' – as he insists on being called -into highly confident speakers. I was humbled by his devotion to the class. He is strict on attendance & participation!»

Считаем нужным заметить, что подобная аргументация встречается чаще в англоязычных отзывах, русские студенты, как правило, ограничиваются либо одиночным восторженным восклицанием, либо таким же немногословным отрицательным высказыванием на грани оскорбления (в русских текстах – 42%; американских – 20%):

«Хороший профессор и человек!»; «Просто супер!!!!!!!!!!!! Спасибо!!!!!!!!!!!!!»/«Самый мерзкий

преподаватель, которого я знаю»; «Очень необязательный человек»; «Fabolously brilliant! overwhelming literature for the kindle minded! brilliant!»; «Never again. Hardest class ever».

Не менее важным жанрообразующим признаком, заложенным в «типовой проект» (Т. В. Шмелева) данного РЖ, являются участники коммуникации: реальный автор и виртуальные образы адресата и объекта оценки. Отдельного внимания заслуживает образ автора в модели данного РЖ. Его особенность заключается прежде всего в его анонимности, влияние которой на искренность высказывания не представляется возможным выявить в ходе нашего исследования. Однако необходимо отметить и прямую зависимость степени свободы языковой личности автора, роль фактора анонимности при этом нельзя не учитывать, от экспликации оценки в рамках рассматриваемого РЖ. В связи с этим нам представляется особенно важным выявить, какие ценности реализуются в рамках данного жанра, как проявляются «представления о допустимом и недопустимом, «хорошем» и «плохом» в общественном поведении» [20], ибо размещение публично открытого анонимного оценочного текста необходимо рассматривать как общественный поступок. Отсутствие необходимости назвать себя нередко проявляется в грубых нарушениях речевого этикета, несмотря на предупреждение Пользовательского соглашения о том, что «использование материалов и сервисов сайта регулируется нормами действующего законодательства Российской Федерации» [17]. Данное обстоятельство напрямую относится к проблематике лингвоэкологии [21: 25] и, возможно, лингвистической экспертизы и заслуживает отдельного исследования.

Языковая личность автора проявляется в различных стратегиях экспликации оценки. На эту особенность аксиологических высказываний указывала Н. Д. Арутюнова: «Аксиологическое утверждение поэтому всегда прагматически связано: оно больше характеризует субъекта оценки, чем ее объект» [22: 9]. Так, в языковом воплощении исследуемого РЖ мы увидели следующие отражения языковой личности:

I. Нормальная (нейтральная) языковая личность проявляется в немногословных или аргументированных, эмоционально экспрессивных или нейтральных отзывах:

«Хороший профессор и человек!»; «Преподаватель ведет себя агрессивно по отношению к студентам.»; «Loved Remo. He is so kind, funny, inspirational, and down to earth. He will give you so much individual attention and help you grow significantly. An amazing professor and person».

II. Маргинальный тип языковой личности («оппозитивный коррелят» понятию нормальной (нейтральной) языковой личности) [23: 16] – «…кто ненамеренно и намеренно нарушает этические нормы поведения, в том числе и речевого» [23: 13], который проявляется в различных регистрах/тональностях РЖ студенческого отзыва о преподавателе:

- вульгарно (пользуется жаргонной и обсценной обиходной речью):

«Нормальный мужик, я 4 получил!»; «Прикольная тётка» красава поц));
«power crazed»; «I like the boy!»;

- обиженно («коммуникативные проявления здесь становятся как бы отражением эмоционально-биологических реакций» [24]):

«Ещё та дама, которая всё теряет и не помнит что обещала»;
«She has a lot of frustration and she took it out on my grade. I did everything she asked and still did poorly. She is a mean mean person»;

- категорично:

«РЕАЛЬНО НИЧЕГО НЕ ДАЛ, ТОЛЬКО ВЗЯЛ. И ТОЧКА.»;« …. Avoid this boring Skeletor creature at all costs.»; «DON'T TAKE THIS CLASS» (прописные авторов);

- иронично:

«Очень культурно со стороны преподавателя насмехаться над голосом студента, передразнивать и ставить из-за этого же голоса неуд. Очень педагогично»; «I made a limerick for this class. It goes as follows: Through college ranks we have risen, To a class where no lecture was given, So we begged Dr. Klug, To teach Chem in the nude, But he only answered with, "Metacognition."»;

- эмоционально:

«Лучший преподаватель!!!!!! Которого с интересом слушают многие студенты»; «Супер преподаватель! Таких больше не бывает! Успехов, любви и самого огромного счастья!»; « Fabolously brilliant! overwhelming literature for the kindle minded! brilliant!»; «I love the prof so much, he 's great!!!!!!!!!»; « Worst prof. ever!».

Анализируя языковое воплощение интересующего нас жанра, а именно обратившись к структуре оценочных текстов, логике смыслового развертывания, мы выделили следующие речежанровые формы в нашем массиве текстов.

1. Холистические оценочные высказывания, дающие итоговую аксиологическую характеристику личности преподавателя:

«Важнейший человек и огромной души»; «Хороший профессор и человек!» «Самая красивая!!! Самая

умная и чудесная)))»; «Очень необязательный человек».

Данная форма оценки характерна только для русскоязычных отзывов, что, очевидно, свидетельствует о роли авторитета у студентов именно личностных качеств преподавателя.

2. Холистические оценочные высказывания, дающие итоговую аксиологическую характеристику профессиональных качеств преподавателя (более характерно для русскоязычных отзывов):

«На сто процентов компитентнейший в своей сфере человек»; «Очень грамотный преподаватель»; «Отличный преподаватель и специалист своего дела!!!»; «Simply the Best in the business»; «best teacher I ever got at Harvard».

3. Дескриптивные отзывы, содержащие эмоционально-рациональную аргументированную оценку профессиональных качеств преподавателя (не характерно для отзывов, объектом которых выступают личностные качества преподавателя):

«Д. Я. очень умный в своей области человек, с фанатизмом относящийся к науке и требует этого же от рядовых студентов. На занятиях поднимаются глобальные вопросы. Д. Я. на многие вещи заставляет взглянуть с разных сторон»; «Compelling and thought-provoking, traditional lecture format. Clearly in command of the subject matter. Sometimes makes spurious connections. A moat separates her from direct student contact. Kind of harsh to her TAs. Not warm & fuzzy. A "rock star" in her field but not very approachable. Have your manager contact her's».

4. Дескриптивные отзывы, эксплицитно выражающие рекомендацию (характерно только для американских отзывов, составляют половину в нашем массиве):

«I took Professor Berkley last Fall and he is great if you want to learn something take him. The book is about case studies which are a little outdated but can still be applied today. Test are fairly easy if you study of course, text is cheap, no much HW. great class»; «He is a class act!! Wonderful professor, I totally recommend taking him. Super helpful and he really wants his students to succeed! I have taken him for two classes and I totally respect his dedication. READ assigned articles and reading and you will do good».

5. Нарративные отзывы-воспоминания (характерно только для русскоязычных отзывов):

«Замечательный препод. Училась у нее два года назад и до сих пор помню ее лекции. Даже в работе конспекты использую. Она одна у нас такая была: лекции читала без единой бумажки. Все время ходила по лекционному залу. Мы боялись не писать, потому что к каждому подходила и интересовалась, что записываем и как понимаем. Очень классные презентации были…».

6. Отзывы-обращения, в которых объект оценки играет роль адресата (характерно только для русскоязычного сайта):

- благодарности (косвенные положительные отзывы):

«Мой дипломный руководитель) Лучший в своем деле) Спасибо, Вам Петр Пантелеевич, за все))))»; «Спасибо за доброту и справедливость!»; «Самая умная и красивая преподавательница! Успехов в работе и благодарных студентов»;

- императив-побуждение (косвенные отрицательные отзывы):

«Спуститесь на землю Л. Ю.!»; «Е. П., пересмотрите свой курс по методике!»; «будьте человечнее, вы многим жизнь попортили!!»

В «портрете» исследуемого оценочного РЖ проявляется и поле ценностных смыслов, составляющих «мини-картину мира» данного РЖ [1: 19] в ее национально-культурной специфичности. Так, предметом оценки российских студентов являются следующие параметры (в порядке убывания проявленности в текстах):

- личностные качества преподавателя (душевность, помощь, ум, доброта, чувство юмора, голос, внешний вид, объективность, справедливость, порядочность, доброжелательность, внимательность);
- профессиональные качества (интересные лекции, доступность изложения, творческий подход, педагогичность, полезность лекций, дикция преподавателя);
- легкость сдачи экзамена;
- коррумпированность преподавателя.

В отзывах американских студентов мы наблюдаем несколько иную палитру смыслов. Так, главную ценность представляют профессиональные качества преподавателя; отдельно оценивается доступность и полезность учебного материала; личность преподавателя не воспринимается отдельно от его профессиональных качеств; большая часть отзывов эксплицитно содержит конкретную рекомендацию, как сдать экзамен/зачет.

Заключение

Сравнительный анализ РЖ студенческого отзыва о преподавателе в русском и американском образовательном дискурсе позволил выявить некоторые общие и национально-специфические языковые механизмы и явления.

Так, репертуар российских речежанровых форм в данной предметно-смысловой сфере отличается большим разнообразием и включает формы, не вполне соответствующие семантической модели жанра, составленной по методике А. Вежбицкой. Аксиологическая природа данного РЖ в российском исполнении выражается в холистических оценочных

высказываниях, отличающихся эмоционально-экспрессивным языковым выражением, нарративах-воспоминаниях, косвенно содержащих оценку как личных, так и профессиональных качеств, отзывах-обращениях к объекту оценки, положительная оценка в которых косвенно выражается в словах благодарности, отрицательная – в императивных высказываниях побудительного характера. Лексико-семантическое поле, образованное данными высказываниями, свидетельствует о трансформации ценностей, «представлений о допустимом и недопустимом, “хорошем” и “плохом”» [20: 9] в сознании значительного числа представителей русской лингвокультуры. Такое семантическое и структурное разнообразие текстов отзывов в российской образовательной среде свидетельствует о том, что данный жанр является заимствованным и пока ещё находится на стадии становления. Тот факт, что на сайте, который «запустили» в 2016 году, большинство отзывов принадлежат периоду становления сайта, а в настоящее время там наблюдается очень слабая активность, говорит о том, что, возможно, данный аспект образовательного дискурса в России не прижился в силу национальных, культурных, исторических условий, возможно, не прижилась данная форма отзыва – публичная и анонимная.

В американской культуре РЖ отзыва студента о преподавателе, напротив, выглядит как отработанная речевая практика. Лексико-семантическая реализация соответствующего коммуникативного концепта представлена дескриптивными формами, содержащими эмоционально-рациональную аргументированную оценку профессиональных качеств преподавателя, а также дескриптивными отзывами, эксплицитно выражающими рекомендацию потенциальным студентам, что соответствует «типовой модели» отзыва в речевом сознании.

На сегодняшний день, многие вузы, российские не исключение, рассматривают такую обратную связь со студентами как компонент образовательной программы. Однако в русском образовательном пространстве студенческий отзыв о преподавателе как жанр представляет собой открытую семиотическую структуру, ценность которой в таком виде для обеспечения качества образования вызывает сомнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дементьев В. В.* Аксиологическая генристика : аспекты проблемы «оценка и жанр» // Жанры речи. 2016. № 2 (14). С. 9–24. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-9-24

2. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 341 с.

3. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М. : Наука, 1985. 228 с.

4. *Дубровская Т. В.* Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах. Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. 272 с.

5. *Романова Т. В.* Модальность. Оценка. Эмоциональность. Н. Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. 309 с.

6. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 5 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 159–206.

7. Стандарты и рекомендации для гарантии качества в Европейском пространстве высшего образования. URL: https://ncpa.ru/images/pdf/esg_enqa_rus.pdf (дата обращения: 30.03.2020).

8. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров и актуальные проблемы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78–104.

9. *Говорунова Л. Ю.* Отзыв туриста как новый речевой жанр туристического интернет-дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 198–203.

10. *Юрко В. Е.* Сопоставительный анализ жанра «интернет-отзыв туриста об отелях» в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах на лексическом уровне // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2016. № 12. С. 155–158.

11. *Индакова А. Н.* Речевой жанр отзыва о турпоездке (на материале интернет-текстов) // Молодёжь и наука : сб. материалов VII Всерос. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных, посвящ. 50-летию первого полета человека в космос. Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2011. URL: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/section15.html (дата обращения: 10.04.2021).

12. *Осетрова Е. В.* Речевой жанр отзыва в коммуникативной практике интернет-сообщества // Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа : сб. статей. СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2014. С. 200–204.

13. *Терских М. В.* Жанр интернет-отзыва в туристическом дискурсе (маркетинговый потенциал) // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 274–283.

14. *Еремина М. А.* Речевой жанр отзыва в коммуникативном пространстве Интернета // Научный диалог. 2016. № 5 (53). С. 34–45.

15. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.

16. *Слышкин Г. Г.* Речевой жанр : перспективы концептологического анализа // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 4. Саратов : ИЦ «Наука», 2005. С. 34–49.

17. Профессор Рейтинг – рейтинг вузов и преподавателей России. URL: https://professorrating.org (дата обращения: 30.03.2021).

18. *Шевченко И. С.* Концепт коммуникативного поведения и жанр // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 24–30.

19. *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 1. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–98.

20. *Дементьев В. В.* Некоторые методологические принципы изучения речежанровых заимствований // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика, 2016. Т. 20, № 1. С. 7–23.

21. *Дементьев В. В.* Лингвоэкология через призму речевых жанров : сфера новых «технологических» коммуникаций // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 22–47.

22. *Арутюнова Н. Д.* Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики : сб. ст. М. : Наука, 1984. С. 5–23.

23. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

24. *Седов К. Ф.* Внутрижанровые стратегии речевого поведения : «ссора», «комплимент», «колкость» // Жанры речи. Вып. 1. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. URL: https://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-1 (дата обращения 10.04.2020).

REFERENCES

1. Dementyev V. V. Axiological genristics : aspects of a problem “evaluation and genre”. *Speech Genres*, 2016, no. 2, pp. 9–24 (in Russian). DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-9-24

2. Arutyunova N. D. *Tipy iazykovykh znachenii : Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Linguistic Meanings : Assessment. Happening. Facts]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 341 p. (in Russian).

3. Vol’f Ye. M. *Funktsional’naya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 228 p. (in Russian).

4. Dubrovskaya T. V. *Rechevyje zhanry ‘osuzhdenije’ i ‘obvinenije’ v russkoj i anglijskoj lingvokulturakh* [Speech Genres ‘Condemnation’ and ‘Accusation’ in Russian and English Lingual Cultures]. Penza, Izd-vo Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. 272 p. (in Russian).

5. Romanova T. V. *Modal’nost. Otsenka. Emotsionalnost* [Modality. Appraisal. Emotionality]. Nizhniy Novgorod, Novgorodskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet, 2008. 309 p. (in Russian).

6. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [Problem of Speech Genres]. *M. M. Bakhtin. Sobraniye sochineniy. T. 5. Raboty 1940 – nachala 1960-kh godov* [Works. Vol. 5. Works of 1940 – Beginning of 1960]. Moscow, Yazyki russkoi kul’tury Publ., 1997, pp. 159–206 (in Russian).

7. *Standards and Guidelines for Quality Assurance in the European Higher Education Area (ESG)*. Available at: https://ncpa.ru/images/pdf/esg_enqa_rus.pdf (accessed 30 March 2020) (in Russian).

8. Dementyev V. V. “Speech genre” theory and actual processes in contemporary speaking. *Topics in the Study of Language*, 2015, no. 6, pp. 78–107 (in Russian).

9. Govorunova L. Ju. Feedback of the tourist as a new speech genre in the tourist internet discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2013, no. 1 (292), *Philology. Art History*, iss. 73, pp. 198–203 (in Russian).

10. Yurko V. E. Comparative analysis of speech genre “tourists’ internet review about the hotels” in english and russian linguacultures at the lexical level. *Translation and Comparative Linguistics*, 2016, no. 12, pp. 155–158 (in Russian).

11. Indakova A. N. Speech genre of feedback about a tourist trip. In: *Molodjozh’ i nauka : sb. materialov VII Vseros. nauch.-tehn. konf. studentov, aspirantov i molodyh uchjonyh, posvjash. 50-letiju pervogo poleta cheloveka v kosmos* [Youth and Science : Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Technical Conference of Students, Post-graduate Students and Young Scholars, Devoted to the 50th Anniversary of the First Space Flight of the Human]. Krasnojarsk, Sibirskij federal’nyj un-t, 2011 (in Russian). Available at: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/section15.html (accessed 10.04.2021).

12. Osetrova E. V. Speech genre of feedback in communication of the Internet community. *Medialinguistics*, iss. 3. Speech Genre in massmedia. Saint Petersburg, S.-Peterb. gos. un-t, In-t “Vyssh. shk. zhurn. i mass. kommunikacij”, 2014, pp. 200–204 (in Russian).

13. Terskikh M. V. Internet comments in tourist discourse (marketing potential). *Political Linguistics*, 2014, no. 4 (50), pp. 274–283 (in Russian).

14. Yeremina M. A. Speech Genre of Feedback in Internet Communicative Space. *Scientific dialogue*, 2016, no. 5 (53), pp. 34–45 (in Russian).

15. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Speech Genres Theory]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).

16. Slyshkin G. G. Speech genre : Prospects of conceptology analysis. *Zhanry rechi : sb. nauch. tr.* [Speech Genres : Collection of Scientific Arts.]. Saratov, ITs “Nauka”Publ. 2005, iss. 4, pp. 34–49 (in Russian).

17. *Professor Rejting – rejting vuzov i prepodavatelej Rossii* [Professor Rating – rating of Universities and Teachers in Russia]. Available at: https://professorrating.org (accessed 30.03.2020) (in Russian).

18. Shevchenko I. S. The concept of communicative-bahaviour and genre. *Speech Genres*, 2015, no. 1 (11), pp. 24–30 (in Russian).

19. Shmeleva T. V. Model of the speech genre. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : collection of Scientific Arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).

20. Dementyev V. V. Some Methodological Principles of Study on Speech Genre Borrowings. *Russian Journal of Linguistics*, 2016, vol. 20, no. 1, pp. 7–23 (in Russian).

21. Dementyev V. V. Lingvoecology through the prism of speech genres : the sphere of new “technological” communications. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2015, iss. 2, pp. 22–47 (in Russian).

22. Arutyunova N. D. Axiology in the mechanisms of life and language. In: *Problemy strukturnoj lingvistiki : sb. st.* [Problems of Structural Linguistics : Coll Art]. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 5–23 (in Russian).

23. Karasik V. I. *Iazykovoi krug : lichnost’, kontsepty, diskurs* [Language Circle : Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).

24. Sedov K. F. Intragenre strategies of speech behavior : “quarrel”, “compliment”, “taunting”. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* (Speech Genres : Collection of Scientific Arts.). Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1. Available at: https://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-1 (accessed 10 April 2020) (in Russian).

Поступила в редакцию 06.04.2020 / После рецензирования 19.05.2020 / Принята 20.06.2020
Received 06.04.2020 / Revised 19.05.2020 / Accepted 20.06.2020

Жанры речи. 2021. № 2 (30). С. 118–125
Speech Genres, 2021, no. 2 (30), pp. 118–125
Научная статья
УДК 811.161.1.09-36
https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-118-125

Грязные руки: мздоимство в русскоязычном анекдоте

С. Г. Воркачев

Кубанский государственный технологический университет,
Россия, 350072, г. Краснодар, ул. Московская, д. 2

Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, svork@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6290-2582

Аннотация. Исследование речежанровых и формально-семантических свойств русскоязычных анекдотов о мздоимстве осуществлялось на материале корпуса анекдотов о взяточничестве, в который вошли также анекдоты русскоговорящих украинцев, отличающиеся от российских лишь именами фигурирующих в них «протагонистов». Установлено, что основными средствами создания каламбурности в анекдоте выступают лексическая и грамматическая полисемия и омонимия, обыгрывание фонетического сходства и непроизвольный юмор. Комический эффект в анекдотах о взяточничестве также может создаваться обыгрыванием фразеологизмов – их буквализацией либо заменой составляющих. Практически «эксклюзивным» субъектом мздоимства по данным корпуса анекдотов выступает власть – чиновники всех рангов, правоохранители и законодатели. В корпусе анекдотов о коррупции достаточно четко отслеживаются аксиологически-праксеологические аспекты взяточничества: общее отношение социума к взятке и ее оценки. Отмечается повсеместность взяточничества во властных структурах, а в отношении чудесного исчезновения коррупции ощущается крайний пессимизм – она неискоренима и неизбывна. Юмор как умение подметить смешную сторону кого-, чего-либо и представить ее в незлобно-насмешливом виде в корпусе анекдотов о взяточничестве практически отсутствует – здесь доминируют сарказм и ирония. В анекдотах весь обличительный пафос направлен на взяткобрателей, в отношении которых присутствует ненависть, бессильная ярость и гиперболизированная жестокость. «Борьба с коррупцией» носит сугубо имитационный характер, однако у неё есть несколько нефиктивных функций: инструмента расправы с конкурентами, с неугодными и с не вписывающимися в коррупционные схемы. Из социокультурных функций комического в корпусе анекдотов о коррупции, помимо развлекательной функции, доминирующими оказываются функция катартически-терапевтическая, направленная на снятие психологического напряжения, вызванного засильем взяточничества, и функция агрессии, конкретизируемая в возмущении коррупцией.

Ключевые слова: анекдот, речевой жанр, комический дискурс, комический эффект, мздоимство, взятка, коррупция, функции комического

Для цитирования: *Воркачев С. Г.* Грязные руки : мздоимство в русскоязычном анекдоте // Жанры речи. 2021. № 2 (30). С. 118–125. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-118-125

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-118-125

Dirty hands: Bribery in Russian anecdote

S. G. Vorkachev

Kuban State Technological University,
2 Moscovskaya St., Krasnodar 350072, Russia

Sergey G. Vorkachev, svork@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6290-2582

Abstract. The study of the speech-genre and formal-semantic properties of Russian anecdotes on bribery is based the corpus of anecdotes, which also include jokes of Russian-speaking Ukrainians, differing from Russian ones only in the names of the “protagonists” appearing in them. It is established that the main means of creating a

© Воркачев С. Г., 2021

pun in a joke are the lexical and grammatical polysemy and homonymy, playing off the phonetic similarities and spontaneous humor. The comic effect in jokes on bribery can also be created by playing off idioms – their literalization or replacement of components. According to the corpus of anecdotes, the authorities act as an almost "exclusive" subject of bribery – officials of all ranks, police authorities and lawmakers. In the corpus of jokes on corruption, the axiological and praxeological aspects of bribery are traced clearly: the general attitude of society towards a bribe and its assessment. The research claims the ubiquity of bribery in power structures, and with regard to the miraculous disappearance of corruption, one can feel extreme pessimism as it is ineradicable and inescapable. Humor as the ability to notice the ridiculous side of someone or something and present it in a maliciously mocking form in the corpus of jokes on bribery is practically absent due to the domination of sarcasm and irony. In jokes, all the denunciatory pathos is directed at bribe-takers, towards whom there is hatred, impotent rage and hyperbolic cruelty. The "fight against corruption" is purely imitative, but it has several non-fictitious functions: a tool for reprisal against competitors and those who do not fit into corruption schemes. Among socio-cultural functions of the jokes on corruption, in addition to the entertainment function, the article identifies the cathartic-therapeutic function, aimed at relieving a psychological stress caused by the prevalence of bribery, and the aggression function, specified in the outrage by corruption.

Keywords: anecdote, joke, speech genre, comic discourse, comic effect, bribery, bribe, corruption, comic functions

For citation: Vorkachev S. G. Dirty hands : Bribery in Russian anecdote. *Speech Genres*, 2021, no. 2 (30), pp. 118–125 (in Russian). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-118-125

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

В русской лингвокультуре расцвет и наибольшая популярность анекдота как изначально устного народного творчества приходится на «время застоя» – годы правления Л. И. Брежнева [1: 5], тогда же, очевидно, окончательно сформировались его социально-культурные и речежанровые параметры. Присутствие в культуре подобного речевого жанра обычно объясняется реакцией на давление цензуры, однако и в новые времена гласности и свободы слова анекдот никуда не делся, скорее, наоборот – имеет место его экспансия в новые «области бытования»: он «литературализуется» – издаётся в сборниках, проникает в средства массовой информации – на российском телевидении уже есть канал «Анекдот ТВ» и без анекдотов не обходится, пожалуй, ни одно политическое ток-шоу, он «цифровизуется» – анекдотами заполнен Рунет.

К настоящему времени языковые свойства советско-российского народного анекдота изучены достаточно подробно [2–10]. Установлена типология народного анекдота, выделены предметные области его бытования и определены черты его этноспецифичности. Анекдот в настоящее время – явление массовой культуры и как часть этой культуры по большей части эксплуатирует прецедентность, присущую текстам, именам, ситуациям, которые в этом анекдоте обыгрываются. В то же самое время анекдот в силу своей оперативности реагирования на злобу дня выступает достаточно эффективным средством диагностики состояния социального здоровья общества, поскольку в нем типизируется социальный опыт членов этого общества [5: 181].

По большому счету и в житейских терминах взятка – это одно из индивидуальных орудий внутривидовой борьбы за место под солнцем: жизненные блага, наносящее ущерб социуму через нарушение принципа справедливости. Взятка на той части Евразии, которая теперь называется «Российской Федерацией», имеет глубокие и древние корни и в некоторой степени определяет специфику общественного и государственного устройства этой обширной части суши. Взятка обогатила современный русский язык такими лексическими единицами, как «взяткоемкость», «коррупционная составляющая» и «откат». Все это дает достаточно весомые аргументы, чтобы дополнить диаду основных русских бед еще одной значимой единицей, превратив ее в триаду: «дураки, дороги, взятки».

Объем корпуса анекдотов о взяточничестве, составленный, главным образом, по данным Рунета, насчитывает более четырех сотен единиц – это в четыре раза превосходит объем корпуса пословиц и в три раза объем корпуса афоризмов на эту тему (см.: [11: 257]). В него включены, естественно, анекдоты с реперными словами «взятка» и «откат», а также со словом «коррупция», хотя, конечно, юридически коррупция шире взяточничества и включает в себя превышение служебных полномочий, протекционизм и пр. В этот корпус вошли также анекдоты наших ближайших «братьев по разуму» – русскоговорящих украинцев, отличающиеся от российских анекдотов, главным образом, лишь именами фигурирующих в них «протагонистов» и названиями учрежде-

ний, столиц и стран (Дума-Рада, Москва-Киев, Россия-Украина и пр.).

Увеличение объема корпуса единиц при движении от паремиологии к анекдоту и, тем самым, увеличение «номинативной плотности» соответствующего концепта свидетельствуют, безусловно, о том, что со временем актуальность и линвокультурная значимость мздоимства в нашем отечестве только возрастают.

Приемы создания комичности

Основная коммуникативная цель анекдота – создание комической ситуации, вполне ожидаемо, следовательно, что в этом речевом жанре преобладает развлекательная, «увеселительная», балагурная дискурсная тональность при минимальном присутствии тональности «восхитительной», интеллектуальной [12: 191]. «Увеселительная» тональность здесь создается, главным образом, за счет обыгрывания системно-языковых и лингвокультурных связей присутствующих в них лексических единиц, а сами эти высказывания выглядят как каламбур – «самый демократичный вид языковой шутки» [13: 513], в основе которого лежит совмещение в одном контексте обычно несовместимых либо маловероятных смыслов.

Основными средствами создания каламбурности здесь выступают полисемия и омонимия, как лексическая, так и грамматическая: *На заднем бампере Мерседеса чиновника кто-то написал: **занос** – 1 млн*; *Тяжелая у нас работа. Вон, начальник мой увольняется. – Не **вынес**? – Наоборот. Слишком много вынес*; *Новости: Путин оценил олимпийские объекты на **троечку**. Я б оценил минимум на **пятерочку** и обязательно с конфискацией*; *Оказывается, коррупция в России распространяется воздушно-капельным путем через **палочку** инспектора ГИБДД*; *Знаете ли вы, что чиновники любят смотреть на морской прибой с берега: **откат … за откатом** …*; *Скажите, Дядя, ведь **недаром**, Москва, спаленная пожаром, французам отдана? – в сотый раз допытывался племянник у уставшего отвергать обвинения в коррупции, своего дяди, Барклая де Толли*; *Вот все кричат коррупция, коррупция. Но ведь, если есть **законодатели**, то должны быть и **законно братели***; *Обнаружен **ген**, отвечающий за существование, развитие и процветание **коррупции** – это **Ген**-прокурор*; *Это не беда, что в России все **министры** и **депутаты карманные**. Беда, что у них ну очень большие **карманы***.

Это может быть обыгрывание фонетического сходства (*Те, кто считал что **корпорация** и **коррупция** одно и то же, оказывается, не так уж ошибался*) и черномырдинский непроизвольный юмор, порождаемый в том числе и трафаретностью лозунгов (***Борьба с коррупцией** в России сегодня является главным **злом***!), и в своей интерпретации «умных слов» простым народом (*Скажи-ка, бабушка, а **коррупция** у вас в селе есть? – Откуда, милок? Нефти – нет, газа – нет, земля заросла бурьяном. Вот в соседнем селе, бают, на месте сельсовета нашли кувшин с серебряными монетами, так столько **коррупции** из района понаехало: все местное начальство пожаловало на машинах дорогих, с мигалками, с милицией*).

И в невразумительности ответов на вопросы и оговорок по Фрейду в речах представителей власти: «В результате проведенного исследования на тему “***Могут ли*** сотрудники ГИБДД обойтись без ***взяток***?” был получен утвердительный ответ: «***Да, не могут***!»»; «Уверяю, никакой ***полиции*** в МВД нет! – заявил корреспондентам ***подполковник коррупции*** Петров». И в «макаронической» интерпретации речей политических деятелей: *Порошенко отчитывается о проделанной работе: – Рост экономики – это **фак**т! Жизнь стала лучше – это **фак**т! Демократия – это **фак**т! Победа над коррупцией – это **фак**т! Комментарий эксперта: – Если в каждом предложении убрать последнюю букву – то все правильно*.

Комический эффект в анекдотах о взяточничестве также может создаваться обыгрыванием фразеологизмов – их буквализацией либо заменой составляющих: *Общественное мнение признало самой адекватной мерой за коррупцию в рядах МВД – понижение сотрудника в должности сроком на один день. – А понижение, до какой должности? – **Лежачего полицейского***; «*Он не мог **поступить иначе**!» – с грустью объяснял взятку отец абитуриента*; *С 2011 года в УК РФ вводятся две новые статьи: «**несвоевременное предоставление взятки»** и «**разжигание борьбы с коррупцией**»*; *Правоохранительные органы, выполняя приказ президента – «**ударить по рукам** коррупционеров», **ударили** таки с ними **по рукам***; *Что является основной причиной заболевания дизентерией и коррупцией? – **Грязные руки***; «***Долг платежом красен***» *– любят говорить в военкомате, принимая взятку за отмазку от армии*; *Главное в борьбе с коррупцией – не **наломать** дров, а аккуратно **напилить***; *Улюкаеву предъявлено обвинение в **получении взятки в особо мелком размере**, что несовместимо с должностью российского чиновника*.

Анекдоты, как уже говорилось, отмечены прецедентностью и в большинстве случаев возникают по случаю каких-либо медийно значимых событий, известных текстов и ситуаций:

Чиновник, не бравший взятки, ушел на пенсию ***по воде***; *Во время* ***антикоррупционного*** *заседания президента с министрами неожиданно произошло* ***самовозгорание*** *всех 13-ти шапок*; *В рамках кампании по* ***борьбе с коррупцией*** *выпущен новый мультсериал: «****Ну, посади****!»*; ***Есть вещи, которые нельзя купить****. За них приходится* ***давать взятки****. Для всего остального есть Мастер-кард*; *Почему в России власть не сажает коррумпированных чиновников? –* ***Русские своих не сдают***.

Конституирующие свойства

Анекдотам о взятке в какой-то мере присущи такие конституирующие свойства афоризмов, как антонимичность (антитезисность), метафоричность и парадоксальность [12: 150–153, 174].

Антонимичность определяется присутствием в одном высказывании противоположных по смыслу лексических единиц: *Чтобы сделать прорыв в* ***нано****технологиях, сначала надо порвать с* ***мега****коррупцией*; *Рабинович! Объясните мне, наконец, чем отличаются взятки от коррупции? – Все просто: взятки – это когда взяли и* ***сделали****, коррупция – это когда взяли, но* ***не сделали****. – И с этой язвой на теле общества нужно беспощадно бороться*!; *Если коррупция* ***процветает****, то что* ***засыхает****?*; *За взятку можно не только* ***попасть*** *в тюрьму, но и* ***выбраться*** *из нее*; *Коррупция по-американски: – Получают деньги,* ***строят****, оставшееся* ***воруют****. Коррупция по-русски: – Получают деньги,* ***воруют****, на оставшееся* ***строят***.

Метафоры в корпусе анекдотов о взятке появляются достаточно редко: *Гребли как рабы на галерах, но* ***якорь коррупции*** *не давал ходу*; *Коррупция – как* ***поезд****: остановить ее может только машинист, ведущий состав. – Ага, или партизаны пустят его под откос*; *Попался в* ***коррупционные сети*** *– не дергайся. Делай вид, что пескарь*; *У нас не чиновники, а какие-то* ***осьминоги****. – ??? – Загребают так, как будто у них 8 рук*.

Парадоксальность в анекдотах о взяточничестве создается главным образом за счет актуализации неожиданных ассоциаций, маловероятных возможностей логического вывода из наличных предпосылок и нелепого развития ситуации и столь же нелепой реакции на него ее участников: *Иностранный журналист занимался сбором информации по коррупции в России. У него берут интервью: – Есть в России* ***коррупция****? – Да. На каждом шагу. – А какой момент вас больше всего поразил? – Когда узнал, что она у них* ***вне закона***; *США выделили Украине 45 миллионов долларов на борьбу с* ***коррупцией****. – Все купюры* ***помечены***; *Лозунг «Задушим* ***коррупцию»*** *был признан* ***экстремистским*** *как призывающий к насильственному свержению существующего строя*; *Вы знаете, что Россия заняла второе место в мире по уровню* ***коррупции****? А почему второе? – Потому что мы* ***дали взятку****, чтобы не быть на первом*; *Рабиновича судят. – Рабинович, вам не стыдно было брать* ***взятку*** *десять гривен? – Стыдно. Но больше никто не давал*; *Почему Дума не может принять закон о защите животных? – Собачки* ***взяток не дают***; *Порядочный человек берет* ***взятку*** *в одном-единственном случае – когда представляется случай*; *В России обнаружен честный губернатор,* ***не бравший взяток****. Следствие выясняет, чьим шпионом он являлся – американским, китайским или японским*; *В России пока* ***взятку*** *не дашь –* ***борьба с коррупцией*** *не начнется*.

Единично в этом корпусе встречаются анекдоты «персональных циклов» – о Ленине, Шерлоке Холмсе, чукче и пр.: *Путин и Медведев, устав безуспешно бороться с коррупцией, приходят в Мавзолей, подсаживаются к* ***Ленину*** *и спрашивают: – Ильич, ну подскажи, надоумь, что делать с ворами, хапугами и* ***взяточниками****? Ленин открывает глаза: – Что делать-то, батеньки, как раз понятно. Вопрос – где? Предлагаю – за Мавзолеем, прям под стеночкой*!; *Чистосердечное признание* ***якутского взяточника****: «Однако* ***наша взяла»***; ***Холмс***, *а почему слово Коррупция в названии Совета по Коррупции пишется с заглавной буквы? – Элементарно, Ватсон, в России Коррупция – Святое и Вечное*.

Субъектность взятки

Что касается субъектности взятки, то ее практически «эксклюзивным» субъектом, по данным корпуса анекдотов, выступает власть в совокупности всех своих ветвей: законодательной, исполнительной и судебной: *Если в России победить* ***коррупцию****, кто будет* ***управлять*** *страной?*

Прежде всего это, конечно, чиновники всех рангов: *Если бы* ***чиновники*** *после каждой* ***взятки*** *хотя бы сажали дерево, леса в России не перевелись бы никогда!*; *Красивое слово «****коррупция****» было придумано для того, чтобы не оскорблять чувства* ***чиновников****, называя их ворами*; *Не все* ***чиновники*** *у нас патриоты, некоторые берут* ***взятки*** *в чужой валюте*; *Почему в законе о коррупции до сих пор не ввели норму «конфискация имущества»? –* ***Чиновники*** *категорически против: говорят, уж лучше верните смертную казнь*; *Ровно 255 лет назад – 27 августа 1760 года – Императрица Елизавета издала указ, запрещающий взяточничество* ***госчиновни-***

***ков**. Никто не в курсе, когда закон вступит в силу?*

Затем идут правоохранители и законодатели: *В целях **борьбы с коррупцией** опубликован прейскурант на должности в обновленном **МВД**; Вчера двое **милиционеров** подошли на рынке к гражданину кавказской национальности и предложили поучаствовать в борьбе с коррупцией. Тремястами рублями; Глядя на чем ездят **судьи, прокуратура, милиция** – понимаешь, что свобода в нашей стране ценится очень дорого; **Дума** решила отложить на год введение антикоррупционных законов, так как члены думы не успевают переписать собственность на дальних родственников*.

Что касается «коррупционной триады», на которую в основном направлено внимание российских правоохранителей – «учителей, врачей и гаишников», то здесь в полном объеме присутствуют лишь последние: *Водитель! Будь осторожен на трассе! **Коррупционер** где-то рядом; **Гаишник** останавливает водителя, нарушившего ПДД: – Лейтенант Сидоров, ваши документы. – Пожалуйста. – Нарушаем? – Ну… – Наша дисконтная карта есть?*

Врачей здесь не видно совсем, а учителя появляются лишь единожды: *Платная медицина в России берет свое начало со **взяток** за сдачу экзаменов **преподавателям** медицинских вузов*.

Аксиология взятки

В корпусе анекдотов о коррупции достаточно четко отслеживаются аксиологически-праксеологические аспекты взяточничества: общее отношение социума к взятке и ее оценки.

Прежде всего, конечно, отмечается массовость, повсеместность и даже засилие взяточничества во властных структурах: *Если наносить на карту России все места, где **инспекторы ГИБДД** берут с водителей **взятки**, то получится самый подробный и точный **Атлас российских автодорог**; А давайте уберем **коррупцию** из органов внутренних дел! – Да мы бы с радостью, да некуда – **везде своей коррупции навалом**!*

В отношении чудесного исчезновения коррупции ощущается крайний пессимизм – она неискоренима и неизбывна, поскольку заложена в структуру любой власти и во взаимоотношения последней с народом: *Обвинять **власть** в **коррупции**, это все равно что обвинять религию в обмане, бизнес в жадности, и младенцев в глупости*; *Московскому **гаишнику** предложили **взятку** в размере 45 миллионов рублей, а он отказался. Теперь у него чистая белая рубаха и просторная палата **в больнице Кащенко***; *Без **отката** разместить в городе баннеры «**Долой коррупцию»** не получилось*.

Если юмор – это *умение подметить смешную сторону кого-, чего-либо и представить, показать ее в незлобно-насмешливом виде; проникнутое шутливым, добродушно-насмешливым настроением отношение к кому-, чему-либо* [14: 1529], то таковой в корпусе анекдотов о взяточничестве практически отсутствует – здесь доминируют сарказм и ирония: Мужик у психиатра: – *Доктор, меня неотступно, ежеминутно, и даже сейчас, и во сне, преследует одно и то же видение: – Что в Украине народ живет в изобилии и достатке, с **коррупцией** покончено, в стране справедливость и идеальный правопорядок. Я болен, доктор?! Доктор, утирая слезы: – Вы **счастливы**, голубчик, вы **счастливы**!!*; *Сын депутата делает уроки, спрашивает у отца: – Папа, а «**коррупция»** – это существительное или прилагательное? – Это **счастье**, сынок!*

Как известно, чтобы станцевать танго, нужны двое: взяточничество – «парное преступление», и не случайно в УК РФ оно разведено по разным статьям – дача взятки и получение взятки. Тем не менее, в анекдотах над взяткодателями делается некая «фигура умолчания», и весь обличительный пафос направлен на их партнеров – взяткобрателей (*Бюрократия и **коррупция** – это государственный терроризм против своего народа*; ***Коррупция** – награбленное охраняется законом*), в отношении к которым присутствует ожесточенность, ненависть, бессильная ярость и гиперболизированная жестокость: взяточников предлагается вешать, расстреливать, предавать пыткам инквизиции, отправлять на дыбу, кастрировать, резать бензопилой и пр.: *И когда наш президент осознает простую мысль: за коррупцию чиновников ни в коем случае нельзя **снимать**. Их нужно **вешать***; *Если чиновники считают, что у царской России нужно взять лучшее: – А на **дыбу** за взятку слабо?*; *Из интервью с известным телевизионным продюсером: – Над каким новым проектом вы сейчас работаете? – Мы провели социологическое исследование: какой проект из нашей реальной жизни заинтересовал бы наших телезрителей. Больше всего голосов набрал проект про **борьбу с коррупцией** под условным названием «Техасская **резня бензопилой»**. – Это будет фильм ужасов? – Нет, реалити-шоу*; *На **борьбу с коррупцией** в России нужно выделять не деньги, а **патроны**. Как это делается в Китае*. О том, что *не подмажешь – не поедешь*, *без поджоги и дрова не горят* и *пчелка и та взятку берет*, здесь уже и речи нет, еди-

ницы этого корпуса отмечены концептуальным и порой вербальным радикализмом – матом.

«Борьба с коррупцией»

И уж, конечно, особое место в корпусе анекдотов о взяточничестве занимает «борьба с коррупцией»: «В 1550 году Иван Грозный утвердил свод правил, по которому впервые на Руси вводилось наказание за взятки. Поэтому мы в этом году празднуем 460 лет ***борьбы с коррупцией*** на Руси». Русскоязычное «анекдотное сознание» относится к борьбе с коррупцией крайне скептически, вполне резонно полагая, что «борцы с коррупцией» заинтересованы в последней ничуть не меньше самих коррупционеров: *Когда слышишь, что «Партия Регионов»* ***борется с коррупцией****, сразу представляется, как* ***сутенеры начинают бороться с проституцией***; *Выделять деньги на* ***борьбу с коррупцией*** *– это то же самое, что выделять* ***водку на борьбу с пьянством***. По этой причине борьба с коррупцией носит сугубо имитационный и виртуальный характер, она лишь «делает коррупционеров сильнее», «улучшает качество взяток» и «увеличивает население Лондона»: *Не все знают, что знаменитый фильм «****С широко закрытыми глазами****» был снят о* ***борьбе с коррупцией*** *в России*; *Документальный фильм, созданный по заказу российского МВД, о его* ***борьбе с коррупцией*** *получил Гран-при Каннского кинофестиваля – после того, как эту картину перевели из разряда «документальных» в «****художественные****»*; ***Все, что нас не убивает, делает нас сильнее***» – так говорят коррупционеры про ***антикоррупционные меры***; *По мнению социологов, в результате российской кампании по* ***борьбе с коррупцией*** *население Лондона может увеличиться в разы*.

У борьбы с коррупцией, однако, есть несколько нефиктивных функций – инструмента расправы с конкурентами, с неугодными и с не вписывающимися в коррупционные схемы: «***Борьба с коррупцией»*** *у нас – это когда одна преступная группировка арестовывает другую, менее крупную и удачливую*; *Конкуренция в России это* ***борьба одних коррупционеров*** *с другими коррупционерами за коррупционный кошт*; *Собрал как-то Азаров коррупционеров и выступил перед ними с Посланием. – Господа коррупционеры! В* ***борьбе с коррупцией*** *без посадок не обойтись! Так что – придумывайте активнее, кого вместо вас можно посадить*; *Сидят на лавочке старушки и обсуждают новость – брал губернатор взятки или его «****подставили****»? Мимо проходит Митяй – бывший зэк: «потерпите бабусеньки, скоро узнаем: если подстава – то* ***посадят****; если брал – то выпустят»*.

Борьба с коррупцией превратилась в борьбу с борцами против коррупции: *Количество задержанных за* ***борьбу против коррупции*** *превысило число задержанных в России* ***за коррупцию***; *В России набирает популярность новая профессия:* ***борец с борцами с коррупцией***. В то же самое время борьба с коррупцией превратилась в весьма доходный бизнес: *Жизнь показала, что после* ***коррупции*** *наибольший доход приносит* ***борьба с ней***; *У кандидата спрашивают: – Почему вы решили баллотироваться? – Да вы посмотрите, что творится! Власть погрязла в роскоши,* ***коррупции****, безделье! – А, так вы хотите со всем этим* ***бороться****? – Ну что вы! Я хочу во всем этом* ***участвовать***!

«Народное анекдотное творчество» иронически предлагает самые различные способы победить коррупцию: *Как* ***победить коррупцию****, очень просто. Надо принять закон, по которому в случае поимки дающий взятку получает все имущество коррупционера, а также его детей и родственников*; *Чтобы* ***победить в РФ коррупцию****, нужно высший слой* ***чиновников*** *заменить на инопланетян с планеты «НеБеру»*; *Как* ***избавиться от коррупции*** *в России? – Очень просто –* ***переименовываем Россию***.

Функции анекдота о мздоимстве

Комическое, к которому принадлежит анекдот, обладает различным набором социокультурных функций: людической (эстетической) – стремления развлечь и развлечься, терапевтической – освобождения внутренней энергии, снятия напряжения, гармонизации отношения к миру, катартически-терапевтической – снятия угрозы с помощью психологической разрядки, агрессивной – средством нападения, деструктивной – разрушения отживших ценностей и освобождения сознания от всякого рода «чудищ» и химер, конструктивной – утверждения положительных идеалов, воспитательной – сохранения нравственных и культурных норм и идеалов, самоутверждения – стремления доказать превосходство собственного интеллекта, маскировочной – позволяющей обойти цензуру, девиативной – уклонения от серьезного обсуждения предмета – и противоположной ей пенетративной – проникновения сквозь психологические барьеры, устанавливаемые сознанием на пути обсуждения серьезных проблем, эвристической – постижения внутренних противоречий предмета, информативной, социализирующей – свидетельством групповой и этнической общности и пр. И если говорить о корпусе анекдотов о коррупции, то,

помимо, естественно, развлекательной функции, доминирующими в нем окажутся функция катартически-терапевтическая, направленная на психологическую разрядку, снятие психологического напряжения, вызванного засильем взяточничества, – «облегчение души», и функция агрессии, конкретизируемая в возмущении коррупцией, ее обличении, когда молчать уже невозможно, иначе и «камни возопиют» (Лк. 19: 40).

Заключение

Объем корпуса анекдотов о взяточничестве, составленный по данным Рунета, насчитывает более четырех сотен единиц, в этот корпус вошли также анекдоты русскоговорящих украинцев, отличающиеся от российских анекдотов лишь именами фигурирующих в них «протагонистов». Основными средствами создания каламбурности в анекдоте выступают полисемия и омонимия, как лексическая, так и грамматическая: обыгрывание фонетического сходства и черномырдинский непроизвольный юмор. Комический эффект в анекдотах о взяточничестве также может создаваться обыгрыванием фразеологизмов – их буквализацией либо заменой составляющих. По большому счету анекдот как речевой жанр эксплуатирует прецедентность – анекдоты в большинстве случаев возникают по случаю каких-либо медийно значимых событий, известных текстов и ситуаций. Что касается субъектности взятки, то ее практически «эксклюзивным» субъектом по данным корпуса анекдотов выступает власть в совокупности всех своих ветвей: законодательной, исполнительной и судебной – чиновники всех рангов, правоохранители и законодатели. Что касается «коррупционной триады», на которую в основном направлено внимание российских правоохранителей – «учителей, врачей и гаишников», то здесь в полном объеме присутствуют лишь последние. В корпусе анекдотов о коррупции достаточно четко отслеживаются аксиологически-праксеологические аспекты взяточничества: общее отношение социума к взятке и ее оценки. Прежде всего, конечно, отмечается массовость, повсеместность и даже засилие взяточничества во властных структурах. В отношении чудесного исчезновения коррупции ощущается крайний пессимизм – она неискоренима, поскольку заложена в структуру любой власти и во взаимоотношения последней с народом. Юмор как умение подметить смешную сторону кого-, чего-либо и представить, показать ее в незлобно-насмешливом виде, то таковой в корпусе анекдотов о взяточничестве практически отсутствует – здесь доминируют сарказм и ирония. В анекдотах весь обличительный пафос направлен на взяткобрателей, в отношении к которым присутствует ожесточенность, ненависть, бессильная ярость и гиперболизированная жестокость. Особое место в корпусе анекдотов о взяточничестве занимает «борьба с коррупцией», которая носит сугубо имитационный и виртуальный характер. У борьбы с коррупцией, однако, есть несколько нефиктивных функций – инструмента расправы с конкурентами, с неугодными и с не вписывающимися в коррупционные схемы. Комическое, к которому принадлежит анекдот, обладает различным набором социокультурных функций, из которых в корпусе анекдотов о коррупции, помимо развлекательной функции, доминирующими оказываются функция катартически-терапевтическая, направленная на психологическую разрядку, снятие психологического напряжения, вызванного засильем взяточничества, и функция агрессии, конкретизируемая в возмущении коррупцией, в ее обличении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дементьев В. В.* Анекдоты семидесятых : взгляд лингвиста. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011. 100 с.

2. *Белоусов А. Ф.* Современный анекдот // Современный городской фольклор. М. : РГГУ, 2003. С. 581–598.

3. *Бородин П. А.* Вопросы происхождения и поэтики современного народного анекдота : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2001. 23 с.

4. *Воркачев С. Г.* Карнавализация лингвоидеологемы «народ» в речевом жанре русского анекдота // Жанры речи. 2014. № 1 (9). С. 108–114.

5. *Гришаева Л. И., Цурикова Л. В.* Анекдот как способ фиксации социальных норм и морально-этических ценностей социума // Теория межкультурной коммуникации : проблемы, подходы, анализ. Воронеж : ВГУ, 2018. С. 180–191.

6. *Карасик В. И.* Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 1. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 144–153.

7. *Курганов Е.* Анекдот как жанр. СПб. : Академический проект, 1997. 123 с.

8. *Хруль В. М.* Анекдот как форма массовой коммуникации : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1993. 25 с.

9. *Чиркова О. А.* Поэтика современного народного анекдота : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1997. 20 с.

10. *Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.* Русский анекдот в двадцать первом веке (трансформации речевого жанра) // Жанры речи : сб. науч. ст.. Вып. 4 : Жанр и концепт. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2005. С. 296–301.

11. *Воркачев С. Г.* Какою мерою мерите : идея воздаяния в лингвокультуре. М : Флинта, 2020. 372 с.

12. *Воркачев С. Г.* Lumen naturale : аксиология интеллекта в языке. М. : Флинта ; Наука, 2017. 296 с.

13. *Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М. : Языки русской культуры, 1999. 544 с.

14. *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.

REFERENCES

1. Dementyev V. V. *Anekdoty semidesyatykh : vzglyad lingvista* [Anecdotes of the Seventies : A Look of a Linguist]. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing, 2011. 100 p. (in Russian).

2. Belousov A. F. A modern anecdote. In: *Sovremennyy gorodskoy fol'klor* [Modern Urban Folklore]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2003, pp. 581–598 (in Russian).

3. Borodin P. A. *Voprosy proiskhozhdeniya i poetiki sovremennogo narodnogo anekdota* [Problems of Origin and Poetics of a Modern Folk Joke]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2001. 23 p. (in Russian).

4. Vorkachev S. G. Carnivalization of the linguistic and ideological word "people" in the speech genre of the Russian anecdote. *Speech Genres*, 2014, no. 1 (9), pp. 108–114 (in Russian).

5. Grishayeva L. I., Tsurikova L. V. Anecdote as a way of fixing social norms and moral and ethical values of society. In: *Teoriya mezhkul'turnoy kommunikatsii : problemy, podkhody, analiz* [Theory of Intercultural Communication : Problems, Approaches, Analysis]. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 2018, pp. 180–191 (in Russian).

6. Karasik V. I. Anecdote as a subject of linguistic study. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : col. sci. arts]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", iss. 1, 1997, pp. 144–153 (in Russian).

7. Kurganov Ye. *Anekdot kak zhanr* [Anecdote as a Genre]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1997. 123 p. (in Russian).

8. Khrul' V. M. *Anekdot kak forma massovoy kommunikatsii* [Anecdote as a Form of Mass Communication]. Diss. Cand. Sci. (Philol.) Moscow, 1993. 25 p. (in Russian).

9. Chirkova O. A. *Poetika sovremennogo narodnogo anekdota* [Poetics of a Modern Folk Joke]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 1997. 20 p. (in Russian).

10. Shmeleva Ye. Ya., Shmelev A. D. Russian anecdote in the twenty-first century (transformation of the speech genre). *Zhanry rechi : sb. nauch. st. Vyp. 4 : Zhanr i kontsept* [Speech Genres : coll. sci. arts], iss. 4 : Genre and Concept. Saratov, GosUNTs "Kolledzh" Publ., 2005, pp. 296–301 (in Russian).

11. Vorkachev S. G. *Kakoyu meroyu merite : ideya vozdayaniya v lingvokul'ture* [With the Measure You Use : The Idea of Retribution in Linguistic Culture]. Moscow, Flinta Publ., 2020. 372 p. (in Russian).

12. Vorkachev S. G. *Lumen naturale : aksiologiya intellekta v yazyke* [Lumen Naturale : Axiology of Intelligence in Language]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2017. 296 p. (in Russian).

13. Sannikov V. Z. *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry* [Russian Language in the Mirror of a Language Game]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 544 p. (in Russian).

14. Kuznetsov S. A. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 1998. 1536 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 07.04.2020 / После рецензирования 28.04.2020 / Принята 23.07.2020
Received 07.04.2020 / Revised 28.04.2020 / Accepted 23.07.2020

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Жанры речи. 2021. № 2 (30). С. 126–135
Speech Genres, 2021, no. 2 (30), pp. 126–135
Научная статья
УДК 81′42
https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-126-135

Лирический дискурс/текст как речежанровый кроссовер

В. В. Прозоров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, Philology@sgu.ru, https://orcid.org/0000-0002-6386-0759

Аннотация. Лирические дискурсы/тексты в нашем понимании – целостно явленные речевые высказывания, порожденные прежде всего высоким градусом эмоций, широким диапазоном душевных переживаний, обладающие отчётливой мерой вольной интерактивности. Понятие автокоммуникативный (шире – лирический) речежанровый кроссовер обнимает книжные и разговорные, монологические и диалогические, вторичные и первичные РЖ. Неизменными остаются отличительные признаки неповторимой проникновенной стилевой выразительности. Внутренняя речь при известных компетенциях её носителя, связанных с творческой способностью к образно-языковому воплощению, адресуясь к своим, из вещи в себе превращается в вещь (в дискурс/текст) для посвященных и приобщенных. Свои – заветная категория коммуникативно-эмоциональной направленности, предполагающая в нашем случае открытость навстречу каждому, кто готов к полноценному и откровенному внутреннему диалогу с данным, лирически окрашенным речевым высказыванием. Лирические дискурсы/тексты речежанрового кроссовера в нечетком множестве их проявлений могут быть охарактеризованы через универсальную психолого-семантическую триаду внимания – соучастия – открытия. При бескорыстном погружении в лирический текст происходит подключение нашего внимания к интонационно-речевой особенности исходных авторских душевных состояний-настроений. Вслед за этим заметно актуализируется личный опыт адресата, побуждающий к субъективно-оценочным переживаниям, прямо или косвенно связанным с динамикой авторских интенций. И наконец – финальный аккорд, способный передать пронзительное чувственно-смысловое откровение. Полноценное восприятие совершенных лирических дискурсов/текстов приобщает нас к обширным культурным практикам фатико-информационных взаимодействий, животворно сказывается на автокоммуникативных готовностях человека и, в конечном счете, способствует свободному эмоционально-интеллектуальному развитию личности.

Ключевые слова: лирический дискурс/текст, речежанровый кроссовер, лиризм, автокоммуникация, автор, адресат, внимание – соучастие – открытие.

Для цитирования: *Прозоров В. В.* Лирический дискурс/текст как речежанровый кроссовер // Жанры речи. 2021. № 2 (30). С. 126–135. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-126-135

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-126-135

A lyrical discourse/text as a speech genre crossover

V. V. Prozorov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Valery V. Prozorov, Philology@sgu.ru, https://orcid.org/0000-0002-6386-0759

Abstract. The author of the article understands lyrical discourses/texts as holistic speech acts, generated by inflamed emotions and a wide range of strong emotional affects which are certainly essentially interactive by

© Прозоров В. В., 2021

nature. The notion of an authocommunicative (in a broader sense – lyrical) speech genre crossover embraces literary and colloquial, primary and secondary speech genres in the form of monologues and dialogues. The permanent feature of all of them is their special insightful stylistic expressiveness. Internal speech, in case it is used by a competent user capable of creative figurative thinking, when addressed to the proper addressee turns from the thing in itself to the thing (discourse/text) for those who are entitled and those who know. The proper addressee is a desirable communicative and emotional category which in this case presupposes openness to those whose are ready for a thorough sincere internal dialogue with the given lyrically coloured speech act. Lyrical discourses/texs of a speech genre crossover may be characterized through the universal psychological-semantic triad of attention – joint participation – discovery. Absorbing selflessly into a lyrical text we wire up our attention to the original intonations of the author's state of mind and mood. This is followed by a noticeably updated personal experience of the addressee, initiating new individual evaluative feelings, directly or indirectly related to the dynamics of the author's intentions. Eventually, comes the final chord which is able to transfer the discovery of sensory and conceptual author's intentions. The integral perception of perfect lyrical discourses/texts introduces us to numerous cultural practices of phatic and informational interactions invigoratingly influencing authocommunictive aptitudes of the person, which at long last facilitates their free emotional and intellectual enhancement.

Keywords: lyrical discourse/text, speech genre crossover, lyricism, authocommunication, author, addressee, attention – joint participation – discovery

For citation: Prozorov V. V. A lyrical discourse/text as a speech genre crossover. *Speech Genres*, 2021, no. 2 (30), pp. 126–135 (in Russian). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-126-135

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Перед нами стоит задача рассмотреть широко понятый лирический дискурс/текст с точки зрения его универсальных, антропологически заданных примет и вольной интерактивной направленности на вероятного адресата. Необходимо понять, ***как*** щедро субъективное по своей природе восприятие лирического высказывания предопределяется личными переживаниями автора, последовательно запечатленными в динамичной структуре текста.

Графическое сближение понятий ***дискурс и текст*** означает, что речь идёт о тексте в его функциональном, коммуникативно-действенном осуществлении. Семантически близкий опыт связывания этих понятий предложен Н. И. Формановской в её книге «Коммуникативный контакт». Ссылаясь на наши работы «Власть и свобода журналистики» и «До востребования», Наталья Ивановна пишет: «Любой создатель дискурса/текста вольно или невольно ориентируется на адресата: на его интересы, знания – как фоновые, прецедентные, так и текущие /…/ Адресат является невольным соавтором для автора дискурса/текста при стремлении к адекватному восприятию максимума информации /…/ Контакт автора с адресатом проходит как по линии специфики дискурса/текста с точки зрения функционально-стилевой, жанровой и языковой организации, так и по линии интереса и других психических свойств воспринимающего» [1: 27]. Подобное терминологическое употребление сводного понятия совпадает с поставленной задачей: нам необходимо осознать особую природу воплощенного присутствия вероятного адресата в такой разновидности высказываний, которая обнимается представлением о лирическом дискурсе/тексте.

Размышляя над уместным ***речежанровым*** понятием для обозначения лирического дискурса/текста, взятого в его многосоставном значении, я склоняюсь к английскому *crossover*, прописанному в различных терминологических сегментах русского языка. Кроссовер может быть употреблен в значении собирательного наименования, совмещающего в себе разноплановые, разномасштабные, но по некоторым существенным параметрам родственные, соприкасающиеся и пересекающиеся понятия, предметы и явления. Надобность в таком понятии особенно ощущается, когда заходит речь об исследовательской сосредоточенности на массиве РЖ, несхожих с точки зрения известных речежанровых классификаций и, между тем, по некоторым важным отличительным признакам сближенных, относительно подобных.

В данном случае (имея в виду широко осознаваемый лирический дискурс/текст) в наш кругозор попадают как книжные, так и разговорные, как монологические, так и диалогические, как вторичные (сложные), так и первичные (простые) РЖ, по терминологии М. М. Бахтина. Опыт показывает, что существенные филологические наблюдения над вторичными жанрами уместно и целесообразно переносить и на первичные РЖ. И наоборот: яркие образчики первичных РЖ наглядно выражают и некоторые ключевые особенности вторичных РЖ. Для подобного объединительного свода явлений, попадающих в специальное речежанровое поле зрения, термин «кроссовер» при всей контекстуаль-

ной непривычности является, на наш взгляд, оправданным.

Обращение к понятию «***лирический*** дискурс/текст» в широком семантико-прагматически ориентированном значении призвано «кроссоверно» объять коммуникативные проявления, отмеченные прежде всего выразительной эмоциональностью, заметной взволнованностью, повышенной речевой экспрессией. Иначе говоря, лирический дискурс/текст в нашем понимании – всё целостно явленное, что порождено высоким градусом человеческих чувств и обладает отчётливой степенью вольной интерактивности. Указание на интерактивную ***вольность*** призвано оттенить специфику восприятия лирического дискурса/текста по сравнению с эпическими и драматическими высказываниями, отмеченными, как правило, большей степенью авторской нарративной заданности и выстроенности. Заметим попутно, что о ***совершенных*** лирических дискурсах/текстах трудно исследовательски рассуждать так же, как, например, об учебно-научных, деловых и др. высказываниях. Здесь оправданно применение соответствующего природе высказывания лексико-аналитического, эмоционально-интеллектуального сопровождения. Область преобладания ощущений, чувств, эмоций – сфера трудно выразимого и сложно выговариваемого. Надо искать и находить подходящие к случаю слова. Без этого исполненный хрупкого самовыражения лирический дискурс/текст заметно сворачивается и невозмутимо уходит в себя.

По заключению В. В. Дементьева, «любая форма поведения – действие и бездействие, речь и молчание в определенной ситуации может оказаться коммуникативно значимой» [2: 230]. Тем более, коммуникативно значимыми могут быть признаны индивидуальные чувствования, душевные порывы, испытываемые нами настроения, то, что покрывается бесконечно емким понятием *внутренний мир человека*. У саморегулируемого внутреннего мира есть и трудно пока доступная для практического исследования сфера *внутренней речи*. Это по большей части потаённая, с приметами беззвучной артикуляции, эгоцентрическая вербализация, сопутствующая процессу мышления. При всех стремительно нарастающих в нашем мире формах цифрового контроля над разнообразием коммуникативных данностей внутренняя речь до поры до времени может оставаться одним из последних убежищ индивидуальной свободы.

Создание и восприятие любого дискурса/текста зависят от компетентности «сочинителя» и «пользователя». Каждый человек в любом возрасте ограничен пределами постоянно пополняемого когнитивно-оценочного и эмоционального опыта. Опыт включает разномасштабную память прожитого, сосредоточенность на нынешних интересах и влечениях, собственный диапазон традиционных и новых представлений о жизни, о мире, о преходящем и вечном, почерпнутых и переплавленных из неисчислимого множества доступных каналов информации. Исходный опыт, характеризующийся и степенью повседневного владения системой РЖ, помогает вступать в процессы фатических и информационных по своей природе коммуникаций *с другими*.

Личный опыт побуждает обращаться в диапазонах собственного душевного пространства и *к самому себе* с раздумьями, беспокойными переспросами, не терпящими отлагательств уточнениями и припоминаниями. Всплывает в памяти пушкинское «Воспоминание»: «В бездействии ночном живей горят во мне // Змеи сердечной угрызенья; // Мечты кипят; в уме, подавленном тоской, // Теснится тяжких дум избыток; // Воспоминание безмолвно предо мной // Свой длинный развивает свиток».

Надо полагать, что апофеоз лирических коммуникативных проявлений – невербализованное, содержательное *молчание*, нечаянно настигающее нас в многозначительно ответственных, эмоционально концентрированных и откровенных состояниях. Мотив этот звучит в стихах А. А. Фета: «Нет, чтобы счастию нежданному отдаться, // Чтобы исчезнуть в нем, спускаясь до дна, // Мне нужно одному с душой своей остаться, // Молчанье нужно мне кругом и тишина». Необременительное, вольно ощущаемое молчание, ненароком настигающее двоих, включенных в желанный «внешний» диалог, становится верным свидетельством их внутренней взаимной расположенности. Как однажды выразилась Н. И. Формановская, есть люди, с которыми одинаково приятно и говорить, и молчать: и то, и другое – полноценное общение.

Как бы ни был лирический дискурс/текст вольно обращен вглубь собственного Я, жива в нас невыразимая потребность в со-общении, в поверке своего – иным опытом, в соприкосновении с другими Я, в направленности лирического дискурса/текста на ***своих.*** Трудно переоценить, с точки зрения направленности лирического высказывания, значение притяжательной местоименной категории «свои». Свои – родные, любезные сердцу, ближний круг общения, широкий круг способных тебя понять, люди, объединённые общей энергией притяжения, «одной крови» (Ридьярд Киплинг). Свои – заветная категория коммуникативно-эмоциональной направленности, предполагающая в нашем случае открытость навстречу

каждому, кто готов к полноценному и откровенному внутреннему диалогу с данным, лирически окрашенным речевым высказыванием.

Внутренняя речь при известных компетенциях её носителя, связанных с творческой способностью к образно-языковому воплощению, адресуясь к своим, из вещи в себе превращается в вещь (в дискурс/текст) для посвященных и приобщенных. В теоретико-литературных построениях прошлого века это самоценное превращение провозглашалось «основой лирики в словесном искусстве», основой, которая «не изменяется на протяжении веков и, вероятно, тысячелетий»: «Исходное самочувствие души может быть очень смутным, неотчетливым, – оно становится лирическим переживанием, лишь когда оно выражено» [3: 175].

Бескорыстный и искусный, письменно оформленный лирический дискурс/текст обладает ощутимыми характеристиками внутренне-акустической выразительно-речевой артикуляции. Его в собственное полноценное удовольствие часто бывает неинтересно читать «про себя», но во что бы то ни стало хочется попробовать на мелодическое фонетико-ритмическое звучание-движение. Применительно к русскому футуризму И. Ю. Иванюшина исследует, в частности, «акустический образ текста» и «удовольствие от произнесения» его [4: 200–205].

Замкнутая на себе, самонаправленная речевая коммуникация – вплоть до полнозвучной и ёмкой немоты (у И. А. Бродского: «Тихотворение моё, моё немое…») – втайне жаждет быть услышанной и оцененной. Здесь приоткрывается нам доступ к пониманию глубин многообразного лирического дискурса/текста как собирательного речежанрового кроссовера.

* * * * *

Мне доводилось высказывать соображения относительно глубинной связи, существующей между тремя родами литературно-художественного высказывания (эпосом, драмой, лирикой) и основными разновидностями коммуникативных стратегий: фатическими, информативными и «автокоммуникативными» [5: 142–150]. В интересующем нас контексте безмерное разнообразие лирических дискурсов/текстов как раз и относится к «автокоммуникации» (Ю. М. Лотман [6: 159–164]), хотя, строго говоря, ею не исчерпывается. Естественную потребность в автокоммуникации М. М. Бахтин объяснял «необходимостью свободного самооткровения личности» [7: 5].

Автокоммуникативный (шире – лирический) кроссовер включает в свои пределы собственно лирические словесно-образные произведения, стихотворные и прозаические, устные и письменные, фольклорные и литературные, любительские и профессиональные, глубоко серьёзные, комплиментарные (оды, например), откровенно насмешливые, иронические, самозабвенно-сосредоточенные, интимные. Это и РЖ внутренней монологической речи (внутренние лирические монологи и отдельные, «странные», как бы внеадресные реплики персонажей в пьесах). В первых рядах здесь и субъективно-оценочные лирические РЖ, часто расположенные на зыбкой границе фатики и автокоммуникации: фрагменты дружеских разговоров по душам, шутки, комплименты, тосты, афоризмы, прочувствованное юбилейное слово, некрологическое признание, исповедь, молитва и др.

К этому «кроссоверному» ряду относятся мемуарные и дневниковые лирические прозрения и откровения. Это и распространившиеся в новейшую пору жанры социальных медиа [8: 119–127]: размышления на личных веб-страницах и веблогах, реплики-признания в чатах, сетевой флирт, виртуальные дневники, лирические интернет-миниатюры и др. В. И. Карасик к особому разряду «креативов» относит предлагаемые на обозрение интернет-сообщества собственные или полюбившиеся чужие лирические тексты на приватные темы [9: 49–55]. Это и почти весь пёстрый репертуар портала «стихи.ру», который предоставляет возможность любому автору знакомить со своими произведениями Сеть и ждать оценок, отзывов, признаний.

Что может сближать столь далеко отстоящие явления речевой культуры? Вероятно, общее представление о ***лиризме***. Под лиризмом мы понимаем присутствие признаков, примет нежности, чувствительности, проникновенной эмоциональной окрашенности речежанрового высказывания. Лексема «лиризм» означает взволнованное состояние души, при котором эмоциональное явно преобладает над рассудочным, над бесстрастной умозрительностью. Лиризм часто определяется как «глубокий», «высокий», «тонкий», «тёплый», «мягкий», «едва заметный» и др. Степень проявления лиризма в различных РЖ дано описать, имея в виду принципы нечёткой логики Лотфи Заде, обращающей нас к бесконечному множеству переменных значений в интервале [0…1], а в переводе с математического на лингвостилистический язык –

[1]См.: *Прозоров В. В.* Наше поведение на гуманитарной границе // Прозоров В. В. Власть и свобода журналистики. 2-е изд., перераб. М. : Флинта ; Наука, 2012. С. 65–68.

в корректном построении *сравнительных* рядов кроссоверных явлений[1].

Градус лиризма в большей или меньшей степени проявляется в разных РЖ. Неизменными остаются отчётливые признаки открытости, искренности, задушевности. Как справедливо отмечает В. В. Дементьев, «в русской культуре самое большое разочарование, самая большая неудовлетворенность от общения возникают у человека, когда не происходит ожидаемого открытия души» [2: 311]. Лиризм предполагает шанс прямого воздействия. Элементы лиризма различимы и в эпосе, и в драме. Но если эпический способ высказывания посвящает в обстоятельства недавно или давно прошедшего времени, если драматическое действие вызывает повышенный интерес к тому, что будет дальше, что только ещё произойдёт, то отмеченные лиризмом РЖ окунают нас в сиюминутное волнение-переживание. Речежанровый кроссовер лирических дискурсов/текстов представляет *разномасштабные* следы впрямую направленного на адресата вольного авторского самопознания, трепетного самовыражения, пронзительных размышлений о внешних и сущностных сторонах бытия.

Многочисленные автокоммуникативные версии с разной степенью пронзительности, в целях выверенной психологической достоверности щедро используются в прозаических и стихотворных жанрах. Так, в повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством», рассказчик предлагает воображаемому читателю посмотреть, «что делает, оставшись одна, красавица дочка», своевольная Оксана. Ей «не минуло еще и семнадцати лет, как во всем почти свете, и по ту сторону Диканьки, и по эту сторону Диканьки, только и речей было, что про нее. Парубки гуртом провозгласили, что лучшей девки и не было еще никогда и не будет никогда на селе. Оксана знала и слышала все, что про нее говорили, и была капризна, как красавица». И после того, как мы оказались посвященными в широко распространенную молву об Оксане, воспроизводится забавная внутренняя речь самой красавицы, оставшейся наедине с зеркалом: «По выходе отца своего она долго еще принаряживалась и жеманилась перед небольшим в оловянных рамках зеркалом и не могла налюбоваться собою. “Что людям вздумалось расславлять, будто я хороша? – говорила она, как бы рассеянно, для того только, чтобы об чем-нибудь поболтать с собою. – Лгут люди, я совсем не хороша”. Но мелькнувшее в зеркале свежее, живое в детской юности лицо с блестящими черными очами и невыразимо приятной усмешкой, прожигавшей душу, вдруг доказало противное. “Разве черные брови и очи мои, – продолжала красавица, не выпуская зеркала, – так хороши, что уже равных им нет и на свете? /…/ – и, отдвигая несколько подалее от себя зеркало, вскрикнула: – Нет, хороша я! Ах, как хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, кого буду женою! Как будет любоваться мною мой муж! Он не вспомнит себя. Он зацелует меня насмерть”». Внутренняя речь передаёт кокетливо-простодушное самоутверждение героини повести, её своенравно капризную игру в поддавки с собой…

Воссоздание беспокойной и вместе невозмутимой, умиротворяющей внутренней речи Ильи Ильича Обломова становится предметом постоянной авторской заботы с первых же страниц романа И. А. Гончарова: «Захар ушёл, а Обломов стал думать. Но он был в затруднении, о чем думать: о письме ли старосты, о переезде ли на новую квартиру, приняться ли сводить счёты? Он терялся в приливе житейских забот и всё лежал, ворочаясь с боку на бок. По временам только слышались отрывистые восклицания: “Ах, Боже мой! Трогает жизнь, везде достаёт”».

Классической образец драматически тяжкой – на пределах возможного – внутренней речи, которая из последних сил просится наружу, жаждет хоть чьего-нибудь сострадательного внимания, представлен в рассказе А. П. Чехова «Тоска»: «Глаза Ионы тревожно и мученически бегают по толпам, снующим по обе стороны улицы: не найдется ли из этих тысяч людей хоть один, который выслушал бы его? Но толпы бегут, не замечая ни его, ни тоски… Тоска громадная, не знающая границ. Лопни грудь Ионы и вылейся из неё тоска, так она бы, кажется, весь свет залила…» Один из устойчивых мотивов в мировой лирике – мотив обезоруживающей глухоты, органично воссоединяемой с мотивом неразделенных чувств, безнадежной погруженности в собственные душевные терзания. «Так хочется поговорить, а не с кем», – грустно признаётся гувернантка Шарлотта Ивановна в «Вишневом саде» Чехова.

В лирическом высказывании Я остается в некой самоизоляции, наедине со своими чувствованиями по поводам, олицетворенным в универсальных, но всегда для автора идущих от сердца, а потому единственно личных, ключевых образах-понятиях. В русской национально-языковой картине мира это многоплановые вариации на онтологические темы – культурные концепты судьбы, души, веры, чуда, тоски, смерти, рода, памяти, истории, воли, любви, чести, справедливости, отечества… Вчитаемся в стихотворение В. В. Набокова, вплавленное в первую главу бесспорно автобиографического романа «Дар» и отмеченное потрясающе исповедальным самосарказмом:

Благодарю тебя, отчизна,
За злую даль благодарю!
Тобою полн, тобой не признан,
Я сам с собою говорю.
И в разговоре каждой ночи
Сама душа не разберёт,
Моё ль безумие бормочет,
Твоя ли музыка растёт…

Многократно усиленное обращение отзывается неутихающей душевной болью. Беспокойное присутствие Другой, хотя и Своей, но, по обстоятельствам неукротимой исторической судьбы, Злой стороны ощущается как естественная и нераздельная составная горького индивидуального опыта, собственного, терзаемого «противочувствиями» (Л. С. Выготский) естества. Как пронзительно точно скажет М. М. Бахтин о молитве, это «мысль о Боге в присутствии Бога» [7: 5].

В русле интересующей нас темы А. П. Скафтымов обращает внимание на новаторскую особенность лирических по своей природе диалогов в чеховском «Вишневом саде». Здесь, по наблюдениям исследователя, обнаруживаются, на первый взгляд, достойные удивления «высказывания, ни к кому не обращённые». В чем их смысл? Они автокоммуникативны: произносятся вслух, но не продолжают намеченную нить разговора; они бессознательно замкнуты на говорящем и произносятся в присутствии своих, близких: «Такие высказывания не рассчитаны на определенного собеседника, они больше всего обращены внутрь и поэтому построены в тонах лирической медитации. Эти высказывания вторгаются в общий разговор совершенно неожиданно, без всякой внешней связи с предшествующими репликами». Скафтымов приводит убеждающий ряд примеров из чеховского текста [10: 329]. Подобные «странные» перебивы – свидетельства исключительной сосредоточенности на собственных состояниях в ситуациях публичного общения.

М. М. Бахтин пишет о доброй атмосфере взаимного сочувствия, в которой в полной мере реализуются «интимные жанры и стили»: «В этой атмосфере глубокого доверия говорящий раскрывает свои внутренние глубины» [7: 203]. Как афористически ёмко скажет В. В. Дементьев в русской традиции «разговор по душам – это разговор о душе» [2: 306]. Н. И. Формановская любила говорить в таких случаях о ситуации доверительного коммуникативного комфорта. Мой внук Федя, шести с половиной лет, на 10-й день «самоизоляции» в пору коронавирусной пандемии, за утренним завтраком со счастливой улыбкой вдруг, хотя и вполне оправданно признался: «Папа, мама, а ведь мы с вами друзья не разлей вода!»

В лирических дискурсах/текстах речежанрового кроссовера заключена фиксируемая авторами пронзительная энергия прямого действия: «На мне ж // с ума сошла анатомия. // Сплошное сердце – // гудит повсеместно» (В. В. Маяковский «Люблю»). Поэт, автор, адресант – «Я сам», лично, самодостаточно, по собственной воле ведущий речь о заветном: «В моей душе лежит сокровище, // И ключ поручен только мне» (А. А. Блок). Эта горделивая поэтическая формула служит проводником в глубинную психологическую природу лирического дискурса/текста. От пушкинского вольного и нежного «Я сам обманываться рад» – до предупредительного маяковского «Я сам расскажу о времени и о себе». А ещё и душевное отчаяние Твардовского – в жёстких обстоятельствах тоталитарного распорядка: «Я сам дознаюсь, доищусь // До всех моих просчетов.// Я их припомню наизусть, // Не по готовым нотам. // Мне проку нет: я сам большой // В смешной самозащите. // Не стойте только над душой, // Над ухом не дышите». В лирическом высказывании почти всегда живо ощущение глубоко запрятанного и жаждущего преодоления одиночества. Откровенно приватное в лирических дискурсах/текстах переплавляется в бескорыстно публичное.

* * * * *

Мы размышляем о лирическом дискурсе/тексте речежанрового кроссовера с точки зрения заключённых в самом высказывании вольных предрасположенностях к диалогу с вероятным адресатом. Прочно утвердилась восходящая к М. М. Бахтину мысль о том, что «вне фактора контакта с адресатом нет текста» [7: 29]; авторская «установка на адресата художественного общения становится фактором, имманентным художественному тексту» [11: 318]. Важно понять, за счет каких характеристических признаков-свойств лирического дискурса/текста становится возможным сам контакт.

Мне приходилось писать о том, что РЖ, сценарии которых строятся как фиксируемое нами, последовательно усиливающееся внушение – ***восхождение*** от изначально затаённого – к сильному, эмоционально насыщенному исходу-звучанию, включают в свой коммуникативно-синтаксический строй момент зачина, побуждающий адресата к ответному фокусированному ***вниманию***, пространство разнопланового содержательного наполнения – ***соучастия***, инициированную субъектом речи и по возможности интенсивно поддерживаемую адресатом, и фазу успешно состоявшегося завершения – ***открытия***, способного своим чувственно-смысловым светом одаривать нас. Переход от сосредо-

точенного на текстовых зачинах внимания к относительно протяженному, часто имплицитно выраженному соучастию, а затем и к непредсказуемо внезапному открытию – движение вероятного адресата, обусловленное чувственно-смысловой динамикой самого текста. В успешно осуществлённом РЖ три отмеченных уровня предстают в неделимой целостности, предполагающей вольное многоступенчатое восприятие.

Лирические РЖ предоставляют их авторам шанс опьяняюще ёмкого и безукоризненно точного самопроявления. Они явно или тайно взывают к всепоглощающему вниманию и соучастию. «Несказанное ядро души, – по словам М. М. Бахтина, – может быть отражено только в зеркале абсолютного сочувствия» [7: 8]. Лирические РЖ часто отмечены бесстрашной душевной откровенностью.

Во дворе нашего дома недавно появился текст, запечатлённый на стене несмываемой краской, снабжённый, вопреки нынешней на этот счет беспечности, необходимыми знаками препинания: «Алёна! Я люблю тебя, дура!» Текст лирический. РЖ признания, мольбы, укора. Все остальные хотите – читайте, хотя вас это не касается: про это должна знать ОНА. Обращение взывает к сосредоточенному вниманию адресата. Признание в любви, скорее всего не впервые выговариваемое, должно же дойти до слуха-чувства избранницы и вызвать, вопреки любым привходящим обстоятельствам, ответное понимание-соучастие. И отчаянный, бранно-нежный финал – всплеск смятенной горечи и надежды. По сути, а вовсе не эпатажа ради, заметим: многие лирические дискурсы/тексты структурируются по образу и подобию приведенного признания.

Действие триады *внимания – соучастия – открытия* прослеживается в богатейшем семантико-синтаксическом разнообразии характеризуемого речежанрового кроссовера. Перед нами, к примеру, трогательное (с признаками нарратива) стихотворение Николая Рубцова «Медведь»:

В медведя выстрелил лесник
Могучий зверь к сосне приник.
Застряла дробь в лохматом теле.
Глаза медведя слез полны:
За что его убить хотели?
Медведь не чувствовал вины!
Домой отправился медведь,
Чтоб горько дома пореветь…

Текст без возрастных ограничений. Назывное заглавие предполагает огромный диапазон вероятных продолжений. Заявленный герой, на котором сосредоточено внимание, дан в первом стихе в сильной позиции. Сразу же узнаём главное: в него стреляли. Выстрелил лесник. Дальше все пространство стихотворения отдано раненому зверю. Лесник исчезает из поля зрения. Он нам в принципе не интересен. Он воплощение неведомого зла. Медведь же от стиха к стиху все сильнее одушевляется. Второй стих пленяет контрастом: *могучий – приник.* Третий стих оптически бесстрастно, но оттого еще больнее наведен на внезапно полученную рану. Крупным планом – полные слёз глаза героя. Сочувствие к нему нарастает. Несобственно-прямой вопрос: в нем оторопь, замешательство, потерянность в этом мире большой неправды. Искренне восклицательная интонация: совесть его чиста, он ни в чем не повинен. И потрясающий своей беззащитностью финал: он, могучий и бессильный в наивном и праведном вопрошении «За что?!», отправляется домой, чтоб без свидетелей, сполна отвести душу – повыть, прокричать, «пореветь»…

Приводимый ниже лирический шедевр Пушкина даёт ещё более чувственно-конкретное представление о властной силе отмеченной триады:

Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги, и печали,
И легковерные мечты…
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.

Излюбленный пушкинский четырехстопный ямб. Семантические диапазоны (ореолы) метра невероятно велики, хотя и преобладают смыслы, отсылающие к сложному душевному, бытийному, бренному опыту. Два начальных стиха стремительно подключают внимание к раздумьям о завершенности некоего жизненного цикла, о предельности любовных переживаний, о преходящей силе чувственной страсти. Мотив сердечной остуды, прощания с порой былых сердечных увлечений всеохватно развивается, дважды восклицательно подтверждается, погружая в раздумья о том, что всё, увы, позади. Доверчиво подключаясь к этому самочувствию, мы с первого же дыхания стиха ощущаем и сопутствующую утвердительным состояниям зыбкость-неустойчивость, отмеченную глагольными формами прошедшего времени: «Я думал…»; «Я говорил…» – прежде думал, прежде говорил. Финал стихотворного текста ликующе взрывной: волнующее торжество, апофеоз вновь возродившегося сердечного трепета-восторга – «пред мощной властью

кра-со-ты». И даже находящийся в ударной позиции последний слог словно бы сокрыто являет тайное и желанное авторское обращение.

Пример так называемой «пейзажной лирики» – из творческого опыта поэта камерно-лирического диапазона Виктора Дронникова (1940–2008):

Есть в предрассветной тишине
Неуловимое мгновенье,
Когда весь мир еще во сне
И только миг до пробужденья.
Еще нет солнца, но, светя,
Оно уже земли коснулось.
Так пробуждается дитя,
Не понимая, что проснулось

Лирическая миниатюра передает таинственное ощущение от едва зарождающегося раннего утреннего чуда. Внимание сосредоточено на утвердительном обещании удивительно превращающегося жизненного «мгновения», на его скором – в пределах текста – живом предъявлении. Вся последующая фактура стиха, цепь наречных и служебных слов-понятий рождает представление о привычно совершенном и всегда волшебном природном явлении («когда», «еще», «только», «но», «уже»). И все завершается откровением – сближением первоначальных примет рассвета с прелестным чудом едва заметного пробуждения ребенка.

Удивительно концентрированное, благородно трепетное проявление отмеченной триады наблюдается в кольцевой композиции лирического стихотворения А. А. Фета 1885 года:

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что´ я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.
Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листы
И я слышу, как сердце цветет.
И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной… я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

Отвлекаясь от реально-биографических мотивов, которыми навеян этот текст, ощутим его вневременную покоряющую мелодию чувств. Начальное, потаённое, медитативно усиливающееся утвердительное отрицание, взывающее к чуткому вниманию, находит своё развитие, завораживающее, печально нежное, вплоть до тихого исступления и озноба, призванное пробудить читательское переживание-соучастие, и в финале бесконечно усиливается исходное отрицание, словно бы присягая на верность неизреченной болитайне, откровению-открытию[2].

Отмеченная психолого-семантическая триада исподволь формирует в читателе осознание и авторских, и собственных, порожденных дискурсом/текстом настроений, обогащает эмоциональный опыт адресата, расширяет спектр его переживаний и чувствований, их интенсивность и глубину. Наш современник – поэт Аркадий Туманян, настраиваясь на волну лиро-философских раздумий Омара Хайама, создаёт свои талантливые четверостишия в жанре рубаи, и вновь мы свидетели перепадов тона – от начальной, из дали веков сентенции к пронзительно откровенному, трогательно-насмешливому финалу: «Несовместимых мы всегда полны желаний. // То с Богом, то, глядишь, у беса мы в капкане… // Душа искала суд у правды и любви, // Рука, как грустный шут, нашла дыру в кармане».

Приметы рассматриваемой триады различимы и в построении лирически окрашенного афоризма, и в веселом шуточном высказывании, и в остроумном изречении. Из записных книжек А. П. Чехова: «Каждое личное существование держится на тайне»; «Хорошо там, где нас нет: в прошлом нас нет, и оно кажется прекрасным»; «Самое лучшее и самое святое право королей – это право помилования»; «Доброму человеку бывает стыдно даже перед собакой»; «Говорят: в конце концов правда восторжествует; но это неправда». Начало каждой фразы задевает внимание интригующе простодушной невозмутимостью и эмоциональной сдержанностью. Краткое продолжение приглашает к соучастию-соразмышлению на заданную тему. Финал предполагает взрывное открытие-откровение. Те же особенности композиции отмечаются в духоподъёмном озорном тосте («Пусть в вашей жизни будут те, за кого хочется выпить, а не те, из-за кого хочется напиться!»), в игривой шутке («Я не вернусь, поскольку не ушёл!», «Он промолчал, и я ему поверила», «Пропали не возможности, а желания»), в забавном парадоксе («Никогда такого не было, и вот опять случилось!»; «Что-то не очень, но вполне!»). Комический эффект в лиро-поэтических миниатюрах (эпиграммах, пародиях, частушках, интернетовских «пирожках» и др.) создается, по наблюдениям В. И. Карасика, через когнитивное рассогласование между невозмутимым зачином и парадоксальным завершением

[2]О сильной финальной позиции в различных стихотворных, лирических по преимуществу, текстах пишут В. И. Карасик [12: 101–110], И. А. Тарасова [13: 111–116] и др.

короткого текста, через «контраст с эффектом обманутого ожидания»: «Как родители мои // Меня замуж выдали. // Он – красивый паренек, // Только много придури» [12: 101–110].

Универсальная триада наблюдается в РЖ лирически выраженного и функционально принадлежащего к фатике комплимента. Н. И. Формановская приводит примеры разных комплиментарных вариантов [14: 308]. В каждом из них наблюдается переход от начального момента еще не выраженного вербально ласкового внимания к собеседнику (восхищенного разглядывания, располагающего к себе жеста), к вызывающему сочувственный интерес персональному обращению: «Вы, как всегда…», «У Вас…», «С таким голосом…», а от обращения – к широкому вееру разнообразных похвально благосклонных и лестных оценок собеседника: «Вы, как всегда, великолепны!», «У Вас прекрасный вкус», «С таким голосом можно давать концерты!».

Итак, сходные приметы интерактивности лирических дискурсов/текстом наблюдаются в широком репертуаре усматриваемого нами речежанрового кроссовера. Полноценное восприятие лирических высказываний, отмеченных глубиной и неординарностью переживаний, во все времена животворно сказывается на автокоммуникативных способностях адресата, заряжает энергией разностороннего эмоционального опыта, содержит в себе способность к возрастанию добрых чувств и состояний, приобщает адресата к обширным культурным практикам фатико-информационных взаимодействий и, в конечном счете, служит вольному эмоционально-интеллектуальному развитию личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Формановская Н. И.* Коммуникативный контакт. М. : ИКАР, 2012. 200 с.

2. *Дементьев В. В.* Коммуникативные ценности русской культуры : категория персональности в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком, 2013. 336 с.

3. *Сквозников В. Д.* Лирика // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы. М. : Наука, 1964. С. 173–237.

4. *Иванюшина И. Ю.* Русский футуризм : идеология, поэтика, прагматика. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2003. 312 с.

5. *Прозоров В. В.* О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 142–150. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-142-150

6. *Лотман Ю. М.* Автокоммуникация : «Я» и «Другой» как адресаты : (о двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство, 2000. С. 159–164.

7. *Бахтин М. М.* Собр. соч. : в 7 т. Т. 5. Работы 1940–1960 годов. М. : Русские словари, 1997. 732 с.

8. *Горошко Е. И.*, *Полякова Т. Л.* К построению типологии жанров социальных медий // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 119–127.

9. *Карасик В. И.* Жанры сетевого дискурса // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 49–55. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55

10. *Скафтымов А. П.* Поэтика художественного произведения. М. : Высш. шк., 2007. 536 с.

11. *Седов К. Ф.* Общая и антропоцентрическая лингвистика. М. : Языки славянской культуры, 2016. 440 с.

12. *Карасик В. И.* Поэтическая рефлексия в комической миниатюре // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 101–110.

13. *Тарасова И. А.* Жанр фрагмента в поэзии «Парижской ноты» // Жанры речи. № 1 (11), 2015. С. 111–116.

14. *Формановская Н. И.* Речевой этикет в русском общении. Теория и практика. М. : ВК, 2009. 334 с.

REFERENCES

1. Formanovskaya N. I. *Kommunikativnyy kontakt* [Communicative Contact]. Moscow, IKAR Publ., 2012. 200 p. (in Russian).

2. Dementyev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoj kul'tury. Kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative Values of the Russian Culture. Category of Personality in Vocabulary and Pragmatics]. Moscow, Global Com. Publ., 2013. 336 p. (in Russian).

3. Skvoznikov V. D. Lirika [Lyrics]. In: *Teoriya literatury. Osnovnyye problemy v istoricheskom osveshchenii. Rody i zhanry literatury* [Theory of Literature. Major Problems in Historical Coverage. Genera and Genres of Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 173–237 (in Russian).

4. Ivanyushina I. Yu. *Russkiy futurizm : ideologiya, poetika, pragmatika* [Russian Futurism : Ideology, Poetics, Pragmatics]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2003. 312 p. (in Russian).

5. Prozorov V. V. Typology of Speech Genres in Terms of Fiction-Writing Modes Theory. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 142–150 (in Russian). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-142-150

6. Lotman Yu. M. Autocommunication : "I" and "Other" as addressees : (about two models of communication in the cultural system). In: *Lotman Yu. M. Semiosfera* [Semiosphere]. Sain Petersburg, Iskusstvo Publ., 2000, pp. 159–164 (in Russian).

7. Bahtin M. M. *Sobranie sochinenij : v 7 t. T. 5. Raboty 1940–1960 godov* [Collected Works : in 7 vols, vol. 5. Works of 1940–1960]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996, pp. 159–206 (in Russian).

8. Goroshko Ye. I., Polyakova T. L. To the construction of a typology of social media genres. *Speech Genres*, 2015, no. 2 (12), pp. 119–127 (in Russian).

9. Karasik V. I. Genres of Network Discourse. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 49–55 (in Russian). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55

10. Skaftymov A. P. *Poetika khudozhestvennogo proizvedeniya* [Poetics of a Work of Art]. Moscow, Vusshaya shkola Publ., 2007. 536 p. (in Russian).

11. Sedov K. F. *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and Anthropocentric Linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2016. 440 p. (in Russian).

12. Karasik V. I. Poetic reflection in a comic miniature. *Speech Genres*, 2015, no. 1 (11), pp. 101–110 (in Russian).

13. Tarasova I. A. The genre of fragment in the poetry of the Paris note. *Speech Genres*, 2015, no. 1 (11), pp. 111–116 (in Russian).

14. Formanovskaya N. I. *Rechevoy etiket v russkom obshchenii. Teoriya i praktika* [Speech Etiquette in Russian Communication. Theory and Practice]. Moscow, VK Publ., 2009. 334 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 05.07.2020 / После рецензирования 25.08.2020 / Принята 29.09.2020
Received 05.07.2020 / Revised 25.08.2020 / Accepted 29.09.2020

Жанры речи. 2021. № 2 (30). С. 136–143
Speech Genres, 2021, no. 2 (30), pp. 136–143
Научная статья
УДК 82.09
https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-136-143

Жанр литературного прогноза в современной критике

Ю. А. Говорухина✉, Ю. Н. Дмитриева

Сибирский федеральный университет,
Россия, 660041, г. Красноярск, просп. Свободный, д. 79

Говорухина Юлия Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и литературоведения, yuliya_govoruhina@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-2675-5909
Дмитриева Юлия Николаевна, магистрант, djuna98@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-1210-4240

Аннотация. Статья посвящена проблеме жанра, которая исследуется в теоретико-критическом и историко-литературном аспектах. Результаты сравнительно-типологического анализа текстов, содержащих суждения о будущем литературы, дают основание говорить о литературном прогнозе как самостоятельном жанре и обновить, таким образом, существующие классификации. Жанровыми носителями стали тема, проблематика, задачи критика, а также особенности структуры текста, ракурс изображения литературы.

Будущее литературы как главная тема прогноза определяет процедуру специфического критического миромоделирования. Задачи критика: предположить сценарии развития литературы; оценить современную литературу в перспективе будущего. Структура литературных прогнозов включает рефлексию предстоящей задачи; определение некой «точки опоры», позволяющей «собрать» образ будущего; картину будущего (или настоящего в перспективе будущего); концовку. Критики вербализуют страх прогнозирования. Страхи критиков связаны не столько с неопределенностью будущего как предмета осмысления, сколько с неприемлемостью статуса пророка, изживаемого на рубеже XX–XXI веков на волне постмодернизма и кризиса литературоцентризма. Создавая образы будущего, критики опираются на фигуру читателя, его запросов, на жизнь в ее социокультурной динамике, незавершенные тенденции.

Жанровый анализ дополняется исследованием содержания литературных прогнозов, позволяющим получить представление об особенностях литературно-критического мышления на рубеже XX–XXI веков, диагнозах, которые ставит критика современной литературе в перспективе будущего. Критика рубежа XX–XXI веков демонстрирует неизжитую травму от утраты былого статуса (критики и литературы), от утраты позиций интеллектуальной прозы и поэзии. Эта осознаваемая «недостача» в настоящем определяет картины будущего.

Ключевые слова: литературная критика, литературный прогноз, жанр

Для цитирования: *Говорухина Ю. А., Дмитриева Ю. Н.* Жанр литературного прогноза в современной критике // Жанры речи. 2021. № 2 (30). С. 136–143. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-136-143

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-136-143

Literary forecast genre in modern criticism

Y. A. Govorukhina✉, Y. N. Dmitrieva

Siberian Federal University, 79 Svobodny Av., Krasnoyarsk 660041, Russia

Yuliya A. Govorukhina, yuliya_govoruhina@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-2675-5909
Yuliya N. Dmitrieva, djuna98@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-1210-4240

Abstract. The article deals with the problem of the genre, which is studied in the theoretical-critical and historical-literary aspects. The results of the comparative typological analysis of texts containing judgments about the future of literature give ground to talk about the literary forecast as an independent genre and thus update the existing classifications. The genre carriers are the topic, problems, tasks of the critic, as well as the structure of the text, the image of the literature.

© Говорухина Ю. А., Дмитриева Ю. Н., 2021

The future of literature as the main theme of forecasting determines the procedure for specific critical world modeling. Tasks of the critic are to offer scenarios for the development of literature; evaluate contemporary literature from the perspective of the future. The structure of literary forecasts includes reflection on the task; finding of a "fulcrum", allowing to create the image of the future; a picture of the future (or the present in the future perspective); the ending. Critics verbalize fear of forecasting. The fears of critics are connected not only with the uncertainty of the future as a subject of comprehension, but with the unacceptability of the status of a prophet, which is being outlived at the turn of the XX–XXI centuries on the wave of postmodernism and the crisis of literary centrism. Creating images of the future, critics draw on the figure of the reader, their requests, life in its socio-cultural dynamics, unfinished tendencies.

The genre analysis is supplemented by a study of the content of literary forecasts, which allows to get an idea of literary critical thinking at the turn of the XX–XXI centuries, the diagnoses which criticism gives to the modern literature. Criticism of the turn of the XX–XXI centuries demonstrates an enduring trauma from the loss of its former status (of both criticism and literature), from the loss of the position of intellectual prose and poetry. This perceived "lack" in the present defines the picture of the future.

Keywords: literary criticism, literary forecast, genre

For citation: Govorukhina Y. A., Dmitrieva Y. N. Literary forecast genre in modern criticism. *Speech Genres*, 2021, no. 2 (30), pp. 136–143 (in Russian). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-136-143

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

На рубеже XX–XXI веков литературная критика не только подводила итоги десятилетней и столетней истории развития литературы, но и обращалась к области более зыбкой – будущему. В рубриках «Прорицатель» [1], «Конференц-зал»[1], в статьях Г. Чхартишвили «Похвала равнодушию. Приятные рассуждения о будущем литературы» [4], Р. Ибатуллина «Взгляд на русскую литературу 2183 года» [5] и др. критики описывали желаемую (идеальную) картину будущего и, наоборот, предлагали сюжеты-катастрофы. Прогнозирование стало востребованным, и этот факт породил исследовательский вопрос: возможно ли говорить о литературном прогнозе как отдельном критическом жанре? Актуальность темы, на наш взгляд, связана не только с возможностью обновления существующих классификаций критических жанров, но и с перспективой на основе прогнозов реконструировать значимые для современной критики ценностные установки, актуальные представления об опасных и перспективных литературных тенденциях.

Теоретические и методологические основания

Теория критики, возникшая в 1970-е годы, в первые же годы своего существования обозначила исследовательские проблемы, одной из которых был вопрос о специфике литературно-критического жанра. Теоретическая разработка критического жанра была представлена в работах Б. Ф. Егорова «О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль» [6], А. Г. Бочарова «Жанры литературно-художественной критики» [7], М. Г. Зельдовича «Программность критики и критические жанры. К постановке проблемы» [8]. В своих исследованиях ученые в качестве отправного используют самое общее понятие жанра, сложившееся в теории литературы, с акцентом либо на содержательных, либо на формальных носителях жанра. Так, М. Г. Зельдович говорит о жанре как об исторически сложившемся устойчивом и вместе с тем динамическом типе структуры произведения, содействующем творческой реализации автора и одновременно выступающим ее своеобразным примечательным аспектом [8: 89]. Д. Е. Максимов ориентирован на типологию содержательную: «Жанр критической прозы есть производная основной жанрообразующей силы, то есть содержания критического произведения, тематического задания автора, его литературной личности и – наряду с этим – предлагаемых эпохой, более или менее стандартных для данного времени вариантов печатного оформления (вторичный момент)» [9: 271]. Ближе к специфике литературно-критического жанра, на наш взгляд, подошел А. Г. Бочаров, отметивший специфику проблемности, предметности и композиционных структур критических жанров [7: 5]. В работе мы опираемся на его определение сущности критического жанра, а также на суждение В. Н. Крылова о том, что «жанр в литературной критике выступает категорией мышления, в которой преломляется метод критики, стилистика эпохи. Он выполняет формообразующую роль, являясь принципом "моделью" структурной организации критического дискурса» [10: 63].

[1]В рубрике «Конференц-зал» публикуются материалы дискуссий «Поэзия XXI века. Жизнь без читателя?» [2], «"Раз в крещенский вечерок…" Литературные мечтания» [3], посвященных будущему русской литературы.

Теория критики разработала несколько классификацией жанров литературной критики. Л. П. Гроссман выделил 17 типов критических высказываний [11]. М. Я. Поляков, исходя из критерия структурно-композиционного соотношения литературного факта и проблематики выделяет четыре типа жанров критики: интерпретационные, идеологизированные, с переходом от факта к факту, рефлективные и полемические жанры [12]. А. Г. Бочаров обозначает три опорных жанра: рецензия, творческий портрет, статья [7: 6]. Ни одна из классификаций, существующих на сегодняшний день, не включает литературный прогноз как самостоятельный жанр. Это входит в разрез не только с востребованностью прогноза на рубеже XX–XXI веков, но и с представлениями о специфике задач критики. Традиционно в их число включают интерпретацию и оценку литературных произведений и явлений, транслирование эстетических ценностей и формирование культуры чтения, а также (и это важно для нашего исследования) определение перспектив развития литературы. Так, например, М. Г. Зельдович, когда обосновывает концепцию программности критики, пишет о ее способности и свойстве «в ходе решения своих творческим проблем, на основе анализа и осмысления (когда требуется – и теоретического обобщения) отдельного произведения, наследия писателя, тенденций, закономерностей литературного процесса данного (а когда требуется – и предшествующего) времени определять задачи и *перспективы литературного развития*» (курсив наш. – *Ю. Г.*, *Ю. Д.*) [8: 88]. О способности прогнозирования как о качестве профессионального критика пишет С. М. Казначеев: «Умение раньше других прочувствовать и обозначить еще не ясные для других веяния представляет собой неоценимое качество. Способность увидеть талант, быть может, еще не развитый, приметить, так сказать, зачатки дарования в новом перспективном явлении – знак критической мудрости и проницательности» [13: 190].

По-видимому, литературный прогноз как отдельный жанр не выделялся исследователями, потому что материалом типологического анализа в 1970–80-е годы была преимущественно критика XIX-XX века, которая включала лишь элементы прогнозов, встраивающихся в структуру проблемных статей. На рубеже XX–XXI веков появляются собственно прогностические критические высказывания. Этот факт позволяет на основе сравнительно-типологического анализа выявить повторяющиеся формально-содержательные элементы в данном типе критических текстов и обосновать существование самостоятельного жанра литературного прогноза.

Тема, проблематика, задачи прогноза

Главной темой литературных прогнозов является будущее литературы. Как правило, критики не уточняют временную перспективу, ограничиваясь формально употреблением глаголов будущего времени. Исключением является статья Р. Ибатуллина «Взгляд на русскую литературу 2183 года» [5].

Интерес к теме будущего на рубеже XX–XXI веков обусловлен общим ощущением пограничности существования, кризиса, который переживает литература, «толстые» журналы, издательское дело и особенно литературная критика. Утратив былой статус властителя умов, критика ностальгически вспоминает прошлое, лихорадочно заполняет лакуны, осваивая возвращенную литературу и при этом порождает новые «белые пятна», не успевая за новейшими произведениями. Взгляд в будущее в этой ситуации – это и форма эскапизма, но не ностальгического, а развернутого в желаемое грядущее, и попытка предостережения от опасных тенденций, уже проявляющихся в настоящем.

Тема будущего предполагает процедуру миромоделирования, не художественного, но специфического, аналитического. Об этой функции говорят сами критики. Так, по мнению Д. Бавильского, «критик использует текст как единственный источник информации о реальности, исходя из которой он, в свою очередь, сочиняет свою собственную модель данного ему мира» [14: 148]. В. Пустовая отличительной чертой критиков «большого стиля» называет «построение собственного мира, подобно тому, как писатель создает индивидуальный художественный мир» [15: 154]. А. Рудалев пишет: «А раз это “литературный жанр” (о литературной критике. – *Ю. Г.*, *Ю. Д.*), то, видимо, и должна она <…> работать, не только раскрывая чужой (по типу отношений автор – герой), но и творить свой собственный художественный мир, отвечать на вечные вопросы и вызовы современности, отстаивать свою систему ценностей, препарировать антиутопию и кирпичиками возводить новую утопию» [16: 55].

Моделирование будущего осуществляется в рамках специфического для литературного прогноза проблемного поля, которое не связано исключительно с будущим, но включает в качестве важнейшей проблему поиска перспективных путей развития литературы. Одновременно актуальной оказывается проблема моделирования будущего исходя из позитивных либо негативных тенденций в настоящем.

Задачи критика-прогнозиста: предположить сценарии развития литературы; оценить современную литературу в перспективе будущего; убедить читателя в своем представлении о продуктивном / художественно ценном / истинном / жизнеспособном.

Структура литературных прогнозов

Литературные прогнозы имеют повторяющуюся структуру не зависимо от объема прогностического суждения: это может быть развернутое высказывание в рамках дискуссии или статья. Она включает следующие элементы: рефлексия предстоящей задачи (в экспозиции); определение некой «точки опоры», позволяющей «собрать» образ будущего; картина будущего (или настоящего в перспективе будущего); концовка, варьирующаяся в прогнозах-мечтах и «рецептах».

Экспозиционная часть проанализированных прогнозов схожа содержательно и эмоционально. Критики вербализуют некий страх прогнозирования. С. М. Казначеев отмечает: «Это рискованное занятие (прогнозирование. – *Ю. Г.*, *Ю. Д.*), тут возможны ошибки: недооценка способностей дебютанта или, наоборот, излишние, несоразмерные дарованию авансы» [13: 191]. Прогнозы, послужившие материалом нашего исследования, выходят за границы творчества отдельного автора и распространяются на литературу в целом. А эта задача еще более ответственная и рискованная.

Н. Елисеев восклицает: *«Как изменится отечественная литература в ближайшие годы и какие художественные смыслы и формы будут в ней наиболее востребованы? “Вот вопрос! Да вы просто гробите меня этим вопросом!” – как было сказано в одном замечательном позднесоветском теледетективе»* [3: 185]. С. Солоух, намекая на ничтожность человека в масштабах мироздания, задается вопросом: *«…сам всего лишь навсего продукт экспериментов с глиной и костным материалом, то – какие прорицания?»* [1] и выбирает формат мечты как не обязывающего ни к чему размышления: *«Только мечты. Несбыточные грезы. Фьить. Воздуха кратковременное колебание»* [1].

Вербализацию страха делает важным элементом структуры прогноза момент осознанности его включения. Допустим, критик охвачен неким ощущением страха, представляя, какая задача стоит перед ним. Он принимает решение заявить об этом чувстве, несмотря на то что главным предметом рассуждений будет именно литературное будущее. Критик не только фиксирует страх, но и называет его причины, включает своего рода оправдания на случай несовпадения прогноза и реальности.

В качестве причин страха называются непредсказуемость развития литературы (Л. Костюков: «*В отдаленном будущем – главное свойство – литература будет непредсказуемой, не видной отсюда»* [1]; М. Эдельштейн вспоминает знаменитую фразу Юрия Тынянова о том, что русской литературе бесполезно делать заказы [1]), субъективность, которая определяет взгляд в будущее (В. Губайловский: *«Любой прогноз субъективен. И потому, что взгляд прогнозиста неизбежно ограничен; и потому, что прогнозис, хочет он того или нет, самим фактом высказывания вторгается в область возможного и пытается выстроить будущее таким, каким хотел бы его видеть»* [1]), бесполезность, невостребованность, опасность прогноза (В. Губайловский: *«Прогнозирование – дело либо бесполезное, либо опасное <…> тот единственный случай, который действительно касается будущего, может исказить и сломать хрупкую структуру этого будущего <…> Может повредить неумеренностью ожиданий или заблаговременным скепсисом, который не опасен для утвердившегося явления, но может сделать невозможным рождение или повредить становлению <…> я не хочу всматриваться в будущее его прозы, потому что боюсь угадать»* [1]; С. Афлатуни: *«А вообще, давать советы – дело такое же неблагодарное, как предсказания; эксперты высказываются – караван идет…»* [1]).

Журнал «Знамя» публикует серию прогнозов под общим названием ««Раз в крещенский вечерок…» [3]. Литературные мечтания», отсылающим к балладе В. А. Жуковского «Светлана», к сцене гадания. Редакция предпочитает не использовать слово «прогноз», заменяя его на менее «ответственное». И совпадает в этой идее с общим настроем критиков-прогнозистов, которые предпочитают другие обозначения: мечты, грезы, советы, предсказания, размышления о будущем: *«Только мечты. Несбыточные грезы*» (С. Солоух [1]), *«И я не удивлюсь и вряд ли оскорблюсь, если 99,9% людей пошлют меня с моими мечтами на три буквы»* (Р. Сенчин [3: 198]), «*Что же до пророчеств (или, скажем скромнее, размышлений) о будущем…»* (М. Эдельштейн [1]). Вторая часть наименования рубрики («Литературные мечтания») помимо аллюзивного значения также фиксирует альтернативную номинацию с акцентом на субъективность проговариваемого. Слово «гадание» использует в своем прогнозе и Е. Иваницкая. Критик перекладывает ответственность за представляемую картину будущего на воображаемое зеркало: *«Что ж, попробую погадать. Навожу зеркало на луну литературы <…> Но ска-*

жи, зеркало, какие смыслы и художественные формы будут в литературе востребованы?» [3: 195]. Посредник здесь «говорит» за автора, может исказить, отразить неверно.

На наш взгляд, проговариваемые страхи критиков связаны не столько с неопределенностью будущего как предмета осмысления, сколько с неприемлемостью статуса пророка, изживаемого на рубеже XX–XXI веков на волне постмодернизма и кризиса литературоцентризма. В 1990-е годы либеральной критикой отвергается образ авторитетного, всезнающего, направляющего критика, приветствуются множественность интерпретаций и образ критика-наблюдателя.

Неуверенность заставляет критиков искать некую точку опоры, которая позволила бы «собрать» зыбкое литературное будущее, обнаружить в нем тенденции, увидеть перспективные или негативные сценарии развития. Проговаривание критиком этой опоры – отдельный композиционный элемент текста-прогноза, располагающийся, как правило, после вербализации страха в экспозиционной части. Формальным показателем данного элемента являются суждения, построенные по модели «изменение / развитие в результате чего-либо»: *«Литературу **создают*** (здесь и далее выделено нами. – *Ю. Г.*, *Ю. Д.*) *читатели»* (Н. Елисеев [3: 186])*; «Отечественная литература **изменяется** вслед за общественно-политическими потрясениями»* (Е. Иваницкая [3: 195]); *«Будущее русской литературы напрямую **зависит** от будущего России»* (М. Галина [1]); *«Трансформация художественных форм **детерминирована** ускорением темпа жизни»* (А. Жучкова [3: 192]) и др.

Сравнительно-типологический анализ прогнозов позволил выделить следующие «опоры», определяемые критиками.

1) Читатель.

Участники дискуссии «Поэзия XXI века: жизнь без читателя?» едины во мнении о том, что будущее литературы зависит от наличия или отсутствия читателя. Фигуру читателя называет точкой отсчета Н. Елисеев: *«Более или менее массовый слой читателей создает литературу»* [3: 186]. По мнению критика, именно читатель в своем желании развиваться может определить развитие литературы. Д. Бавильский конкретизирует: не столько читатель, сколько его образ жизни: *«Нужно понять, как литература связана с современным образом жизни, нынешней структурой современного чтения, как она завязана на новые носители <…> и насколько она зависит от маркетинга»* [1]. Критики выстраивают прогнозы исходя из предполагаемых предпочтений читателя.

2) Жизнь в ее социокультурных аспектах и динамике.

Обусловленность развития литературы динамикой жизни – наиболее частотная «опора» в современной критике. Напрямую заявляют эту зависимость Е. Иваницкая: *«Итак, опыт двадцатого века (после 17-го года) свидетельствует и, вероятно, доказывает, что отечественная литература изменяется вслед за общественно-политическими потрясениями»* [3: 195] и М. Галина: *«Будущее русской литературы напрямую зависит от будущего России»* [1]. А. Жучкова полагает, что изменение форм и смыслов в современности обусловлено новым темпом жизни: *«Трансформация художественных форм детерминирована ускорением темпа жизни. <…> Мы считываем смыслы гораздо быстрее, чем двадцать-тридцать лет назад»* [3: 192]. Предполагая разные сценарии политической, экономической, социальной жизни страны, критики предсказывают движение литературы, ее взлеты и падения.

3) «Недостача» в настоящем.

Под «недостачей» мы имеем в виду отсутствие жизненно важного для литературы условия, направления, темы, героя, с появлением которых в будущем связывает надежду критик. Так, Р. Сенчин мечтает о возвращении драматургии, переживающей затянувшийся кризис в настоящем [3: 199], С. Солоух – о возвращении былого статуса литературы [1], для Л. Костюкова «недостача» – в политике «толстых» журналов, их ориентации на «раскрученных» авторов, а не на молодых и неизвестных [1].

4) Незавершенные в настоящем литературные тенденции.

Данная опора является самой «удобной» для критика, она снижает степень риска. Вполне естественно предположить, что сильные тенденции в современной литературе какое-то время будут актуальны. Для Д. Марковой это беллетризация и сегментация литературы, для С. Афлатуни – расслоение на литературу коммерческую и некоммерческую [1], для А. Данилова – протест и эксперимент как главные содержательные тенденции в настоящем [1].

Прогнозы: сценарии, рецепты, мечты

Литературные прогнозы, публикуемые в «толстых» журналах, содержательно разнообразны и позволяют применить к ним несколько классификационных критериев. В основу первой классификации мы положили модус видения будущего. В результате оказалось возможным разделить все множество прогнозов на позитивные, негативные (количественно преобладающие) и нейтральные. Анализ этих прогнозов позволяет реконструировать актуальные для современной критики

критерии эстетической ценности текста и шире – явления, тенденции.

Негативный прогноз рисует сценарии стремительной примитивизации литературы, обнаруживая начало тенденции в 1990-е. Традиционно под примитивизацией критики понимают упрощение содержания текстов, ориентацию на массовую литературу и на модели бестселлеров. На рубеже XX–XXI веков критику помимо этого тревожит и упрощение языка как результат чрезмерной увлеченности разговорным стилем. Так, Н. Елисеев утверждает: *«Если же говорить о языке русской литературы, то он (все с той же стремительной неуклонностью) будет приближаться к ложной красивости – с одной стороны, с другой – к блатной фене и… мату»* [3: 188].

Маркерами процесса примитивизации для критиков становится приобретение литературой просветительского характера, наплыв непрофессиональных писателей, не знающих классику, использующих пособия по написанию книг, «бесхитростно» (Н. Елисеев) и честно описывающих свою жизнь, ориентация писателей, издательств, журналов на выгоду, бренды. Финал негативного сценария – уход серьезной литературы в гламур, в массовый литературный сектор, утрата функции формирования элитарного типа речевой культуры.

Негативный сценарий предусматривает и продолжающуюся сегментацию литературы, опасную ее тотальной разрозненностью, разрушением единого литературного процесса. Речь идет о жанровой сегментации (каждый жанр, по мнению Н. Елисеева, будет писаться для определенной читательской аудитории: *«Все забьются в свои ниши. Фантасты будут обслуживать своих фэнов. Бульварщина скатится на вовсе и совсем недосягаемый уровень. Детективы забьются в ту же дырку. То, что называется серьезной литературой, будет, конечно, обороняться до последнего, но бой (по-моему) безнадежен»* [3: 189]); о сегментации по принципу «элитарность – массовость» (Д. Дмитриев: *«Часть высоколобых писателей, не приспособившись к новым условиям и не смирившись с утратой первенства, назовет себя духовным андеграундом и станет нетерпеливо ожидать нового витка истории»* [1], М. Галина: *«Литература займет то место, которое она занимает везде. Какая-то ее часть уйдет в рыночный сектор – анонимные проекты, имена-бренды, сериалы, беллетризация кинофильмов и мыльных опер… Но это малоинтересная материя. Часть уйдет в сугубый эксперимент – интересный только критикам и узким специалистам»* [1]).

Позитивные прогнозы критиков по сравнению с вполне реалистическими негативными видятся более зыбкими, фантастическими, высказываются в форме мечты, желаемого. В этих мечтах, как правило, рисуется обновление литературы. Анализ прогнозов позволяет реконструировать представления современных критиков о потенциально продуктивных изменениях в литературе. Ими могут стать взаимодействие традиционализма и эксперимента, деревенской прозы / проблематики и городской, сетевой литературы и «бумажной». Как видим, критика ориентирует не на поиск «золотой середины», а на творческое освоение иного эстетического опыта, на диалог, результатом которого станет обогащение как формы, так и содержания. Источником обновления ряду критиков видится Интернет, который разнообразит систему жанров, задаст новые форматы сотворчества автора и читателя. М. Галина более категорична: *«В более отдаленном будущем, полагаю, литературный процесс полностью переместится в Сеть»* [1]. Обновление в пафосе литературы предполагает А. Данилов [1]. По мнению критика, увеличится количество текстов патриотических, славянофильских, православных, позитивных и искренних, не заказных и потому интересных, текстов с созидающей идеологией.

Еще один позитивный сценарий – возвращение былого авторитета литературы. Современные прогнозы фиксируют актуальное здесь и сейчас понимание критикой феномена авторитетности. Ранее авторитетность понималась как такое влияние на сознание читателя, которое бы формировало мировоззрение, ценностные ориентиры: в литературе читатель искал ответы на жизненно важные вопросы, черпал модели поведения. В прогнозах рубежа XX–XXI веков авторитетность измеряется в формальных, просчитываемых показателях. Это, во-первых, присутствие литературы на всех информационных платформах (включая телевидение, Интернет), увеличение литературных площадок (Д. Дмитриев: *«Число литературных площадок в Москве и в Питере возрастет до числа кинотеатров в годы застоя»* [1]) и литературных премий. Во-вторых, авторитетность литературы просчитывается коммерчески: видится рост бюджета литературных премий и гонораров. В-третьих, ожидается приход в литературу новых пушкиных, авторитетных имен, медийных и узнаваемых (Е. Вежлян называет их «паровозами» для остальных [2], С. Афлатуни – «экспертами» [1]. В. Елистратов ждет появления «патриотов» в ближайшем будущем, видит в этом знак неизбежного превращения России в литературную Мекку).

Вторая классификация прогнозов предполагает в качестве основания способ представления будущего. Она позволяет вычле-

нить следующие разновидности: прогноз-мечту и прогноз-рецепт. Первый не предусматривает негативный сценарий развития литературы, второй допускает эту возможность. Первый разворачивается в модусе желаемого, второй императивен. Прогнозы-рецепты более категоричны в оценке настоящего, в них чаще появляются тупиковые и апокалиптичные сценарии развития литературы.

Формальным признаком прогноза-мечты являются лексемы со значением желаемого: «мечтаю», «надеюсь», «хочется (верить)», частица «бы» («был бы счастлив, если бы…», «мечтал бы…»): «*Мечтаю, чтобы они перестали быть исключениями»; «…хочется умной фантастики»* (Р. Сенчин [3: 198]); «*Я был бы счастлив, я бы хотел, чтобы родную словесность приравняли к футболу»* (С. Солоух [1]).

Для прогноза-рецепта характерен иной лексический ряд: лексемы со значением долженствования: «нужно», «должно», «надо / необходимо», инфинитивы-императивы типа «отказаться», «искать», «избегать», конструкции типа «главное не…»: *«…Надо найти автора<…> Он должен быть умным, но ум не станет его самоцелью»* (А. Жучкова [3: 194]); *«…решительно отказаться от репутации лаборатории»* (Л. Костюков [1]); *«Пожелание – избегать никаких стихов (а встречаются) и скучной прозы»* (Н. Рубанова [1]). С менее категоричным значением используются частица «бы», лексема «можно», конструкции типа «мне кажется…», «я бы предпочел…», «имеет смысл…», «стоит попробовать…»: *«Да и программу на “Культуре” бы “Знамени” устроить»* (Н. Рубанова [1]); *«И все же, говоря о “соответствии требованию дня”, можно было бы поработать именно над электронной версией»* (С. Афлатуни [1]); *«Одним словом, мне кажется, что нам стоит попробовать двинуться в сторону потерянного нами читателя какими-то другими, дополнительными путями»* (П. Крючков [2])*; «Может быть, действительно имеет смысл акцентироваться на формах и жанрах, ускользающих от книгоиздательского процесса?»* (Д. Бавильский [1]).

В структуре прогноза-рецепта предполагается некое условие: если следовать «рецепту», то это гарантирует «выздоровление», позитивную динамику в будущем, в противном случае возможны «осложнения». Эта структура определяет его композицию: в первой части прогноза рисуется проблемная ситуация в настоящем, далее критик предлагает «рецепт» и предполагает позитивный эффект. Затем проговариваются возможные негативные последствия игнорирования совета. В дискуссиях, инициированных «толстыми» журналами, критики «выписывают рецепты» самим журналам, переживающим экономический и статусный кризис: проводить рекламную политику (Н. Рубанова дает такой совет: «*Плюс реклама: обязательно должна быть “подлая” реклама в СМИ…»* и далее рисует картину «выздоровления»: *«еще та культурная революция вышла б…»* [1]); расширять сферы распространения и быть более доступными (уходить от формата замкнутых воинствующих партийных сообществ, напоминающих «старообрядческие секты» (Д. Бавильский [1]), это сделает журналы похожими на пушкинский общероссийский); отказаться от репутации издания-лаборатории и переориентироваться на качество, стабильную концентрацию разнородных удач без оглядки на литературную моду, это вернет читателя и былой авторитет (Л. Костюков [1]); изменить формат, уменьшить публикации «прописавшихся» авторов и увеличить число текстов, «параллельных, а то и перпендикулярных привычным» (Н. Рубанова [1]); разработать сетевую версию журнала, которая бы не дублировала «бумажную», но включила дополнительные позиции: материалы, не вошедшие в бумажный вариант (С. Афлатуни [1]), интерактивную критику и эссеистику (М. Галина [1]); пересмотреть структуру журнала, расширив рубрику литературно-критических и общегуманитарных статей, включив обзор современного материала; обновить дизайн (шрифт, иллюстрации, качество бумаги, это привлечет молодого читателя (Н. Рубанова [1]); ввести разные формы обратной связи с читателем: «*опрос, рейтинг авторов… В конце концов, можно премию выдавать раз в год… самому талантливому читателю, который, например, взял – да и угадал (почему нет? процесс непредсказуемый!) лауреата той же премии Белкина»* (Н. Рубанова [1]).

Выводы

Сравнительно-типологический анализ критических текстов, в которых рисуются картины будущего литературы, позволяет сделать вывод о возможности включения литературный прогноза в существующие жанровые классификации. Перед нами специфический вид литературной критики, для которого характерны особая тема (будущее литературы), своя проблематика (поиск перспективных путей развития литературы, моделирование будущего исходя из позитивных либо негативных тенденций в настоящем) и соответствующие ей задачи критика-прогнозиста (предположить сценарии развития литературы; оценить современную литературу в перспективе будущего; убедить читателя в своем представлении о продуктивном / художественно ценном / истинном), особая структура, включающая ре-

флексию предстоящей задачи, вербализацию страхов и оправдания в экспозиционной части, собственно прогноз – в основной. Анализ прогностических суждений позволяет также получить представление об особенностях критического мышления в тот или иной период. Критика рубежа XX–XXI веков демонстрирует неизжитую травму от утраты былого статуса (критики и литературы), от утраты позиций интеллектуальной прозы и поэзии. Эта осознаваемая «недостача» в настоящем определяет картины будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прорицатель // Знамя. 2006. № 6. URL : https://magazines.gorky.media/znamia/2006/6 (дата обращения: 15.04.2020).

2. Поэзия XXI века. Жизнь без читателя? // Знамя. 2012. № 2. URL: https://magazines.gorky.media/znamia/2012/2/poeziya-hhi-veka-zhizn-bez-chitatelya.html (дата обращения: 15.04.2020).

3. «Раз в крещенский вечерок…» Литературные мечтания // Знамя. 2018. № 1. С. 185–199.

4. *Чхартишвили Г.* Похвала равнодушию. Приятные рассуждения о будущем литературы // Знамя. 1997. № 4. С. 207–214.

5. *Ибатуллин Р.* Взгляд на русскую литературу 2183 года // Знамя. 2000. № 3. С. 183–192.

6. *Егоров Б. Ф.* О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль. Л. : Сов. писатель, 1980. 320 с.

7. *Бочаров А. Г.* Жанры литературно-художественной критики : лекции. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. 50 с.

8. *Зельдович М. Г.* Программность критики и критические жанры. К постановке проблемы // Русская литературная критика : история и теория : межвуз. науч. сб. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1988. С. 88–97.

9. *Максимов Д. Е.* Поэзия и проза Ал. Блока. Л. : Сов. писатель, 1981. 550 с.

10. *Крылов В. Н.* Русская литературная критика : проблемы теории, истории и методики изучения. М. : Флинта : Наука, 2016. 240 с.

11. *Гроссман Л. П.* Жанры художественной критики // Искусство. 1925. № 2. С. 61–81.

12. *Поляков М. Я.* Поэзия критической мысли. О мастерстве Белинского и некоторых вопросах литературной теории. М. : Сов. писатель, 1968. 342 с.

13. *Казначеев С. М.* Теория литературной критики : учебное пособие. М. : Рутения, 2018. 622 с.

14. *Бавильский Д.* Критика : последний призыв. Круглый стол // Знамя. 1999. № 12. С. 147–157.

15. *Пустовая В.* Китеж непотопляемый // Октябрь. 2006. № 10. С. 153–170.

16. *Рудалев А.* В ожидании критики // Вопросы литературы. 2007. № 4. С. 42–61.

REFERENCES

1. Proricatel’ (Soothsayer). *Znamja*, 2006, no. 6. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (accessed 15 April 2020) (in Russian).

2. Poetry of the XXI century. Life without a reader?. *Znamja*, 2012, no. 2. Available at: https://magazines.gorky.media/znamia/2012/2/poeziya-hhi-veka-zhizn-bez-chitatelya.html (accessed 15 April 2020) (in Russian).

3. “Once in a baptism evening …” Literary dreams. *Znamja*, 2018, no. 1, pp. 185–199 (in Russian).

4. Chhartishvili G. Praise for indifference. Pleasant discussions about the future of literature. *Znamja*, 1997, no. 4, pp. 2017–214. (in Russian).

5. Ibatullin R. A look at Russian literature in 2183. *Znamja*, 2000, no. 3, pp. 183–192 (in Russian).

6. Egorov B. F. O *masterstve literaturnoj kritiki. Zhanry. Kompozicija. Stil’* [On the Mastery of Literary Criticism. Genres Composition. Style]. Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1980. 320 p. (in Russian).

7. Bocharov A. G. *Zhanry literaturno-hudozhestvennoj kritiki : lekcii* [Genres of Literary and Artistic Criticism : Lectures]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1982. 50 p. (in Russian).

8. Zel’dovich M. G. Programming criticism and critical genres. To the statement of the problem. In: *Russkaja literaturnaja kritika : istorija i teorija : mezhvuz. nauch. sb.* [Russian literary Criticism : History and Theory : Collection of Scientific Works]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1988, pp. 88–97 (in Russian).

9. Maksimov D. E. *Pojezija i proza Al. Bloka* [Blok’s Poetry and Prose]. Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1981. 550 p. (in Russian).

10. Krylov V. N. *Russkaja literaturnaja kritika : problemy teorii, istorii i metodiki izuchenija* [Russian Literary Criticism : Problems of Theory, History and Methods of Study]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2016. 240 p. (in Russian).

11. Grossman L. P. Genres of art criticism. *Iskusstvo*, 1925, no. 2, pp. 61–81 (in Russian).

12. Poljakov M. Ja. *Pojezija kriticheskoj mysli. O masterstve Belinskogo i nekotoryh voprosah literaturnoj teorii* [Poetry of Critical Thought. About Belinsky’s Mastery and Some Issues of Literary Theory]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1968. 342 p. (in Russian).

13. Kaznacheev S. M. *Teorija literaturnoj kritiki : uchebnoe posobie* [Theory of Literary Criticism : A Training Manual]. Moscow, Ruteniaya Publ., 2018. 622 p. (in Russian).

14. Bavil’skii D. Criticism : The Last Call. *Znamja*, 1999, no. 12, pp. 147–157. (in Russian).

15. Pustovaja V. Kitezh unsinkable. *Oktjabr’*, 2006, no.10, pp. 153–170 (in Russian).

16. Rudalev A. Waiting for criticism. *Voprosy literatury*, 2007, no. 4, pp. 42–61 (in Russian).

Поступила в редакцию 05.05.2020 / После рецензирования 22.06.2020 / Принята 23.07.2020
Received 05.05.2020 / Revised 22.06.2020 / Accepted 23.07.2020

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

Жанры речи. 2021. № 2 (30). С. 144–153
Speech Genres, 2021, no. 2 (30), pp. 144–153
Научная статья
УДК 81′38:004.77
https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-144-153

Жанр новогодних поздравительных текстов в социальных сетях

В. И. Аннушкин[1]✉, Т. В. Шаламова[2], Е. Б. Штукарева[3]

[1]Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
Россия, 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6
[2]АНО ДПО «Brookes International Baccalaureate World Continuum School»,
Россия, 129323, г. Москва, Лазоревый проезд, д. 7
[3]Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»,
Россия, 119049, г. Москва, Ленинский просп., д. 4

Аннушкин Владимир Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, vladannushkin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3121-4215
Шаламова Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, учитель русского языка как иностранного, tatiannushkina@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8430-8720
Штукарева Елена Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент Центра русского языка, shtukareva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3082-9755

Аннотация. В статье исследуются содержательно-стилистические особенности современной поздравительной речи в социальных сетях на материале текстов профессионального сообщества бизнес-тренеров и специалистов по коммуникации. Данный тип поздравительной речи условно отнесен к письменной, электронной, официально-деловой, профессиональной речи. Содержание и стиль текстов, с одной стороны, сохраняют культурные традиции риторики поздравительной речи, с другой стороны, требуют инновационных идей и новых средств выразительности. Поздравление становится одним из информационных поводов для создания сообщений рекламного характера. Через тексты поздравлений их авторы занимаются продвижением идей и рекламой своих компаний. При ориентации на общую систему общих местидей специфика общения в соцсетях требует содержательно-стилистического динамизма и разнообразия языковых средств, которые проявляются в контаминации книжного стиля, профессиональных терминов с разговорными, просторечными и арготическими элементами. Каждый автор стремится к созданию собственного идиостиля, фиксируя замысел то в развернутых фигурах речи, то в предельной лаконичности. Приходится констатировать орфографическую и пунктуационную небрежность, а иногда сознательное нарушение правил пунктуации как стилистический прием. Поздравительная речь в соцсетях – выразительный пример современных тенденций в «употреблении языка» и создании «языкового вкуса эпохи».

Творческие новации в составлении поздравительных текстов в соцсетях требуют активного «самоанализа» деятельности самих филологов, которые также участвуют в подобных поздравительных акциях и могли бы стать «законодателями стиля и вкуса». Поэтому статья завершается примерами текстов поздравлений коллег-русистов, проявляющих творческую изобретательность и стилевое своеобразие в создании подобных текстов.

Ключевые слова: поздравительная речь, социальные сети, коммуникация, риторика, стилистика, выразительность

Для цитирования: *Аннушкин В. И., Шаламова Т. В., Штукарева Е. Б.* Жанр новогодних поздравительных текстов в социальных сетях // Жанры речи. 2021. № 2 (30). С. 144–153. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-144-153

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

© Аннушкин В. И., Шаламова Т. В., Штукарева Е. Б., 2021

Article
https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-144-153

Genre of New Year greetings in social networks

V. I. Annushkin[1]✉, T. V. Shalamova[2], E. B. Shtukareva[3]

[1]Pushkin State Russian language Institute,
6 Ac. Volgin St., Moscow 117485, Russia
[2]Brookes International Baccalaureate World Continuum School,
7 Lazorevyy Pr., Moscow 129323, Russia
[3]National University of Science and Technology MISIS,
4 Leninskiy Av., Moscow, 119049, Russia

Vladimir I. Annushkin, vladannushkin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3121-4215
Tatyana V. Shalamova, tatiannushkina@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8430-8720
Elena B. Shtukareva, shtukareva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3082-9755

Abstract. The article examines the content and stylistic features of modern greeting discourse in social networks based on the texts of the professional community of business coaches and communication specialists in social networks. This type of greeting discourse is conventionally referred to a written electronic formal professional discourse variety. The content and style of these texts, on the one hand, preserve the cultural traditions of greeting speech rhetoric, on the other hand, they require innovative ideas and new means of expression. Congratulations become one of the informational reasons for creating advertising messages. Through the texts of greetings, their authors promote ideas and advertise their companies. When focusing on a common system of common places-ideas, communication in social networks requires content-stylistic dynamism and a variety of language tools, which are manifested in the contamination of bookish style and professional terms with colloquial and argotic elements. Each author tries to create their own style, expressing their ideas either in the expanded figures of speech, or in the utmost conciseness. It is necessary to state spelling and punctuation negligence, as well as sometimes deliberate violation of punctuation rules as a stylistic device. The greeting discourse in social networks is an expressive example of modern trends in the "use of language" and the creation of a "language taste of the era".

Creative innovations in the compilation of greeting texts in social networks require an active "introspection" of the activities of philologists themselves, who also participate in such greeting events and could become "legislators of style and taste". Therefore, the article ends with examples of greeting texts written by specialists in Russian philology who show creative ingenuity and style originality in creating such texts.

Keywords: greeting discourse, social networks, communication, rhetoric, style, expressiveness

For citation: Annushkin V. I., Shalamova T. V., Shtukarjova E. B. Genre of New Year greetings in social networks. *Speech Genres*, 2021, no. 2 (30), pp. 144–153 (in Russian). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-144-153

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение. Об исторической динамике и современной проблематике в изучении поздравительной речи

Поздравительная речь – достаточно исследованный предмет в современной русистике. О риторике и стилистике поздравительной речи написан внушительный ряд диссертаций с исследованием истории эпидейктической речи в античной и отечественной науках, классификацией ситуаций и жанров эпидейктического общения в ситуациях праздников и торжеств – от разборов бытовых поздравлений до речей президентов РФ, от поздравлений в поэтических текстах русских классиков до поздравительных юбилейных речей в профессиональной среде ученых-филологов [1–3]. Поздравительной речи в социальных сетях была посвящена часть главы в исследовании Т. В. Аннушкиной, где на материале поздравительных образцов, которыми переполнены сайты Интернета, была предпринята попытка создания ситуативно-тематической классификации тостов. В сущности, поле изучения жанров поздравления значительно богаче и в настоящее время расширяется как за счет появления новых средств коммуникации, так и за счет необходимости включить в поле рассмотрения профессиональные виды медиакомммуникации.

Прежде всего нам хотелось бы подчеркнуть важнейшую роль, которую играет поздравительная речь в дискурсивной практике современного общества. Поздравительная речь акцентирует внимание на основных ценностях, которых придерживается создатель высказывания и эти ценностные идеи должны отразить те «общие места» (позиции, мнения), с которыми согласна аудитория. Именно идеи и стиль

поздравительной речи во многом формируют образ мысли и стиль жизни, которого придерживается данное общество.

Исторически поздравительная речь находится у истоков теории жанров, поскольку в первой классификации «родов речей» Аристотель называл три рода: эпидейктический, совещательный и судебный. «Дело эпидейктической речи – хвалить или порицать» [4: 19]. У Цицерона этот род речи назван «хвалебным» [5: 25], но в русских риториках как доломоносовских, так и послеломоносовских перевод латинского genus demonstrativum (а латинское demonstrativum, конечно, восходило к греческому «эпидейксис» – показать, указать; ср. совр. термины дейксис, дейктический) имел самые разные варианты: «показательное слово» (Софроний Лихуд, 1698 год), «показующий род» (Михаил Усачев, 1699 год), «украсительный род» (Старообрядческая риторика, 1712 год) [6: 369], «указательный род слова» у М. В. Ломоносова [7: 103]). Однако в отечественной традиции все-таки возобладало русское словотермин: так, профессор Царскосельского лицея Н. Ф. Кошанский, отмечая три рода речей у древних, перевел genus demonstrativum как *торжественные речи* [8: 208–209]. После прерывания риторической традиции в России в середине XIX века в необходимости возвращения к терминам *эпидейктический* и *показательный* не было нужды – и в книгах по светскому этикету и правилам речи писалось, конечно, о «поздравительных письмах и речах» [9: 341–345]. Приведем лишь, обсуждая исторические истоки жанра поздравительной речи, прелюбопытное свидетельство Б. Л. Фонкича о Типографском училище 1681–1687 годов (предтече Славяно-Греко-Латинской академии), ученики которого приходили к патриарху на Рождество 1682 года и произносили «поздравлятельные речи» [10: 128–129].

Выбор термина представляется весьма важным вопросом, поскольку ясно фиксирует изучаемый предмет. Поздравительная речь является видом эпидейктической речи, внимание к которой увеличилось после возрождения риторических исследований в нашей стране. Эпидейктическая речь, в намерения которой входят не только поздравления по разным поводам, но и восхваление (а восхваление всегда звучит в поминальной речи или некрологе – это отмечалось еще в классических риториках), и одобрение (что, как не «эпидейксис», мы имеем в текстах рецензий или даже отзывов на диссертации, как не классическую «похвалу или хулу» на представленный текст или личность автора?). Мы не стали бы останавливаться на разборе отличий поздравительной речи от собственно поздравления, которое, по-видимому, может быть просто кратким высказыванием или даже репликой, или от поздравительного текста (очевидно, что текст не ограничивается письменной речью или знаками, но и относится также к устной речи), тем более поздравительного дискурса, когда предлагается включать в рассмотрение «всю совокупность обстоятельств», «погружая речь в жизнь».

Современную поздравительную речь невозможно ограничить ситуациями устного бытового общения. Безусловно, она может присутствовать во всех видах коммуникаций: так, никуда не исчезла письменная речь, хотя явно ограничилась в объемах своего употребления (открытку можно написать и вложить в поздравление юбиляру, открытки продолжают любить писать дети и некоторые взрослые, не говоря уже о поздравительных адресах, которые остаются жанрами рукописной речи). В то же время явную победу одерживают новые виды медиакоммуникаций, например, сегодня безусловный приоритет имеют поздравительные тексты в ватсапе, чему способствуют очевидные свойства общения в этом виде коммуникации: сохраняя классические требования этикета (например, поздравление коллеги с днем рождения), посылаются краткие поздравления, в содержании которых ценятся как стандартные формулы, так и обязательно присутствует компонент изобретательного остроумия, связанный с характером и обликом адресата поздравления. Добавим сюда возможности добавления открыток, картинок и даже видео, смайликов в виде улыбок и цветов – вот неполный портрет современного ватсап-поздравления. Кроме того, следует отметить необременительность новой формы в смысле внешних правил и требований: поздравление желательно послать в день события, а ответить на него можно также не сразу, а по прошествии некоторого времени. Так сочетаются обязательность и произвольность, стандарт и творческая инициатива.

Поздравительная речь в составе медиакоммуникаций

В настоящее время наибольший интерес вызывают тексты медиакоммуникаций, причем под «медиа-» мы предложили бы рассматривать все виды коммуникаций, создаваемые с помощью технических средств электронно-компьютерного общения, и в таком случае к ним следует отнести не только тексты СМИ, но и нашу научную, деловую словесность, и, конечно, общение бытовое, в котором частный жанр поздравления приобрел исключительную популярность [6: 14–28].

Этому способствуют новые виды коммуникации, в частности, социальные сети, которые давно перестали быть платформой только для

межличностного общения. Так, каждая компания, помимо официального сайта, ведет свои страницы в социальных сетях, используя их как один из каналов для формирования имиджа и продвижения своих услуг и продуктов. Личная страница преподавателя, консультанта, коуча, тренера становится частью его профессионального имиджа и каналом для транслирования своего опыта и привлечения внимания к своей персоне и результатам своего труда. Поздравительная речь, или поздравление, написанные в связи с тем или иным праздничным событием, – прекрасный повод для того, чтобы заявить или напомнить коллегам, широкой аудитории о существовании фирмы, компании, научном или педагогическом коллективе. Тексты, обращенные к подписчикам, участникам групп, написанные по случаю праздничных событий, появляются на страницах их авторов не только как дань этикету, но как сознательная коммуникативная установка. Помимо традиционной задачи поздравительной речи выразить свое отношение к адресату, эти тексты используются как информационный повод для привлечения внимания целевой аудитории и вовлечения в общение, а в конечном счете – для продвижения услуги или бренда. Интересно заметить, что поздравления пользователей на страницах друг друга уходят в прошлое, но поздравления теперь, как правило, читаются на страницах самих авторов. Популярные аккаунты охотно придерживаются этой тенденции, используя случай напомнить о себе, поделиться своими достижениями и планами.

Исследователи современных приемов SMM-продвижения отмечают, что реклама в социальных сетях носит имплицитный характер: сообщения не демонстрируют явно свою продвигающую цель. На смену баннерной, очевидной рекламе в социальных сетях приходит нативная, или естественная, реклама, «органично интегрированная в контент того или иного информационного источника, то есть соответствующая виду, стилистике и самому контенту площадки, на которой размещена» [11: 376].

В данной статье рассматриваются примеры поздравительных публикаций в профессиональных сообществах социальных сетей Фейсбук и Инстаграм, описывается природа поздравительной речи в целом и её особенности в профессиональной среде с анализом композиции, содержания и риторических приёмов избранных текстов. Для общего анализа и характеристики поздравительных текстов избраны публикации в сети Инстаграм с хештегом #новый год2020, для анализа поздравительной профессиональной речи – поздравления ряда бизнес-тренеров и экспертов по коммуникациям.

Данный тип поздравительной речи условно отнесен нами к *письменной электронной официально-деловой профессиональной* речи, хотя, как будет показано ниже, в данных речах будут встречаться характеристики и других стилей. Определим эту речь как: *письменную*, поскольку она реализуется в письменной форме; *электронную* – реализуется на пространствах социальных сетей; *деловую*, поскольку, несмотря на свою «праздничность», она постоянно апеллирует к тому «делу», которым профессионально занимаются коммуниканты; *профессиональную*, ибо она публикуется в интернет-сообществах специалистов-профессионалов, которые при ориентации на «общие правила» построения поздравительных речей обязательно высказывают идеи, касающиеся их профессии.

Современные исследователи интернет-коммуникации отмечают следующие ее лингвостилистические особенности: контаминация письменного литературного и устного разговорного языков, антиномия информационной и экспрессивной функции (проявляется в противоречии между стремлением к однотипности и оригинальности изложения), диалогичность общения (существует набор механизмов, которые предусматривают постоянное поддержание обратной связи с помощью откликов, комментариев, групповых дискуссий, подписок на новости группы), атмосфера свободы, смеховая стихия, карнавальность общения (как следствие физической непредставленности коммуникантов), стилистические динамизм и контрастность (проявляется в стилистической раскованности, в смешении ресурсов разных функциональных и экспрессивных стилей), стремление к меньшему объему (в связи с переходом участников сетей на мобильные устройства), семиотические осложнения текста как особые средства выразительности, случайная или нарочитая неграмотность текстов [12–15]. Большая часть этих особенностей присутствует в материалах поздравительных речей.

Содержание и композиция поздравлений: от классики – к социосетям

Содержанием поздравительной речи являются общие места (топосы) как источники доказательств, т. е. основные общечеловеческие и профессиональные ценности (идеи, положения), которых придерживаются в данном профессиональном сообществе. Любая торжественная поздравительная речь предполагает наличие **общих мест** – идей, на которых строится речь. «Общие места» (топосы), или идеи похвалы, которые выделил Аристотель в виде «благ», могут смещаться и изменяться в зависимости от идеологии и мировоззрения

конкретного общества и стиля данной эпохи. Так, М. В. Ломоносов в первой русской научной «Риторике» 1748 г. называл следующие «места», являющиеся ценностными характеристиками человеческой личности («добродетелями»): «мудрость, благочестие, воздержание, чистота, милость, благодарность, великодушие, терпение, незлобие, простосердечие, искренность, постоянство, трудолюбие, дружелюбие, послушание, скромность» [7: 103]. Конечно, для современной стандартной поздравительной речи такими общими местами являются традиционные «здоровье, счастье и успехи в работе», однако очевидно, что в нынешней коммуникативной среде ценятся, кроме стандарта, от которого, как правило, не отказываются авторы текстов, еще и творческое остроумие, способность разнообразить текст подробностями, которые желательно представить стилистически оригинально и выразительно. В анализируемых нами поздравлениях такими общими местами могли стать понятия *вдохновения, веры в будущее, теплой атмосферы, семейного благоплучия, всеобщего веселья, волшебства, стиля взаимоуважения, любви к профессии, полноценной, яркой жизни* и мн. др.

Композиция полного, развернутого поздравления содержит, как правило, три части:

1. Вводная часть включает:

а) обращение к адресату поздравления. Например: *«Друзья!»; «Дорогие подписчики!»; «Коллеги!»;*

б) вступление ex abrupto (неожиданное начало без обращения), энергично обращающее внимание на суть события. Например: *«Уже и двери чуть приоткрыты, и столы накрыты, и елки украшены …»; или «Новый год совсем близко…»;*

2. Основная часть – собственно поздравление, включающее обычно несколько частей:

а) краткое красочное (нередко афористическое) поздравление. Например*: «Как говорится, “лучший мой подарочек – это ты”. Я имею в виду всех вас! Благодарю вас за творчество и вдохновение, за идеи, вопросы и материалы, за взаимоподдержку и взаимоуважение, за ежедневное взаимообучение!» и др.;*

б) пожелание различных благ адресату, например: *«Пусть в ваших сердцах царят гармония и любовь, пусть в ваших домах звучат смех и голоса любимых и близких людей, пусть ваши дела будут успешны, а поступки мудры, и пусть сбываются мечты и появляются новые!» и др.*

3. Заключительная часть включает в себя итоговое восклицание. Именно в этой части нередко содержится «изюминка» всего поздравления, его кульминация, ради которой пишется вся речь. Например*: «Добро пожаловать всему доброму!»* или в шутливой форме: *«Пусть все ваши люди и животные будут здоровы. Остальное купите…»*.

В отличие от традиционных письменных или устных поздравлений в ряде сообщений автор может не начинать речь с обращения, а заканчивать им, или вообще избегать его, заменяя имя адресата фотографией: *И ведь ничего не изменилось! Вы по-прежнему Лучший!!! С Днём рождения, Александр Михайлович!!!; Сегодня у самого самого Мудрого Доброго Щедрого Близкого Человека День рождения! Будьте долго-долго с нами!*

В структуру поздравительного поста часто вставляются элементы, в содержательном плане лишь опосредованно связанные с темой. Так, в описание итогов прошедшего года и выражение благодарности коллегам неожиданно вставляется бытовой фрагмент личной жизни: *Вчера на пляже пришла незнакомая кошка, улеглась мне на колени. Я смотрела на море, пила вино и радовалась последнему дню года. А кошка уютно лежала на мне и, кажется, спала…* Отталкиваясь по ассоциации от любого слова, составляющего этот текст, автор может достаточно произвольно строить его продолжение в виде аллегории, пожелания и т. д.

В современных социальных сетях более всего ценятся лаконичность и остроумие. Нередко новогодние «посты»-публикации содержат одну-две остроумные шутливые фразы, цепляющие глаз (*Новый год – это время, когда до утра не спит не только сова*; или *Провожайте уходящий год с улыбкой, чтобы в Новом году она вернулась счастливым смехом)*. По хештегу #новыйгод2020 в профессиональных сообществах можно найти среди пожеланий примеры следующих топосов:

- (любовь – пожелание оформлено метафорически) *Желаю найти свою вторую половинку в Новом году и уйти из него одним целым!*
- (творческая новация, преодоление трудностей – оформлено образно путем сравнений) *Пусть в наступающем Новом году ваши умы будут полны крутых идей и проектов. Добирайтесь до целей на коньках, скользя легко и виртуозно. Пусть никакие сугробы и вьюги не помешают вам совершить задуманное;*
- (движение и развитие – оформлено в виде анафоры с параллельными конструкциями): *Желаю в Новом году крыльев тем, кто хочет летать; скорости – тем, кто не может бездействовать; сил – тем, кому предстоит пройти испытания; мужества и спокойствия – тем, кто его заслужил… без ухода на пенсию;*

В традициях русского культурного менталитета привычно заменять прозаическую форму стихотворной, хотя такие тексты, как правило, далеки от совершенства: *В Новый год поднимем мы бокалы за любовь и вдохновение./Пожелаем тем, кто чувства долго ждет, еще немножечко терпения.*

Поздравление становится одним из информационных поводов для создания сообщений рекламного характера. Так, пост профессора Московской международной высшей школы бизнеса Александра Сергеева формально содержит признаки поздравительной речи, но это также повод для разговора о профессиональных успехах: *Новый год уже близко и можно начинать высказывать пожелания… Это и интерес, и самореализация, и материальное благополучие, и отношения, и статус, и много чего еще. И я желаю, чтобы у вас все это было: и интерес, и самореализация, и деньги, и всё то, чего вы хотите*. Через риторические вопросы обсуждаются механизмы и способы получения этих благ: *Как это работает? Как устроен кадровый рынок? Что на нем продается, а что нет и за какие деньги? Почему одни кандидаты получают десятки хороших предложений в год, а другие рассылают резюме, которые не несут ответа?* Ответы автор обещает дать на своем учебном семинаре: *Разберемся с великолепной Инной Можайской 8 февраля на групповом карьерном коучинге «Карьерная встряска». Ссылка в первом комментарии. Сделайте себе подарок к Новому году. Удачи!!!!!!!*

В новогоднем обращении бизнес-консультанта, эксперта по коммуникациям в медицине Анны Хасиной также содержатся формальные, достаточно трафаретные компоненты поздравления и пожеланий (*Поздравляю с наступившим Новым годом! Радости, счастья, успехов и всего прекрасного! <…> В Новом году желаю всем друзьям гармонии и равновесия! Ура!*), но большая часть ее текста (83%, 1942 знака из общего количества 2339) представляет собой «самопрезентацию» с информацией о достижениях автора и выражением благодарности тем, кто ей помогал:

<…>*много писала;*

– *написала и защитила диплом MBA. Александр Сазанович, спасибо вам за умные и дружелюбные комментарии! Михаил Косолапов, твои «волшебные пинки» были очень кстати;*
– *написала 15 статей в отраслевые журналы (посчитала и офигела, как много). Благодарю соавторов Камиль Бахтияров, Малявин Андрей, Анна Аксельрод, Жанна Салтанова, Екатерина Бриль, Олег Кныш за радость рождения общего текста! Nina Nemtsova, Anna Stoyalova, Роксана Мухарямова, вы знаете, что вы добрые феи? Это мое экспертное мнение;*
– *написала раздел главы в учебнике «Основы менеджмента медицинской визуализации» – ужасно горжусь и благодарю Sergey Morozov за доверие!* <…>

Приведённый текст представляет собой жанр подведения итогов уходящего года – особый тип публикаций, который становится общим трендом, заменяющим традиционное новогоднее поздравление. Очевидно в нем влияние стиля западных предисловий с длинным перечнем лиц, которым выражается благодарность. На страницах социальных сетей современные медийные личности предлагают список своих достижений, тем самым как бы ставя себя в пример своим подписчикам, а если это бизнес-тренеры или ведущие профессиональных сообществ, то показывается живой результат трудов и достижений. Пример – публикация в Блоге Аяза Шабутдинова, предпринимателя и бизнес-тренера, с длинным перечнем успехов, записанных в тезисной форме: *продали, привлекли, отметили, организовали, посетили, сбросил, набрал, дописал* и пр. В конце – лаконичное поздравление с приближающимися праздниками и пожеланием веры в светлое будущее: *«Желаю в НГ найти себя и своё дело. Когда это есть – ничего не страшно!»* Поздравительная часть публикации составляет 2% от всего текста (56 знаков из общего количества 2196).

Идиостиль и лингвостилевые ресурсы: богаты ли они?

Каждый оратор (даже имея традиционные места-идеи) стремится к созданию собственного **идиостиля**. **Идиостиль** проявляется прежде всего в богатстве и своеобразии лексики, синтаксическом построении текста и его оформлении. При общей праздничной торжественности допускаются элементы сниженности стиля речи с использованием разговорных словечек, игрой словами и т. д.

Стилистический динамизм проявляется в употреблении как высокой книжной лексики (*апофеоз, витать* в значении ‘незримо, таинственно присутствовать’, *благо, благая лета, величайший, единомыслие, многая лета, созидатель, свершение*), научных и профессиональных терминов *(комплекс, коучинг, средства коммуникации, трекинг, фасилитация)*, так и разговорных словечек *(подпить* в значении ‘опьянеть’, *позитив* ‘положительные эмоции’, *ужасно* ‘очень’, *негатив* ‘информация отрицательного свойства’, *подкидывать* ‘делиться’*)*, просторечных *(заковыристый, улеглась, короче) и* жаргонных слов *(драйвово, засветиться* ‘выдать, обнаружить себя’, *пипл)*.

Один и тот же пост может содержать как научную терминологию, так и разговорные слова: *Сегодня у декана БШ МИРБИС Федорова Фёдора Валентиновича день рождения! Придать хорошим МВА-Программам Мирбиса ещё больше современных оттенков, связанных с* ***цифровизацией, Индустрией 4.0***, ***управлением эмоциональностью*** *и* ***информационной доступностью*** *в бизнесе – это только некоторые из* ***задумок*** (разг.) *этого успешного руководителя.*

Своеобразие синтаксических построений состоит в том, что их авторы, с одной стороны, стремятся к краткости, с другой – безусловно ценится способность выразить творческий замысел в какой-либо, пусть самой незамысловатой фигуре речи. Приведем несколько таких текстов, где экспрессивность достигается благодаря использованию риторических и графических приемов:

- Парцелляция, анафора, нанизывание прилагательных с предварительным распространенным вступлением:

Сазанович!!!!!
Как только мы слышим это имя, уверен, у каждого человека, которому посчастливилось его знать, становится на душе тепло и приятно.
Он фантастичен!!!!!
Он умный и мудрый!
Он наивный и открытый!
Он энергичный и веселый!
Он глубокий и новаторский!
Он САЗАНОВИЧ!!!!!!!
И я его люблю …
Саша – с днём рождения тебя дорогой!!!!!!!

- **графические ресурсы** используются для передачи интонации, модуляции голоса, например, комбинация строчных и прописных букв, повтор букв и восклицательных знаков*: Урррааааааа!! С Днём Рождения!; С Вами – ооочееень ХОРОШО!; Он САЗАНОВИЧ!!!!!!!; Поздраавляяяюююююю!!!*
- **использование прописной буквы вместо строчной**, подчеркивающее важность, значимость характеристики или события, уважение к адресату: *Спасибо Всем за идеи, поддержку, вдохновение….; С Новым Годом!!! Пусть Он будет!!!; Самая Красивая, Мудрая и Жизнелюбивая женщина, Друг и Наставник!!! … Спасибо Вам за ВСЁ.*

Вербальные способы передачи информации в поздравительных постах дополняются невербальными – здесь наблюдается следующая тенденция: использование *смайликов* (значков, составленных из знаков препинания, букв и цифр, передающих эмоции) становится довольно редким явлением (встретились только в шести из двухсот сообщений); на смену им пришли *эмодзи / эмоджи* (знаки, передающие более широкий набор эмоций, целые образы и действия, например, изображение снеговиков, елочек, сердечек, аплодисментов и т. д.).

Невозможно не отметить орфографическую и пунктуационную неграмотность, речевую небрежность, которую мы назвали бы «неряшливостью», потому что едва ли можно предположить, что авторы текстов не владеют элементарной грамотностью – они просто не перечитывают свой текст, но «выпускают в свет» без проверки. Описки или опечатки приводить не имеет смысла, а вот игнорирование запятых даже самим авторам, видимо, представляется простительным. Ср. (выделяем слова, после которых требуются запятые…):

Благодарна случаю ***и наверно*** *судьбе, что удалось работать под руководством этого замечательного человека!!;*

Давайте, все кто знает ***Марию*** *поздравим этого замечательного человека с этим важным днем! Будьте здоровы, заряжайтесь от умных студентов и заряжайте умных студентов своим оптимизмом* ***и разумеется*** *знаниями;*

Федор ***Валентинович*** *успешности Вам на Вашем верном пути, Ваша команда вместе и рядом с Вами!*

В сегодняшних социальных сетях редко встретишь строгое следование правилам пунктуации, что может служить поводом для отдельного исследования. Запятые не просто не ставятся, но часто ставятся не там, где нужно. Часто пользователи используют запятые как знак «моё сообщение еще не закончено, читайте дальше». Также использование смайликов порой заменяет знаки препинания, зато компенсирует отсутствие интонации, мимики и передает настроение пишущего [16: 154].

Очевидно, что можно рассматривать как своеобразный новый стилистический прием пропуск запятых для подчеркивания струящегося потока радостной мысли, нередко заканчивающейся обилием восклицательных знаков в конце предложения: ***Улыбайтесь*** *как* ***всегда красиво искренне*** *счастливо!!!!; Сегодня у самого самого* ***Мудрого Доброго Щедрого*** *Близкого Человека День рождения! Будьте долго долго с нами!; С Днём рождения!* ***Улыбайся наслаждайся радуйся люби*** *желай! Добра и Любви тебе желаю от всей души!*

В. Н. Головин пишет о трёх составляющих, создающих **выразительность речи:** 1) самостоятельность мышления автора речи, его неравнодушие, интерес тому, о чем он говорит или пишет, и к тем, для кого он говорит или пишет; 2) хорошее знание языка, свойств и особенностей языковых стилей; 3) сознательное намерение автора речи говорить и писать выразительно [17: 145]. Анализируемый кон-

тент не вызывает сомнений с точки зрения неравнодушия и увлеченности авторов своим делом. Успешность ведения ими страниц и профессиональных сообществ напрямую зависит от умения выразительно и оригинально доносить свои мысли в письменной форме. В результате проведенного исследования к теории построения яркой, успешной, запоминающейся и эффективной поздравительной речи в социальных сетях стоит добавить критерии остроумия, лаконичности, сочетания классических приёмов построения текста с творческой инновационностью автора. Конечно, стоит говорить и о «вкусе» как способности выражать прекрасное и уместное, отражающем «вкус эпохи» и свидетельствующем о новых тенденциях в «употреблении / употреблениях языка», т. е. стилистике, как ее определил в последней книге В. Г. Костомаров [18: 133]. Филологи-русисты, вне всякого сомнения, могут и должны влиять на этот складывающийся динамичный «языковой вкус эпохи».

Вместо заключения: могут ли филологи стать «законодателями стиля»?

Объем статьи позволяет лишь кратко коснуться тенденций, которые складываются в самом филологическом сообществе, когда наши коллеги поздравляют друг друга в собственных коллективах с теми или иными праздниками – это ведь также профессиональная речь в соцсетях. Тем не менее, такой профессиональный «самоанализ», на наш взгляд, должен иметь место, поскольку мы, филологи, в некотором смысле и должны являться законодателями стиля, образцами речевой деятельности в создании текстов. В кандидатской диссертации Т. В. Аннушкиной проанализирован опыт юбилейных поздравлений проф. А. Н. Щукина с указанием конкретных лиц и анализом их стилевых векторов (в терминологии В. Г. Костомарова) [1]. Коммуникативная ситуация современного общества меняется стремительно, например, сейчас вошли в моду телефонные поздравления по ватсапу, где ценятся изобретательность и остроумие, не переходящие границ этикета, но и не банально стандартные.

Тенденции, отмеченные выше, будут сохраняться и развиваться, при этом сохранение традиции должно идти параллельно с творческими новациями, ориентацией на стилевую гармонию и уместность созданного текста. При этом стандарт поздравления сосуществует с образностью и разнообразием индивидуального стиля. Приведем несколько примеров, заканчивая статью и предоставляя читателю размышлять самостоятельно над тенденциями к изобретению идей и украшенности стиля – необходимыми компонентами поздравления (имена и отчества изменены):

- *Дорогой Виктор Александрович! От всей души поздравляем с юбилеем. Здоровья, сил, новых творческих озарений, успехов в реализации текущих и будущих проектов! Пусть Бог дарует благополучие и удачу Вам и Вашим близким!*
- *Ураааааа! С днем рождения! С любовью! Радостью! Беспредельным уважением! Обнимаю. Дорогой Виктор Александрович, берегите себя.*
- *С днем рождения, Витя! Пусть сбывается только хорошее!*
- *С Вашим днем, дорогой Виктор Александрович! Пусть жизнь Вам дарит вдохновение, а Вы вдохновляете жизнь!*
- *Дорогой Виктор Александрович, многодесятилетний друг Витя! Только светлое майское теплое утро могло послать в мир такого добросердечного и мудрого, творческого человека, как Ты-Вы! Поздравляю с вступлением в клуб юных шестидесятников, пусть чистое солнечное восприятие мира продлится многие лета! (смайлики с цветами и сердечками)*
- *Дорогой Виктор Александрович, с днем рождения! Берегите себя! Будьте счастливы во всем! Пишите, творите, любите! Удачи!*

В этих поздравлениях нетрудно выделить не только богатый состав общих мест-идей (топосов), но и отметить риторико-стилистические украшения, связанные с современным «употреблением языка». Ватсап позволяет вступать в мгновенный «медиалог» (см. обоснование этого термина – [6: 14]), а поздравляемый юбиляр отвечает почти мгновенно после непосредственного получения сообщения. В то же время никто не принуждается вступать в диалог сразу. Все эти новые возможности требуют осмысления и изучения, чтобы делать наше общение не обременительным, но комфортным и оптимальным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аннушкина Т. В.* Поздравительная речь в разных сферах общения : содержание – композиция – стиль : дис. … канд. филол. наук. М., 2016. 213 с.

2. *Мехта Анжу*. Содержательно-композиционные и стилистические особенности русской политической торжественной речи (на материале выступлений президентов РФ в 2000–2010 гг.) : дис. … канд. филол. наук. М., 2012. 208 с.

3. *Шаталова С. В.* Эпидейктические жанры речи : дис. … канд. филол. наук. Ярославль, 2009. 379 с.

4. *Аристотель*. Риторика // Античные риторики. М. : Университетская библиотека, 1978. С. 15–166.

5. *Цицерон Марк Туллий*. Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М. Л. Гаспарова. М. : Наука, 1972. 472 с.

6. *Аннушкин В. И.* Риторическая наука и коммуникативная практика современного информационного общества // Риторические традиции и коммуникативные процессы в эпоху цифровизации : сб. тр. XXIII Междунар. науч. конф. по риторике (Москва, 6–8 февраля 2020 г.). М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020. С. 14–28.

7. *Ломоносов М. В.* Краткое руководство к красноречию // Полн. собр. соч. : в 11 т. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. VII. С. 89–378, 805–839.

8. *Кошанский Н. Ф.* Риторика. Издание подготовили В. И. Аннушкин, А. А. Волков, Л. Е. Макарова. М. : Русская панорама : Кафедра, 2013. 320 с.

9. Правила светской жизни и этикета. Хороший тон. Сборник советов и наставлений на разные случаи домашней и общественной жизни. СПб. : Типография и литография В. А. Тиханова, 1889. Репринтное издание. М. : Рипол, 1991. 432 с.

10. *Фонкич Б. Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке / отв. ред. Д. Н. Рамазанова. М. : Языки славянских культур, 2009. 296 с.

11. *Арюткина Д. И.* Нативная реклама в социальных сетях // Правовое регулирование медиакоммуникационной сферы в России : новое в законодательстве и проблемы правоприменения. V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Саратов : Саратовский источник, 2018. С. 375–378.

12. *Крылова М. Н.* Язык современного интернет-общения (на материале интеллектуального контента социальной сети «ВКонтакте») // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 1. С. 128–137.

13. *Трофимова Г. Н.* Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете : концептуально-сущностные доминанты. М. : Изд-во РУДН, 2004. 380 с.

14. *Чирич И. В.* Речеэтикетные тактики в мессенджерах и их влияние на устную речь // Новая наука : новые вызовы : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар : АНО ДПО «Институт стандартизации, сертификации и метрологии», 2019. С. 11–16.

15. *Штукарева Е. Б.* Языковая специфика интернет-коммуникации // Интернет-коммуникация как новая речевая формация : колл. монография. М. : Флинта, 2016. С. 191–302.

16. *Стурикова М. В.*, *Кирпичиква М. Е.* Пунктуация в текстах социальных сетей // Социокультурное пространство России и зарубежья : общество, образование, язык. 2014. Вып. 3. С. 154–159.

17. *Головин Б. Н.* Основы культуры речи. М. : Высшая школа, 1988. 320 с.

18. *Костомаров В. Г.* Стилистика, любовь моей жизни… СПб. : Златоуст ; М. : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2019. 184 с.

REFERENCES

1. Annushkina T. V. *Pozdravitel'naya rech' v raznyh sferah obshcheniya : soderzhanie – kompoziciya – stil'* [Congratulatory Speech in Different Spheres of Communication : Content – Composition – Style]. Diss. Cand. Sci. (Philol.) Cand. Moscow, 2016. 213 p. (in Russian).

2. Mekhta Anzhu. *Soderzhatel'no-kompozicionnye i stilisticheskie osobennosti russkoj politicheskoj torzhestvennoj rechi (na materiale vystuplenij prezidentov RF v 2000–2010 gg.)* [Content-compositional and Stylistic Features of the Russian Political Solemn Speech (Based on the Speeches of the Russian Presidents in 2000–2010)]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2012. 231 p. (in Russian).

3. Shatalova S. V. *Ehpidejkticheskie zhanry rechi* [Epideictic Genres of Speech]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Yaroslavl', 2009. 379 p. (in Russian).

4. Aristotel. Rhetoric. In: *Antichnie ritoriki* [Ancient Rhetoric]. Moscow, Universitetskaya biblioteka Publ., 1978, pp. 15–166. (in Russian).

5. Ciceron Mark Tullij. *Tri traktata ob oratorskom iskusstve. Pod red. M. L. Gasparova* [Gasparova M. L., ed. Three Treatises on Oratory]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 472 p. (in Russian).

6. Annushkin V. I. Rhetorical science and communicative practice of modern information society. In: *Ritoricheskie tradicii i kommunikativnye processy v epohu cifrovizacii : sb. tr. Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 6–8 fevralya 2020 g.)* [Rhetorical Traditions and Communication Processes in the era of Digitalization : Coll. of Proceding of the Intern. Conf. on Rhetoric (Moscow, 6–8 February 2020)]. Moscow, Moscow State Linguistic University, 2020, pp. 14–28 (in Russian).

7. Lomonosov M. V. A quick guide to eloquence. *Lomonosov M. V. Polnoe sobr. soch. : v 11 t.* [Collected Works : in 11 vols]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1952, vol. VII, pp. 89–378, 805–839 (in Russian).

8. Koshanskii N. F. *Ritorika* [V. I. Annushkin, A. A. Volkov, L. E. Makarova, eds. Rhetoric]. Moscow, Russkaya panorama, Kafedra Publ., 2013. 320 p. (in Russian).

9. *Pravila svetskoj zhizni i ehtiketa. Khoroshij ton. Sbornik sovetov i nastavlenij na raznye sluchai domashnej i obshchestvennoj zhizni* [Rules of Social Life and Etiquette. Good Form. A Collection of Tips and Instructions for Various Cases of Home and Social Life]. Saint Petersburg, Tipografiya i litografiya V. A. Tikhanova, 1889. Reprintnoe izdanie. Moscow, Ripol Publ., 1991. 432 p. (in Russian).

10. Fonkich B. L. G*reko-slavyanskie shkoly v Moskve v XVII veke, otv. red. D. N. Ramazanova* [Ramazanova D. N., ed. Greek-Slavic Schools in Moscow in the XVII Century]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2009. 296 p. (in Russian).

11. Aryutkina D. I. Native advertising in social networks. *Pravovoe regulirovanie mediakommunikacionnoi sferi v Rossii novoe v zakonodatelstve i problemi pravoprimeneniya. V Vserossiiskaya nauchno prakticheskaya konferenciya s mejdunarodnim uchastiem* [Legal Regulation of the Media Communication Sphere in Russia : new in Legislation and Problems of law Enforcement. V All-Ressian Sci.-Pract. Conf. With Intern. Participation]. Saratov, Saratovskij istochnik Publ., 2018, pp. 375–378 (in Russian).

12. Krilova M. N. The language of modern Internet communication (based on the intellectual content of the "Vkontakte" social network). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2019, no. 1, pp. 128–137 (in Russian).

13. Trofimova G. N. *Yazykovoj vkus internet-ehpokhi v Rossii. Funkcionirovanie russkogo yazyka v Internete : konceptual'no.-sushchnostnye dominanty* [Language Taste of the Internet age in Russia. Functioning of the Russian Language on the Internet : Conceptually-essential Dominants]. Moscow, Izd-vo Rossiiskogo universiteta druzhby narodov, 2004. 380 p. (in Russian).

14. Chirich I. V. Speech-etiquette tactics in messengers and their impact on oral speech. In: *Novaya nauka : novye vyzovy : sb. nauch. tr. Vseros, nauch.-prakt. konf.* [New Science : new Calls : Coll. Sci. Papers of the All-Russian Sci.-Pract. Conf.] Krasnodar, Institut standartizacii, sertifikacii i metrologii, 2019, pp. 11–16. (in Russian).

15. Shtukareva E. B. Language specifics of Internet communication. In: *Internet-kommunikaciya kak novaya rechevaya formaciya : koll. monografiya* [Internet Communication as a new Speech Formation : Collective Monograph]. Moscow, Flinta Pub., 2016, pp. 191–302 (in Russian).

16. Sturikova M. V., Kirpichikva M. E. Punctuation in social media texts. *Socio-cultural Space of Russia and Abroad : Society, Education, Language*, 2014, iss. 3, pp. 154–159 (in Russian).

17. Golovin B. N. *Osnovi kulturi rechi* [Basics of speech culture]. Moscow, Visshaya shkola Publ., 1988. 320 p. (in Russian).

18. Kostomarov V. G. *Stilistika lyubov moei jizni…* [Style, the love of my life…]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ., Moscow, Gos. IRYa im. A. S. Pushkina, 2019. 184 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 20.10.2020 / После рецензирования 22.12.2020 / Принята 15.01.2021
Received 20.10.2020 / Revised 22.12.2020 / Accepted 15.01.2021

Жанры речи. 2021. № 2 (30). С. 154–162
Speech Genres, 2021, no. 2 (30), pp. 154–162
Научная статья
УДК 811.161.1′272:005.573
https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-154-162

Публичные интернет-дискуссии о вере: проблема эффективности убеждения

А. И. Матяшевская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Матяшевская Ангелина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, angelinacaribe@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-4465-208

Аннотация. Рассуждая о средствах достижения эффективной коммуникации, лингвисты традиционно уделяют наибольшее внимание типу адресата дискурса и условиям его взаимодействия с адресантом. В данной статье некоторые трансформации устных жанров в Интернете были рассмотрены на примере публичных дискуссий о роли православной веры в жизни современного человека, функциях религии в духовном воспитании общества и её соотношении с научными достижениями XXI века. Проведённый на материале собственных расшифровок анализ видеозаписей свидетельствует о том, что основным адресатом убеждения, определяющим выбранные непосредственными участниками дискуссии способы аргументации, становится именно массовая молодёжная аудитория.

Гостями интернет-версии программы «Не верю: разговор с атеистом» становятся люди всех возрастов и профессий: священнослужители, учёные и популяризаторы науки, политики, журналисты, переводчики, врачи, деятели искусства, кинокритики и блогеры. Очевидна ориентация выступающих на сближение с прогнозируемой аудиторией при помощи рассмотрения сложных философских вопросов на примере обсуждения близких каждому зрителю ситуаций с привлечением как логических, так и эмоционально-оценочных доводов. Обращается внимание на формат непринуждённой и доброжелательной беседы. Сказывается оживлённый обмен мнениями, что помогает направлять внимание интернет-пользователей на восприятие и многоуровневую интерпретацию высказанных в программе суждений. Разнообразие точек зрения позволяет вызвать у молодёжной аудитории интерес к обсуждаемым в программе вопросам, способствует развитию критического мышления, побуждает зрителей перейти к собственным поискам истины и формированию обоснованной позиции в вопросах веры и неверия. Результаты исследования могут применяться для формирования и развития риторических навыков студентов.

Ключевые слова: эффективность коммуникации, адресат, адресант, аргументация

Для цитирования: *Матяшевская А. И.* Публичные интернет-дискуссии о вере : проблема эффективности убеждения // Жанры речи. 2021. № 2 (30). С. 154–162. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-154-162

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-154-162

Public Internet discussions on faith: The problem of persuasion effectiveness

A. I. Matyashevskaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Angelina I. Matyashevskaya, angelinacaribe@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-4465-208

Abstract. Considering effective communication, linguists traditionally focus on the type of the addressee and the conditions of their interaction with the addresser. The paper analyzes some transformations of oral genres on the Internet, including public discussions on the role of Orthodox faith in modern life, the functions of the religion in the spiritual and moral education of the contemporary society and its relation to the scientific breakthroughs of the 21st century. The analysis of video materials shows that their main addressee is the youth audience. Thus, it determines the methods of argumentation chosen in public Internet communication.

© Матяшевская А. И., 2021

The YouTube program “I Don’t Believe in God: Talking to an Atheist” has guests of all ages and professions: clergy, scientists and popularizers of science, politicians, journalists, interpreters, doctors, artists, movie critics and bloggers. The speakers are obviously oriented toward the predicted audience, complicates philosophical issues are discussed using real-life examples and involving both logical and emotional arguments. The article also focuses on the relaxed and friendly atmosphere of the conversation. Notably, a lively exchange of opinion boosts the Internet users’ attention and encourages the multidimensional interpretation of the views. A variety of perspectives sparks the youth interest in the discussed issues, facilitates critical thinking, inspires viewers to search for the truth themselves and to form sound judgments on religious faith and atheism. The results of the research may be used to improve students’ public speaking skills.

Keywords: effective communication, addresser, addressee, argumentation

For citation: Matyashevskaya A. I. Public Internet discussions on faith : The problem of persuasion effectiveness. *Speech Genres*, 2021, no. 2 (30), pp. 154–162 (in Russian). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-154-162

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Постановка проблемы

Поскольку ключевые особенности жанров речи неразрывно связаны со сферой их функционирования [1], внимание жанроведов привлекает их эволюция в современных условиях, главным образом, в Интернете [2]. Лингвисты отмечают, что даже довольно консервативный религиозный дискурс активно проникает в интернет-пространство [3], в результате появляются новые возможности убеждения и взаимодействия с массовым адресатом [4]. При этом затрагиваются вечные вопросы о роли христианской веры в обществе и её соотношении с объективным знанием [5, 6], для чего нередко применяется характерная для научного доказательства логическая аргументация [7].

Кроме того, в современном дискурсе о вере на первый план выходят адресованность, увлекательность и интерактивность выступления [8], без соблюдения которых запросы прогнозируемого адресата не будут удовлетворены [9], что в условиях огромного разнообразия интернет-ресурсов неизбежно приведёт к нежелательному сокращению просмотров конкретного онлайн-канала.

Описание цели, задач и методик исследования

Цель исследования – выявление принципов создания эффективности коммуникации в религиозном интернет-дискурсе сторонников науки и веры. Для этого рассмотрим аргументацию в публичных дебатах о Боге сквозь призму взаимодействия адресантов с прогнозируемой аудиторией, становящейся в данном случае основным адресатом. Нами было выполнено обобщение результатов лингвистических исследований и методом сплошной выборки проанализированы особенности жанра дебатов о вере на материале собственных расшифровок 24 видеозаписей на русском языке общим объёмом 164372 словоупотребления.

В качестве материала исследования были выбраны YouTube-выпуски программы «Не верю: разговор с атеистом» с менее жёсткой структурой, чем рассмотренные нами ранее англоязычные дискуссии *The God Debate* [10]. Русская версия построена по принципу непринуждённой беседы верующего и атеиста вместо формального вступительного слова, ответа оппоненту и заключительного обращения к зрителям в английском материале.

1. Адресант и прогнозируемый адресат

Важной особенностью программы «Не верю: разговор с атеистом» считаем выбор приглашённых участников дискуссии: оппонентами священнослужителей становятся мужчины и женщины самых разных возрастов и профессий – учёные и популяризаторы науки, политики, журналисты, переводчики, врачи, деятели искусства, кинокритики и блогеры, что, несомненно, повышает интерес к программе молодёжной аудитории, именно она является адресатом всех участников дискуссии. Безусловно, разнообразие сфер деятельности выступающих позволяет им приводить неожиданные для интернет-пользователей аргументы в поддержку своей точки зрения, что делает обсуждение более динамичным. В качестве примера приведём отрывок из беседы кандидата экономических наук со священником: ***Я бы хотел обратить внимание вот на следующий тезис, который вы обозначили,*** *что в скандинавских странах, в отличие от России, церковь пользуется государственной поддержкой, если я вас правильно понял.* ***Вот с этим я бы сильно поспорил,*** *потому что мне представляется что в России как раз церковь* ***пользуется большой государственной поддержкой, экономической в первую очередь: известно, что церковь освобождена от большого ко-***

личества налогов, *которые государство взимает и с бизнеса и с граждан – что позволяет, по сути дела, заниматься коммерческой деятельностью* (канд. экон. наук, доц. РЭУ им. Плеханова О. Комолов). При этом ведущий программы вынужден иногда вмешиваться в диалог сторон, чтобы направить его в нужное русло: *Мне бы хотелось, чтобы Вы, Олег,* ***поспорили, но не с экономической составляющей*** *– все-таки с Вами как с кандидатом экономических наук тут, мне кажется, бессмысленно нам спорить* (Ведущий – О. Комолову).

Отметим, что, помимо священнослужителей, кресло адепта религии в данной программе предоставляется и людям других профессий; в этом случае продюсерами оппонент целенаправленно подбирается так, чтобы сделать обсуждение наиболее оживлённым. В этом отношении показателен пример беседы художественного руководителя МХАТ им. Горького Эдуарда Боякова с режиссёром Константином Богомоловым, когда обсуждение вопросов веры ведется не абстрактно, а с позиций её роли для европейской культуры и просвещения: ***То, что европейская культура депрессивна, потому что она детерминирована вот этим христианским страданием,*** *вот этим христианским… христианской зависимостью от смерти –* ***ровно наоборот, она депрессивна, потому что она потеряла радость христианскую,*** *она потеряла веру в воскресенье, она потеряла дисциплину и заветы, которые были апостолами обозначены, описаны* (худрук МХАТ Э. Бояков). Более того, по мере развёртывания подобный диалог неизбежно приобретает персонализированность, благодаря чему у зрителей создаётся иллюзия присутствия при личной беседе двух деятелей искусства: *Мне сложно говорить о радости общения с Богом, потому что я сейчас говорю,* ***общаюсь с Константином, пытаясь остаться на нашей территории*** *– если* ***мы режиссеры, то мы тогда можем говорить об эмоции****, о правдивости этого состояния.* ***Я критически отношусь ко многому из того, что я вижу на сцене в постановке режиссера Богомолова;*** *тем не менее, я всегда отдаю отчет, что* ***Константин очень-очень точно… он честный режиссер****, понимаете* (худрук МХАТ Э. Бояков).

Большинство выступающих в программе, стараясь учесть интересы зрителей, нередко обращаются напрямую к массовому адресату и озвучивают его тревоги и проблемы: ***В данном случае хотел обратиться к телезрителям*** *и обратить внимание нас всех на вот эти слова:* ***уважаемые телезрители****, даже если вы верите, не «переобувайтесь». Не пытайтесь поверить или не поверить в зависимости от того, что вам диктует власть, бизнес, телевизор или кто-то еще, вырабатывайте свою позицию.* <…> *Та высокая материя, которая… о которой мы можем говорить на философском языке, она* ***интересна и доступна очень небольшому кругу людей,*** *а* ***подавляющее большинство людей решает проблему, сколько надо заплатить за то, чтобы крестить****, сколько надо заплатить за то, чтобы похоронить, на какой машине приехал тот или другой батюшка и сколько денег церковь потратила на строительство храмов и всего остального* (д-р экон. наук, проф. МФЮА А. Бузгалин). Об этом свидетельствует заострение внимания на определённом аспекте религиозных верований (например, роль женщины в семье и обществе), а также сам выбор слов (включение модной лексики): *Возьмем* ***роль женщин:*** *очевидно же, что, исходя из очень таких старых, базовых установлений и христианства, и ислама, и, наверное, огромного количества других религий,* ***не получилось бы того количества прекрасных женщин-ученых, художников, спортсменов****, еще чего-то, что мы видим вокруг* (астрофизик, проф. РАН С. Попов); *Христианство – это религия радости, да, мой девиз,* ***мой хештег: вера – это радость****, потому что христианство делает человека счастливым уже сейчас и продолжает это счастье и за рамки этой земной жизни* (священник С. Колотвин).

В то же время участники дискуссии признают, что затрагиваемые вопросы очень сложны и не всегда умещаются в ограниченный формат передачи: *Вот здесь я вижу очень серьезное упрощение,* ***но, к сожалению, его продемонстрировать можно только на каких-то конкретных примерах, но для этого нет места в нашей передаче*** (протоиерей А. Рахновский); ***Здесь*** (тезисы. – *А. М.*) ***очень серьезные, требующие*** *на самом деле, наверное,* ***намного большего формата, чем предполагает наша передача,*** *но постараемся вкратце, хоть как-нибудь, коснуться, немножечко наметить то, что можно обрисовать мелом* (диакон Р. Криницын). Для облегчения восприятия сказанного они привлекают примеры из личного опыта, что должно вызвать доверие и стать более убедительными для разнородной интернет-аудитории: *У нас двое детей, я никогда жене не изменял и не только потому, что я ее люблю, но потому, что я ее уважаю;* ***мне не кажется, что это должно быть связано с какой-то религией, с какой-то верой*** (политолог, переводчик М. Бернардини); *Вот знаете,* ***почему я пошел в священники*** *– не оттого, что у меня были проблемы с проф.ориентацией*

или меня, там, допустим, накрыло тяжелым предметом по голове в процессе обучения на ***кафедре научного атеизма.*** *<…> Хотя я учился на пятерки, но, к сожалению, мне это не давало ответов на вопросы, и, когда я задавал эти вопросы совершенно честно и искренне,* ***будучи простым студентом из семьи простого советского офицера, приехавшего с Нарьян-Мара*** *– и когда я задавал вопросы –* ***я не был отнюдь рафинированным москвичом, я из народа, простой совершенно парень рабоче-крестьянский*** *– задавал вопросы, я видел, что ответы моих старших коллег неубедительны* (протоиерей М. Васильев).

Во многих случаях беседа участников программы проходит подчёркнуто доброжелательно, что вызывает симпатию зрителей, независимо от того, насколько им близки взгляды говорящего. Готовность к компромиссу, допущение разных точек зрения наиболее ярко прослеживаются при обсуждении вопроса о месте науки и религии в жизни современного человека, например: *Так что сознаю эти направления* (науку и религию. – *А. М.*) *вполне* ***родственными, взаимодополняющими*** *и перед очами Божьими необходимыми совершенно* (игумен Л. Степанов); *Я всегда воспринимаю* ***знание больше как спираль, по которой там постепенно движемся*** *–* ***знаю, верю,*** *то есть, они* ***не взаимоисключающие понятия****, всегда вера требует определенных знаний, знания показывают, где граница нашего знания и приводят к определенной вере* (канд. физ.-мат. наук Д. Собур); *Я думаю, что* ***в современную эпоху*** *– ее часто называют постсекулярной – разговор идет, скорее, я думаю,* ***не между верующим и неверующим, а скорее, разговор этики*** *и каким способом мы осмысливаем эту этику. Потому что в данном случае, мне кажется, развитие светской культуры на каком-то этапе приводит к* ***диалогу с верующими, поскольку вообще религиозное мировоззрение, некоторые этические принципы стали общегражданскими****, если угодно, общемировыми* (общественный деятель И. Прохорова). Более того, некоторые из выступающих пытаются доказать, что наука и религия решают общие проблемы: *Мы,* ***священники, как и врачи-психиатры,*** *психотерапевты можем говорить о тех или иных патологиях, если выражаться этим языком, и* ***у нас на самом-то деле очень много точек соприкосновения*** (иермонах Г. Войтишко).

Уход от стереотипного, упрощённого противопоставления верующих и атеистов становится дополнительным преимуществом в глазах зрителей, поскольку позволяет им детально рассмотреть разнообразные аспекты существования религии в современном обществе и получить представление о многообразном спектре существующих по этому поводу мнений: *Мне очень часто в таких случаях говорят, что атеизм – это еще одна религия.* ***Естественно, я не согласен,*** *потому что это, наоборот, отрицание религии, но об этом мы можем поговорить, это* ***вовсе не значит, что надо ссориться по этому поводу,*** *да, эта тема для обсуждения* (политолог, переводчик М. Бернардини); *С точки зрения верующего человека, для меня, допустим,* ***нету никакого,*** *так сказать,* ***возмущения в том, что здесь уравниваются и верующие и неверующие,*** *потому что для меня, как верующего… я понимаю, что действительно* ***Бог может говорить в любой ситуации практически с любым человеком*** *– зависит от того, насколько сложились обстоятельства жизненные, что человек близок к тому, чтобы услышать Бога* (диакон Р. Криницын).

Кроме того, собеседники признают очевидные недостатки крайних точек зрения: *Например, когда о диалоге говорят люди агрессивно неверующие,* ***они смотрят на верующих как на какой-то такой контактный зоопарк*** *<…>* ***Верующие,*** *в свою очередь,* ***не лучше себя ведут****: они агрессивно такие… зелотствующие верующие… ведут себя таким образом, как если бы неверующее сообщество, во-первых, было абсолютно гомогенным, единым, с одной стороны, а с другой,* ***как будто им там не доставало гипоталамуса*** *или еще чего-нибудь, и они* ***какие-то вот лишенцы****, чего-то у них вот…* ***убогие они какие-то*** *в отрицательном смысле* (протоиерей А. Абрамов). Многие из них понимают всю важность выбора правильных слов при обсуждении таких серьёзных вопросов и делают всё возможное, чтобы избежать риска быть неправильно понятым или случайно не оскорбить чувства собеседника: ***Я хочу сказать, что в этом отношении надо правильно выбирать слова****, да, то есть я иногда боюсь сказать что-то такое, что … чтобы не быть неправильно понятым… Я имею в виду, что религия для меня это вера во что-то нематериальное, во что-то достаточно эфемерное.* ***В принципе, многое и в науке есть… что-то такое достаточно нереальное, несуществующее,*** *да, если взять вот этот Большой взрыв* (медбрат-анестезист П. Козлачков); ***Я точно, упаси боже, сейчас не хочу Вас поучать и выполнять роль такого миссионера,*** *но хочу заметить, что православными в нашей традиции являются не те люди, которые исправно читают молитвы, а те люди, которые верят, ко-*

торые просят Бога, обращаются к Богу от сердца (худрук МХАТ Э. Бояков).

Однако иногда терпимость к инакомыслию и уважение к собеседнику становятся только формальностью, а вопросы к нему носят намеренно провокационный характер: *Сейчас мы видим, что выступают – даже их священниками как-то странно назвать – попы выступают и пытаются* ***навязать свои достаточно реликтовые взгляды,*** *и поэтому* ***у меня вопрос к моему уважаемому визави:*** *насколько я понимаю, во время хиротонии, то есть, когда вас рукополагают в священнический сан, на вас сходит благодать, и она с вами пребывает – можете прояснить,* ***когда они говорят глупость, вот когда они говорят откровенную глупость,*** *про то, что женщины, например, слабее умом,* ***у них благодать как-то отключается или она у них в каком-то фоновом режиме,*** *то есть, что происходит с благодатью, которая на нем, на священнике, должна пребывать постоянно?* (кардиолог, исследователь С. Нестеров)

Религия часто рассматривается приглашёнными в программу священнослужителями как основополагающий фактор в развитии человеческого общества: *Важно, чтобы* ***церковь*** *была таким нравственным камертоном,* ***задающим тон этим отношениям в обществе*** (иермонах Г. Войтишко); ***Я не стал бы абсолютизировать значение научного метода и вообще научного познания*** (протоиерей А. Абрамов). В качестве доказательства своей правоты адепты религии утверждают, что именно вера в Бога способна дать ответы на вечные вопросы о смысле жизни, и только она гарантирует абсолютную любовь: ***Религия отвечает на главный вопрос для человека:*** *что такое смерть, и есть ли за ней продолжение бытия* (протоиерей Л. Калинин); *Он* (человек. – *А. М.*) *хочет найти что-то большее,* ***ради чего ему следовало жить*** *<…> Человек задается вопросом: а что дальше, а куда дальше –* ***вот как раз на этот вопрос,*** *мне кажется,* ***отвечает религия*** (канд. физ.-мат. наук Д. Собур); ***Бога я представляю как личность,*** *личность, полную любви, и эта* ***любовь… она и является единственной путеводной звездой в нашем мире*** (священник С. Колотвин). При этом оппоненту иногда удаётся вынудить священнослужителя прокомментировать неоднозначные противоречия религиозной доктрины, например, вопрос о том, за чьи грехи страдают и умирают малолетние дети: *Бог принимает решение за маленького ребеночка, которого уже* ***родители его губят,*** *так или иначе, либо медленно, либо быстро; либо его* ***дедушки-бабушки виноваты*** *– неважно, и в любом случае, уже ему дает свое* ***небесное царство, вечную жизнь*** (священник С. Колотвин).

Отметим, что поскольку православная религия была официально провозглашена правящей партией одной из духовных скреп, приглашённые в программу «Не верю: разговор с атеистом» священнослужители нередко используют манипулятивные приёмы убеждения, апеллируя к общенародным патриотическим символам: *Я выбираю эту религию, где Бог меня любит, где Бог готов ради меня умереть, как я готов умереть ради своих детей, и* ***наши тоже крещеные и некрещёные предки во время Великой Отечественной войны тоже были готовы умереть,*** *даже не ради своих детей, ради абсолютно незнакомых людей рядом с собой* (священник С. Колотвин); ***Логика такова, что вера меняет поведение людей.*** *Вот, например,* ***праздник народного единства государственный,*** *на который также выпадает церковный праздник Казанской иконы Божьей матери, когда Москва была освобождена от поляков. И у нас было очень много моментов даже* ***в истории нашего государства, когда происходило то, что не могло происходить,*** *когда вера людей, с точки зрения верующего человека, меняла не только собственную жизнь – да, потому что верующий человек, он призван, в первую очередь, изменить себя – но меняла и отношения внешних людей* (диакон Р. Криницын).

В русле привычной политической риторики религиозные и семейные ценности в российской государственности стандартно противопоставляются вырождению Запада с его тлетворным влиянием на нашу страну – говорящий целенаправленно сгущает краски, а эмоциональные аргументы подбираются им так, чтобы шокировать потенциального адресата, вызвать отторжение и ненависть к западному обществу: *На сегодняшний день мы видим, что* ***западная культура в своем стремлении к индивидуализму дошла до чудовищных*** *совершенно* ***форм распада***, ***отвратительных произведений,*** *которые не прославляют ни Бога, ни его творение, прославляют грязь, невероятные страсти и грехи человека и их ставят на пьедестал* (протоирей Л. Калинин); ***Неужели вы не чувствуете, что происходит регресс в очень важных областях?*** *Например, сыпется институт семьи <…> Происходят такие вещи, которые еще 100–200 лет назад представить было нельзя. <…> Модели какие-то были несколько более, на мой взгляд, удобные, например, для деток, которые при живых родителях, как правило, не оставались сиротами,* ***общество не было способно,*** *например,* ***эмбриональные ткани тела убитых деток***

отправлять на экспорт и сделать из них, *например,* ***средство от импотенции или другие косметические всякие средства*** (протоиерей М. Васильев).

В ответ оппоненты священнослужителей утверждают, что религиозное понимание сотворения мира нередко оказывается весьма упрощённым и исчерпывающие ответы на многие вопросы возможно найти только благодаря научному познанию: *Конечно, когда мы начинаем рассматривать и самих себя, и Землю, и Солнечную систему, мы можем впасть в такое мнение или получить такое впечатление, что речь идет действительно о каком-то невероятном сочетании факторов, и здесь вот как раз и возникает это слово – чудо. Но* ***на самом деле, это вопрос, на который надо искать ответ с научной точки зрения.*** *Мы можем сказать: «Да, у нас есть вопрос, да, у нас нет пока ответа на этот вопрос, почему мы здесь, почему находится Вселенная – давайте искать этот ответ». А можно* ***придумать ответ и потом уже больше ничего не искать*** *–* ***это, конечно, более легкий путь*** *и, может быть,* ***путь, который обеспечивает большее душевное спокойствие,*** *но с научной точки зрения это* ***тупик****. Это идти,идти а потом вдруг остановиться и сказать: «Всё, я дальше не пойду. Это чудо, на этом научный поиск заканчивается». А почему его заканчивать?* (д-р физ.-мат. наук, астроном Д. Вибе) Кроме того, занимающие в программе кресло атеиста указывают на двойную мораль некоторых представителей церкви, которые следуют христианским заповедям только на словах: *Ты понимаешь, ты видишь, что* ***слова очень часто… священников расходятся с делами.*** *<…> Почему вы себя называете учителями, отцами,* ***вы хотите сказать, что у вас есть нечто, благодаря чему вы можете поучать других?*** (кардиолог, исследователь С. Нестеров).

2. Особенности аргументации в дискуссиях о вере

Сторонники научного познания следуют принципам объективности и доказанности, а в качестве основных аргументов приводят факты, не согласующиеся с библейской версией творения: *Мы знаем, что* ***принципы критического мышления,*** *которые лежат в основе и научного подхода… мы знаем, что* ***это самый лучший и единственный эффективный способ познания происходящего вокруг,*** *потому что мы знаем, что* ***наука работает – история человеческого прогресса это прекрасно демонстрирует*** (переводчик А. Малов); ***Наука эволюционная биология*** *достаточно четко сейчас* ***установила, что Адама и Евы не было, то есть первичный пары никогда не было*** *– это вот генетика эволюционная, что мы вышли из Африки, причем это тысячи там определенных людей<…>* ***Научный факт – первичной пары никогда не было,*** *соответственно, не было райского сада, соответственно, не было грехопадения и вот не было … соответственно, не было сада, соответственно не было греха и собственно* ***Иисусу приходить было незачем*** (кардиолог, исследователь С. Нестеров). Атеисты следуют логической процедуре последовательного доказательства: *Мне удалось,* ***опираясь на известные теоремы о неполноте*** *– их доказал Курт Фридрих Рудольфович Гёдель в 1930 году –* ***выстроить цепочку рассуждений, показывающую, что бытие божие,*** *во-первых,* ***невозможно****, во-вторых,* ***не нужно*** (журналист А. Вассерман).

Отметим, что и приглашённые в программу священнослужители иногда пытаются найти какие-то ответные рациональные доводы, например, что не только наука, но и религия системна, что позволяет обучаться и вести исследования в духовных образовательных учреждениях: *Я бы не стал игнорировать эту вот именно* ***рациональную составляющую****, и мне очень хочется…* ***я настаиваю, что религия это не слепое следование куда-то там неизвестно куда,*** *это совершенно* ***четко сформулированная дорога и практика****, мой личный взгляд формировался* ***в духовных учебных заведениях*** (протоиерей В. Гелеван).

Комментируя ход рассуждений собеседника, выступающие пытаются обратить внимание зрителей на его неоднозначные утверждения и дополнить их собственным виденьем проблемы: ***Человек становится атеистом не для того, чтобы стать свободным.*** *Бог дает человеку возможность ответить «нет» на обращенную Богом к человеку любовь. <…>* ***Бог никогда никого не насилует*** (иермонах Г. Войтишко); *Мне кажется, что эта вот* ***концепция ада и рая,*** *что вот есть воздаяние определенное, есть наказание, есть поощрение – такой кнут и пряник своеобразный –* ***она создает такую форму эгоистичности в человеке****,* ***что ты боишься или хочешь получить что-то, что тебя вознаградит,*** *то есть* ***все твои поступки вследствие этого продиктованы этим своеобразным эгоизмом*** (медбрат-анестезист П. Козлачков). При этом говорящими подчёркивается, что высказанная критика конструктивна и вызвана лишь стремлением к объективности, а не желанием выиграть спор любой ценой: *Во-первых, как обычно,* ***хочется вступиться за Дарвина****: возводить*

такой социалдарвинизм Дарвина это ***то же самое,*** *что* ***обвинять Христа в религиозных войнах – это неправильно, так нельзя подходить к вопросу*** (астрофизик, профессор РАН С. Попов)**;** *Вы же учились в школе, правда? Соответственно, Вы слышали имена* ***Пифагор, Евклид, Фалес, Архимед*** *– эти люди внесли свой вклад в современную науку, поэтому* ***разговоры о том, что современная наука в христианстве там, в кельях в каких-то – это просто неправда*** (кардиолог, исследователь С. Нестеров); ***Мне жаль, что собеседник*** *начинает вот переходить… если не на личности, то отпускать такие* ***шпильки про тоталитарные режимы – я же не говорю про церковь,*** *про там злые времена инквизиции, про костры,* ***я,*** *например,* ***предпочитаю вспоминать те вещи, в которых у церкви было положительное влияние,*** *например, как крестили Русь* (коммунист П. Тарасов).

Отметим важность выбора аналогий в сравнениях рассуждающего, поскольку они вызывают определённый эмоциональный отклик и задают адресату соответствующий угол зрения. Так, в следующем примере видим сравнение христианства с советской идеологией, которая не выдержала проверку временем, однако несостоятельность религии невозможно проверить, поскольку, в отличие от коммунизма, все блага обещаны только после смерти: ***Что коммунисты, что, условно церковники****… <…> опять-таки говорят, что* ***личность вторична*** *по отношению там либо к Богу, либо к какой-то идее. <…> Вы опять-таки говорите: »****Вот сейчас откажись от всего и потом тебя ждут плюшки****». <…>* ***В чем разница принципиальная****… <…> Вы* ***обещаете свои условные плюшки после смерти****, оттуда никто никогда не возвращается* (кардиолог, исследователь С. Нестеров). Весьма актуальным с точки зрения современных ценностей и идеалов, близким и понятным для зрителей становится рассмотрение атеизма как заведомо убыточного бизнес-проекта: *Это главный вопрос человека: что будет со мной после смерти. Он содержит в себе еще одну какую-то такую попытку найти понимание: а что если будет это продолжение, что я должен сделать, чтобы это продолжение для меня было счастливым и комфортным?* ***Ни один нормальный человек, ни один нормальный бизнесмен не начнёт вкладываться в проект, который будет на 100% разрушен*** (иермонах Г. Войтишко).

Поскольку в большинстве случаев участники программы настроены поддерживать диалог с оппонентом, они используют тактику частичного согласия, ищут точки соприкосновения, казалось бы, противоположных взглядов, опровергая только отдельные озвученные тезисы, а не концепцию веры или неверия в целом: *Мы сегодня живем вообще в мире, где* ***все построено на вере****:* ***если вы включаетесь в рынок,*** *вы не можете эмпирически определить* ***качество продуктов****, качество тех или иных предметов, вам остается одно – верить.* ***Если вы включаетесь в область политики****, идете на выборы, вы тоже исходите из веры –* ***все сегодня вера, вера, вера. Но, с моей точки зрения, человек должен определять этот мир сам,*** *быть неотчужденным – если я верю, я исхожу из рекламы или из чьих-то рекомендаций или из каких-то таких пиаровских посылов – а* ***мне нужно самой определить эту реальность*** (д-р филос. наук, проф. МГУ Л. Булавка-Бузгалина); *С христианской точки зрения, в основе всех проблем со здоровьем человека, его целостностью, то есть проблемами исцеления – поэтому мы говорим об исцелении – со всем здоровьем человека лежит, безусловно, грех.<…>* ***Но если бы все так было просто, тогда не нужна была бы ни медицина,*** *ни ее частные там производные формы, начиная от психиатрии, заканчивая там пульмонологией, и все было бы просто, а* ***на самом деле все не так просто*** (иермонах Г. Войтишко).

Возможность задать уточняющий вопрос собеседнику обеспечивает постоянную смену коммуникативных ролей, что делает дискуссию более естественной и непринуждённой: *На самом деле, у меня нет четкого мнения по этому поводу, я как раз хотел адресовать этот вопрос –* ***мне интересно узнавать мнения компетентных людей на этот счет*** (астрофизик, профессор РАН С. Попов); *В этой душе, если мы говорим о человеке, есть нечто особенное, что выделяет его из всего животного мира, с нашей точки зрения.* ***Хотя вот мне было интересно услышать от Вас, если вы можете это нащупать, с чем мы работаем?*** (иермонах Г. Войтишко). В отдельных случаях обмен репликами напоминает своеобразную пикировку гостей программы, что усиливает воздействие на интернет-пользователей и их интерес к продолжению «знакомства» с доводами сторон: ***Если тот тезис, который Вы озвучиваете, подтверждается статистикой, то есть ли у вас статистика,*** *например,* ***о числе верующих и атеистов, сидящих в тюрьмах*** *за различные преступления – у нас, в Америке?* ***У меня есть****, я знаю, что, например, в США атеистов по опросам более 7% населения, а в тюрьмах их 0,2 %, то есть в 40 раз меньше. Верующие, получается, в тюрьме оказываются чаще, чем атеисты.* ***Я понимаю что Вы… из Ва-***

шего этого утверждения можно делать разные выводы, но, *по крайней мере,* ***Вы начали говорить про статистику, я Вам этот тезис вернул*** (популяризатор науки А. Соколов). Как видим, участники программы не читают заранее заготовленный текст, а именно беседуют, подбирая факты, аргументы, что-то вспоминают и добавляют – всё это делает дискуссию более «живой» и увлекательной для прогнозируемого адресата.

Выводы

Готовность детально рассмотреть многоаспектное взаимодействие науки и религии в современном обществе в сочетании с нетривиальностью суждений большинства гостей программы «Не верю: разговор с атеистом» можно считать неотъемлемыми требованиями эффективности подобной коммуникации. Проведённый анализ расшифровок позволяет заключить, что успешность аргументации в публичной дискуссии о вере в немалой степени определяется особенностями самого интернет-пространства и ожиданиями его пользователей: отсутствие категоричности, оживлённая беседа с поочерёдным обменом репликами, логическое обоснование утверждений по принципу научного доказательства и выбор для обсуждения актуальных для каждого мыслящего человека вопросов становятся факторами, гарантирующими сближение с молодёжной аудиторией программы. Подобные дискуссии не оставляют у пользователя ощущения пассивности: взвесив и оценив аргументы каждой из сторон, зрители имеют возможность прийти к собственным умозаключениям или же продолжить поиски истины самостоятельно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дементьев В. В.* О типологии речевых жанров в связи со сферами речевой коммуникации и без такой связи // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 3. С. 630–644. https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6(3).630-644

2. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78–107. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21

3. *Гаврилов Е. О.* Оцифрованное сакральное: особенности существования религии в интернет-пространстве (по материалам СМИ) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 28. С. 177–183.

4. *Салахова А. Г.-Б.* Стратегия аргументации в религиозном интернет-дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 34 (215). С. 109–112.

5. *Нескрябина О. Ф.* Исторически относительные и психологически константные особенности публичного дискурса о вере // XVII Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения «1917–2017: уроки столетия» : материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Красноярск, 16–18 янв. 2017 г.). Красноярск : Восточная Сибирь, 2017. С. 354–358.

6. *Нескрябина О. Ф.* Публичный дискурс о вере: особенности социально-психологического анализа // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6, № 4. С. 555–565.

7. *Бобкова А. Ю.* Методы аргументации в научной дискуссии // Экономика развития. 2011. № 1 (57). С. 99–101.

8. Эффективность коммуникации: понятие, роль адресанта и адресата, основные приёмы её достижения / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Саратов : ИЦ «Наука», 2019. 236 с.

9. *Сиротинина О. Б.* Факторы, влияющие на эффективность коммуникации // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 1 (16). С. 39–47. https://doi.org/10.17516/2311-3499-047

10. *Матяшевская А. И.* Эффективность убеждения в дебатах о Боге // Личность – Язык – Культура : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 27–28 ноября 2019 г.). Саратов : ИЦ «Наука», 2020. С. 82–87.

REFERENCES

1. Dementyev V. V. About the Typology of Speech Genres in Connection with Spheres of Speech Communication and Without Such a Connection. *Communication Studies*, 2019, vol. 6, no. 3, pp. 630–644(in Russian). https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6(3).630-644

2. Dementyev V. V. “Speech Genre” Theory and Actual Processes in Contemporary Speaking. *Topics in the Study of Language*, 2015, no. 6, pp. 78–107 (in Russian). https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21

3. Gavrilov E. O. The Digitized Sacred : Features of Religion Existence on the Internet (on Media Sources). *The Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2014, no. 28, pp. 177–183 (in Russian).

4. Salakhova A. G.-B. Argumentation Strategies in the Religious Internet Discourse. *Chelyabinsk State University Bulletin*, 2010, no. 34 (215), pp. 109–112 (in Russian).

5. Neskriabina O. F. Historically Relative and Psychologically Constant Features of the Public Faith Discourse. *XVII Krasnoiarskie kraevye Rozhdestvenskie obrazovatel’nye chteniia “1917–2017: uroki stoletiia” : materialy mezhregion. nauch.-prakt. konf. (Krasnoyarsk, 16–18 yanvarya 2017 g.)* [XVII Krasnoyarsk Regional Christmas Educational Readings “1917–2017 : Lessons of the Century” : Materials of the International Scientific and Practical Conference (Krasnoyarsk, 16–18 January 2017)]. Krasnoyarsk, Vostochnaya Sibir’ Publ., 2017, pp. 354–358 (in Russian).

6. Neskriabina O. F. Public Discourse on Faith: Characteristics of Social Psychological Analysis. *Issues of Journalism : Theory and Practice*, 2017, vol. 6, no. 4, pp. 555–565 (in Russian).

7. Bobkova A. Iu. Methods of Argumentation in the Scientific Debate. *Development Economics*, 2011, no. 1–57, pp. 99–101 (in Russian).

8. *Effektivnost’ kommunikatsii: poniatie, rol’ adresanta i adresata, osnovnye priemy ee dostizheniia. Pod red.*

O. B. Sirotininoy, M. A. Kormilitsynoy [O. B. Sirotinina, M. A. Kormilitsyna, eds. Effective Communication : Concept, Roles of Addresser and Addressee, Ways to Achieve It]. Saratov, ITs "Nauka" Publ., 2019. 236 p. (in Russian).

9. Sirotinina O. B. Factors Contributing Effective Communication. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2019, no. 1 (16), pp. 39–47 (in Russian). https://doi.org/10.17516/2311-3499-047

10. Matyashevskaya A. I. Effective Persuasion in the God Debate. *Lichnost' – Iazyk – Kul'tura : materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Saratov, 27–28 noiabria 2019 g.)* [Personality – Language – Culture. Materials of the All-Russian scientific-practical conference (Saratov, 27–28 November 2019)]. Saratov, ITs "Nauka" Publ., 2020, pp. 82–87 (in Russian).

Поступила в редакцию 18.05.2020 / После рецензирования 17.06.2020 / Принята 23.07.2020
Received 18.05.2020 / Revised 17.06.2020 / Accepted 23.07.2020

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. А. Митенёва*
Технический редактор *И. А. Каргин*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 25.05.2021. Подписано в свет 31.05.2021.
Формат $60 \times 84/8$.
Усл. печ. л. 9.3 (10.0). Тираж 500. Заказ 70-Т. Цена свободная

Издательство (редакция) Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.